

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№174/7-8 (5045)

ИЮЛЬ – АВГУСТ 2026

На русском
и английском языках

Журнал основан

в 1880 году

www.RussianMind.com

9 772046 868005

UK£4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ...€5.50
Belgium, Greece€5.50
France, Spain€5.60
Switzerland5.60 CHF
Hungary2290 HUF
Poland26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

НАШЕ НАСЛЕДИЕ – НАМ И БЕРЕЧЬ!

Интерес к творчеству Нины Берберовой, которую называли «Мисс Серебряный век», всколыхнуло 125-летие со дня ее рождения. Андрей Вознесенский, посвятивший ей не только прекрасные строки, но и предисловие к русскому изданию «Железной женщины», считал, что она отнюдь не принадлежит к поколению Серебряного века, ее генерация иного стиля мышления, энергии, вкуса – это дух середины века, но почему-то именно ее, юную Нину Берберову, избрали своей Мисс такие паладины Серебряного века, как Николай Гумилев и Владислав Ходасевич.

В читательском восприятии Берберова навсегда рифмуется с Серебряным веком – временем большого подъема русской культуры во многих ее проявлениях. Принято считать, что понятие «Серебряный век» возникло в среде русской эмиграции. Там, где были написаны многие стихи Нины Николаевны, которые мы с радостью публикуем. Они и десятилетия спустя – как глоток чистого свежего воздуха. Ее творчество – часть великого наследия, которое необходимо сберечь.

Именно сохранение наследия стало темой очередного выпуска «Русской мысли», выходящего в конце изнурительно жаркого лета в Европе.

В этом номере мы вспомним тех, без кого понятие Русский мир было бы неполным. Это князь Александр Александрович Трубецкой, для которого служение России было делом всей жизни. И князь Дмитрий Михайлович Шаховской, потомок Рюриковичей, кавалер российского ордена Дружбы, которого не стало в этом году.

И потомственный аристократ, собиратель театрально-декоративного искусства первой трети XX века князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, который видит своей целью сохранение культурного наследия России.

В августе исполняется 155 лет со дня рождения Леонида Андреева, о котором Лев Толстой как-то сказал: «Он пугает, а мне не страшно».

Не могли мы не вспомнить и художника Ивана Прянишников – он принадлежал к той категории русских интеллектуалов XIX века, для которых Европа была не чужеземным, а естественным культурным пространством.

А великий наш Шаляпин Федор Иванович! Мы завершаем публикацию фрагментов из книги Елены Лебедевой о знаменитом певце и русском зарубежье во Франции. И начинаем знакомить читателей с недавно увидевшей свет книгой Анны Лавровой о ее прадеде Вукеле Михайловиче Лаврове, основавшем в далеком 1880 году журнал «Русская мысль».

Наша званная гостья – народная артистка России, певица, поэтесса, композитор и гитаристка Жанна Бичевская. В ее репертуаре несколько сотен (!) песен духовного содержания, русских народных песен, романсов и песен на стихи поэтов Серебряного века. Настоящая берегиня нашего наследия!

Сбережение культурного наследия – дело долгое и необходимое. Постараемся соответствовать величии замысла. Сегодня это один из ключевых приоритетов.

Леонид Колпаков

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№174/7–8(5045)
ИЮЛЬ – АВГУСТ 2026

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
Кирилл Привалов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Леонид Колпаков
lk@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
И ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИК
Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
RuMind DOO, ул. Юрия Гагарина 231,
11073, Белград, Сербия.
Регистрационный номер 21962945
Генеральный директор Константин Филимонов

ТИПОГРАФИЯ:
ArtPrintMedia DOO, ул. Профессора Грчица 2,
21000, Нови-Сад, Сербия.
Регистрационный номер 20686375

РУССКАЯ МЫСЛЬ (ISSN)
2046-8687 | 2046-8695

ОБЛОЖКА:
Леон Бакст. Эскиз костюма
Натали Трухановой для балета «Пери»
на музыку Поля Дюка. 1911.
Коллекция Н. Д. Лобанова-Ростовского

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:
ru.wikipedia.org, en.wikipedia.org, wikireading.ru,
nabokov-lit.ru; фото: wikimedia.org/wiki/pedia/commons, commons.wikimedia.org, ozone.ru

Редакция не несет ответственности
за достоверность информации, опубликованной
в сообщениях информационных агентств,
рекламных материалах и объявлениях. Редакция
не имеет возможности вступать в переписку
и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция
не предоставляет справочной информации.
Перепечатка материалов из журнала «Русская
мысль» – только по согласованию с редакцией.

ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 СОХРАНЕНИЕ НАСЛЕДИЯ

История – это сбережение прошлого народа ради его будущего.

РУССКИЙ МИР ЗАРУБЕЖЬЯ

10 ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ!

Одно из последних интервью князя Александра Трубецкого.

14 СВИДЕТЕЛЬ ИСТИНЫ

Князь Дмитрий Михайлович Шаховской принадлежал не просто к такому роду, без которого невозможно представить историю России.

18 ЦАРЬ ЗНАЕТ МНОГО, КНЯЗЬ – ОДНО, НО ВАЖНОЕ...

Историческая миссия Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского – быть хранителем русскости на чужбине.

ЮБИЛЕЙ

22 СПАСЕННЫЙ МИР ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Коллектив «Русской мысли» поздравляет с 80-летием выдающегося французского исследователя и собирателя культурного наследия русской эмиграции Ренэ Герра.

РУССКИЙ ПАНТЕОН

26 ПАМЯТНИК БАРОНУ ПЕТРУ ВРАНГЕЛЮ В СЕРБИИ

История русской эмиграции – это прежде всего история сохранения национальной культуры, веры и человеческого достоинства.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

28 ИНОЗЕМНАЯ РОССИЯ

Русская диаспора представляет собой безусловный феномен.

ПИСАТЕЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

32 «В НАС ПАМЯТЬ СОВЕСТИ ПРОЧНЕЙ...»

125 лет со дня рождения Нины Берберовой.

36 «И ДУША, КАК НЕБО НАД НЕВОЙ...»

Многие стихотворения Владимира Набокова пронизаны пронзительной тоской по утраченной Родине.

38 Н. А. ТЭФФИ «НОСТАЛЬГИЯ»

Знаменитый рассказ Надежды Тэффи, написанный в эмиграции в 1920 году.

ЛИТЕРАТУРА

40 МЕЖДУ БЕЗДНОЙ И СВЕТОМ

150 лет со дня рождения Леонида Андреева.

42 ФЕДОР ШАЛЯПИН И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ ВО ФРАНЦИИ

Из книги Елены Лебедевой. Начало читайте в № 171/01-02, 172/03-04 и 173/05-06.

48 «В ДЕРЕВНЮ, К ТЕТКЕ, В ГЛУШЬ, В САРАТОВ»

Продолжение. Начало читайте в № 171/ 01-02 и 173/05-06.

КУЛЬТУРА

54 ЖИВОПИСЕЦ ДРЕВНЕЙ МОСКВЫ

25 июля (6 августа) 1856 года родился знаменитый русский художник Аполлинарий Васнецов.

58 ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

150 лет со дня рождения русского живописца и графика Серебряного века Ивана Билибина.

62 РУССКИЙ СЛЕД В КАМАРГЕ

Иван Прянишников принадлежал к поколению русских людей, для которых движение между странами было не эмиграцией, а формой интеллектуальной свободы.

64 ОПТИКА РАВНОГО ДОСТОИНСТВА

Ценность человека определяется исключительно результатами его созидательного труда, его талантом и красотой его мысли.

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

68 «НАШ ДОМ НА ЧУЖБИ- НЕ СЛУЧАЙНОЙ...»

Русские кладбища за границей.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

74 ЛЕТНИЕ ПАМЯТИ СВЯТЫХ

Православная Церковь празднует в июле и августе память трех замечательных святых.

ОЧЕРК

80 МНОГОГОЛОСИЕ ПАМЯТИ

Родовая память живет, пока хотя бы один потомок хочет ее сохранить.

ИНТЕРВЬЮ

84 «ПУТЬ ВЫБИРАЕТ СЕРДЦЕ, А В СЕРДЦЕ ЖИВЕТ БОГ...»

Народная артистка России Жанна Бичевская – с песней по жизни.

БИБЛИОСФЕРА

88 САГА О ДВУХ КНЯЖЕСКИХ РОДАХ

В 2025 году в издательстве «Спасское дело» вышла книга

Е. С. Заики-Войвод «Голос памяти живой. Семейная сага о князьях Оболенских и Трубецких».

КНИГИ

90 «РУССКАЯ МЫСЛЬ» ВУКОЛА ЛАВРОВА

Представляем нашим читателям фрагменты из книги Анны Михайловны Лавровой «Вукол Лавров. Издатель журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ»».

96 «ШЕКСПИР ИЛИ МАРЛО?»

В книге В. И. Катамидзе «Шекспир или Марло?» выдвигается смелая гипотеза, основанная на многолетних исследованиях автором британских архивов.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

104 ЛИЦА И СУДЬБЫ

Мир держится на добрых людях.

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

110 НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ТЕАТРА

Выставка «От Бочарова до Кончаловского. Русские театральные художники на рубеже веков».

111 НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ: АНГЕЛ МЕСТА

По следам IX Музыкального фестиваля «Лето. Музыка. Музей».

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

СОХРАНЕНИЕ НАСЛЕДИЯ

История – это сбережение прошлого народа ради его будущего

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

«Мы не в изгнании, мы в посланнии». Кому только не приписывают эту сентенцию! По одним источникам, это Святой Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский сумел найти слова ободрения для сотен тысяч русских беженцев, разбросанных на всех континентах. Другие приписывают сие высказывание Ивану Бунину, хотя первый русский литературный нобелиат ничего подобного на самом деле не говорил...

Всех воспроизводящих эту фразу людей, которым понравился лаконизм формулировки, по большому счету вполне можно понять: сказано четко, звонко и образно. Так уж заведено, что у удачливого афоризма со временем появляется сразу множество авторов. Однако фраза эта, скорее всего, принадлежит знаменитой писательнице Зинаиде Гиппиус, проведеншей значительную часть жизни во французском эмигрантском «далеко». Во всяком случае так утверждала Нина Берберова, в отличие от Гиппиус сделавшая себе литературное имя не в России, а исключительно в эмиграции.

Я склонен верить Нине Николаевне, замечательной журналистке и беллетристке, а некогда и моей коллеги по «Русской мысли». Впервые я услышал от нее эту ссылку на Зинаиду Гиппиус в конце 1980-х в Париже. Тогда мне довелось брать интервью у Берберовой для «Литературной газеты».

Мы встретились на рю де Винь (на улице Виноградников в престижном 16-м округе французской столицы), в доме Александры Петровны Бутан, парижского потомка

пушкинского издателя Петра Плетнева и подруги Берберовой, частенько наезжавшей в Париж из Америки, где она поселилась после Второй мировой войны и преподавала в Принстонском университете. Интервью было вскоре напечатано и названо мной в стиле берберовской книги мемуаров «Курсив мой» – «Не только курсив».

Берберова тогда рассказывала о своем первом муже, выдающемся писателе Владиславе Ходасевиче, о Максиме Горьком, у которого она гостила в Италии, о нравах русского Парижа накануне Второй мировой войны, о работе в «Последних новостях» Павла Милюкова и о масонском окружении Александра Керенского, с которым был связан ее второй муж, журналист и художник Николай Макеев...

Сказала Нина Николаевна и то, что слова Гиппиус: «Мы не в изгнании, мы в послании» были многократно растиражированы позднее мужем Зинаиды Николаевны Дмитрием Мережковским. И добавила, говоря о великом русском писателе: «Да и он сам был лучшим воплощением этого послания. Остается теперь только, чтобы Россия его правильно прочитала».

Мне сегодня кажется, что Россия сделала это верно, хотя и с опозданием. Мы не устаем удивляться, каким острым пророком и сокровенным мудрецом был этот человек, чье творчество в Советском Союзе было агрессивно забыто и находилось под негласным полузапретом.

«Одна из глубочайших особенностей русского духа заключается в том, что нас очень трудно

сдвинуть, но раз мы сдвинулись, мы доходим во всем, в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии, до крайности», – напишет Мережковский в 1906 году.

«Иногда непонимание хуже всякой ненависти...»

«Малое знание дает людям гордыню, великое – дает смирение: так пустые колосья поднимают к небу надменные головы, а полные зерном склоняют их долу, к земле» («Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи». 1900).

Этот человек говорил с «Воскресшими Богами...», строил «Грядущий храм» и видел «Рождение богов». В его произведениях по-христиански обостренное восприятие бытия порой принимает форму аллегории.

Иван Бунин как-то заметил, что в пути (особенно, если он долгий) человеку свойственна наблюдательность. Благодаря этой усовершенствованной эмигрантскими странствиями по Европе наблюдательности Мережковский сохранил для нас, своих потомков, ощущение не только эпохи, но и всей русской истории. Более того – мировой истории от библейских начал. Он сделал слово плотью, и оно живет среди нас. Сохраненное Мережковским прекрасное русское слово. Как напишет про парижский приют Мережковского и Гиппиус писатель Андрей Белый, в нем «воистину творили культуру, и слова, произносимые на этой квартире, развозились ловкими аферистами слова. Вокруг Мережковского

образовался целый экспорт новых течений без упоминания источника, из которого все черпали. Все здесь когда-то учились, ловили его слова».

Если же слово рождается слишком быстро, как легкое дыхание, оно рискует превратиться в опасный, как говорят психологи, гандикап, становится для автора – как это ни парадоксально – недостатком, порой даже грехом. Может быть, невольным, спровоцированным, но отнюдь не менее досадным и болезненным от этого. Отсюда, мне кажется, и запоздалые сожаления Дмитрия Мережковского, тщетно искавшего компромисса между недостижимым «абсолютным добром» и «тьмой» человеческого сердца, по поводу его отдельных выступлений на темы о Советской России. Особенно остро это прозвучало в 1941 году, когда презрение к большевизму в выступлении на немецком радио вылилось у Мережковского в нечто вроде панегирика нацизму. Надо признать, писатель быстро осознал свою ошибку, ведь еще в 1930-е годы он говорил о «пороховом погребке фашизма». Да и речь свою он завершил пламенными строками о России... Но, как говорят французы, «зло уже было сделано». Для многих людей в русской парижской среде Дмитрий Мережковский до самой своей смерти в конце 1941 года превратится

Мемориальная доска в честь первого русского нобелевского лауреата Ивана Бунина, установленная в 16-м округе Парижа, на фасаде дома № 1 по улице Жака Оффенбаха

в фигуру нерукопожатную. Остракизму в русской парижской среде подвергнут – как единомышленнику Мережковского с полувековым супружеским стажем – и Зинаиду Гиппиус...

Впрочем, точно так ли происходило все в жизни? Реально ли это было? Не уверен. Известная аксиома: исторические заблуждения долговечнее исторических фактов.

Но вернемся к Нине Берберовой и к нашей встрече.

«Один из вождей французских якобинцев Жорж Жак Дантон, когда ему ради того, чтобы не погибнуть под ножом гильотины, предложили уехать в эмиграцию, заявил, что “нельзя унести родину на подошвах своих сапог”, – говорила Нина Николаевна. – С позиции столь дорогой французам картезианской логики подобное, наверное, верно. Но это – чистый,

упрощенный материализм. На Западе многие видные люди, заботясь об оболочке, утратили душу. У русских же действие не обязательно нуждается в надежде, а настойчивость вовсе не непременно сопровождается жадой победы. Чтобы понять книгу, надо ее не просто прочесть, а пережить. Чтоб понять русских, надо пожить среди них. Только после этого можно понять, почему русские столь болезненно и обостренно воспринимают любые попытки поломать их образ жизни, исказить их язык. Они видят в этом покушение на их историю, культуру, форму бытия, наконец.

Помнится, пришел как-то к Ходасевичу очень неплохой, известный в русской эмиграции поэт Довид Кнут. Принес новые стихи, оставил их Владиславу Фелициановичу. Рукопись была настолько неудобоваримой, что не годилась даже для

Владислав Ходасевич и Нина Берберова в Соренто. 1925

возврата. Однако Ходасевич прочел и при встрече с Кнудом начал стихи «распатронивать»: «Это здесь не грамотно... И, вообще, таких слов не существует». А Довид Кнут в ответ: «Но у нас в Кишиневе так говорят!» Ходасевич аж вспыхнул: «В Бессарабии у вас так говорят, а по-русски не говорят!»»

Все верно: сохранение нации невозможно без бережного

сохранения ее языка. А гарантом его защиты является русская литература. Во всех ипостасях: «домашняя» или эмигрантская – без разницы.

Вспоминается пресс-конференция поэтессы и мемуаристки Ирины Одоевцевой, только что вернувшейся после полувека жизни в Париже в Санкт-Петербург, еще называвшийся по советской

инерции Ленинградом. Грандама Серебряного века выступала в питерском ЦДЛ, из-за перелома шейки бедра передвигалась только в кресле-каталке, упорно называла горбачевскую перестройку «перетасовкой» и сказала фразу на все времена: «Нет эмигрантской литературы, а есть одна великая русская литература, которой мы с вами служим».

Такая получается национальная идея. Сохранение... Как тут не вспомнить Александра Солженицына: «Я вообще осторожно отношусь к термину “национальная идея”. Потому что им злоупотребляют. Когда-то Ельцин предлагал сформулировать национальную идею чуть ли не в недельный срок. Что из этого вышло? <...> Я предложил бы национальную идею, которая изложена 250 лет тому назад елизаветинским придворным Иваном Шуваловым. Он предложил Елизавете руководствоваться как главным законом – сбережением народа. Какая здесь мысль! Сбережение народа как главная задача».

Шуваловское же «сбережение народа» было прежде всего покровительством словесности, образованию, науке, искусству. Было помощью талантливым русским людям. Шувалов, дважды отказавшийся от титула графа («Могу сказать, что рожден без самолюбия безмерно, без желания к богатству, чести и знатности», – говорил он), помог писателю и драматургу Александру Сумарокову, защищал от академиков прусской ориентации Михаила Ломоносова, стал первым президентом Российской Академии художеств... И главное – во всяком случае, для меня, выпускника МГУ имени М. В. Ломоносова, – Шувалов вместе с Ломоносовым составил проект создания Московского университета и убедил императрицу Елизавету Петровну подписать в 1755 году указ о его основании.

И когда? Ровно в день рождения своей матери, мелкопоместной дворянки Татьяны Ратиславской: 12 января. Вот откуда пошел главный праздник российских студентов – Татьянин день.

«Реформы» Шувалова – это не законы и указы, а институциональные проекты: он создавал культурные учреждения, задавал стандарты образования и поддержки талантов, формировал среду, в которой русская культура могла развиваться и самостоятельно, и в диалоге с Европой. Шувалов подарил Академии художеств из своего частного «музеума» колоссальную коллекцию картин, ставшую позже основой собрания знаменитого на весь мир Эрмитажа. Иван Шувалов жил, как он сам о себе говорил, «ради успешного распространения знаний».

Сначала – русские, уж потом – славяне

«Не знает как будто никакой середины русский темперамент!» – восклицал в сердцах Федор Шаляпин.

Пройдя сквозь испытания XX столетия и приняв на себя пертурбации XXI века, Россия пришла к пониманию того, что лучшие люди страны осознали еще в начале века XIX. Как изрек Петр Вяземский, друг Пушкина, блистательный поэт и авторитет александровской и николаевской эпох: «Наше самое главное недоразумение – то, что мы считаем себя более славянами, чем русскими».

Что это означает для нас? Только одно: если наши предшественники смогли построить великую страну, наша задача, как минимум, – не растерять накопленное, сберечь его для последующих поколений, раз и навсегда отказавшись от утопической идеи всеобщего братства, пусть даже и всеславянского.

Д. В. Философов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. А. Злобин. Конец 1919 – начало 1920 года

Сосредотачиваемся и сберегаем национальное богатство! Талантов нам не занимать. Ведь талант – это не что иное, как способность делать то, чему нас никто не учил. Россию же, как показывает время, не учит ни опыт других народов, ни порой даже и собственный. Такова неудобная правда. У нас всегда все сызнава, включая шишки и синяки. А старых шрамов нам не занимать.

«То старое поколение, которое покинуло некогда Россию, его фактически уже нет. Я, например, представляю второе поколение эмиграции, но есть уже и третье, и четвертое поколения нашей эмиграции, – говорил член редакционного совета «Русской мысли» Александр Александрович Трубецкой, покинувший земную юдоль в прошлом году. – Самое удивительное, я считаю, то, что первое поколение русских действительно смогло передать многим своим потомкам память о России, значение ее, а также понятие “русская идея”. То понятие русской идеи, о которой писали Иван Ильин и Николай Бердяев, о котором начинал писать

Владимир Соловьев <...> Мы как потомки ушедшей уже русской эмиграции получили их “послание” с такой силой, что мы ясно осознаем себя носителями этой русской идеи, у нас есть понимание того, что ее необходимо защищать, что ее необходимо пропагандировать и объяснять во Франции и вообще в Европе, где сейчас постепенно забывают Бога...»

Время и ничтожную мошку, нечаянно попавшую в вязкую смолу, навечно делает янтарной историей. А история огромной страны складывается из биографий ее людей, то есть каждого из нас. И заблуждался Вольтер, утверждавший, будто «история – это ложь, с которой все согласны». Нет! История – это сохранение прошлого народа ради его будущего. По сути, наша живая история – это сама наша Родина с ее богатством, в том числе и интеллектуальным, культурным.

«Разве можем мы забыть Родину? – спрашивал Иван Бунин. – Может человек забыть Родину? Она – в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадает».

ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ!

Одно из последних интервью князя Александра Трубецкого

Беседу вела
ОКСАНА КАРНОВИЧ

Есть люди, чья жизнь становится мостом между эпохами. Таким человеком был князь Александр Александрович Трубецкой, для которого служение России было не громким лозунгом, а делом всей жизни.

Он родился в Париже, в семье русских эмигрантов первой волны. Его отец, Александр Евгеньевич Трубецкой, офицер лейб-гвардии Конногренадерского полка, передал сыну не просто фамилию, а шкалу ценностей: верность долгу, уважение к традициям, ответственность перед историей. В семье не принимали иностранного гражданства, жили с нансеновскими паспортами, а мерилom поступков оставалась связь с Родиной – даже сквозь тысячи километров и десятилетия потрясений.

Всю жизнь князь делал все возможное, чтобы память о русском воинстве не была предана забвению. Возглавляя Общество памяти Русской Императорской гвардии, он продолжал дело гвардейцев в изгнании: сберегал не только документы и реликвии, но и сам дух офицерской чести. Благодаря ему России был передан архив офицеров лейб-гвардии Конногренадерского полка. Сегодня это бесценный источник для историков, хранящийся в Доме русского зарубежья.

Для Александра Александровича история не была абстракцией: он видел в ней живую ткань человеческих судеб и добивался, чтобы эти судьбы не были забыты. Он был инициатором создания ряда мемориалов, увековечивающих

память тех, кто служил России верой и правдой, в том числе и героев Первой мировой войны.

Князь умел объединять людей не громкими призывами, а личным примером, спокойствием и убежденностью. Он был человеком диалога, но не компромисса с совестью: для него сохранение исторической правды было нравственной необходимостью. При этом в нем не было высокомерия – лишь подлинная аристократичность. Даже в малом он хранил традиции: виртуозно играл на балалайке, любил русскую музыку и умел превратить семейное торжество в маленький праздник культуры. Так он поддерживал ту самую нить, что связывает прошлое и настоящее.

Главное наследие Александра Александровича – это не только фонды и изданные труды, а пример того, как можно служить Родине, даже находясь вдали от нее, как оставаться русским не по паспорту, а по сути. Он доказал, что память – это не музейная тишина, а действие: передача знаний, воспитание уважения к истории, возвращение имен из забвения.

Особую роль князь сыграл в подготовке празднования 100 летия Гвардейского объединения Русской Императорской гвардии – события, ставшего актом исторической справедливости. Празднование прошло не только традиционно в Париже, но и в Петербурге, и, что особенно значимо, в Москве, в Доме русского зарубежья имени А. А. Солженицына.

Плотный график князя не позволил провести интервью в полном

объеме. В итоге было разрешено использовать фрагменты из выступления Александра Александровича. Тогда опубликовать материал не удалось из-за неточностей в расшифровке. Теперь ошибки исправлены и хочется верить, что князь остался бы доволен тем, как бережно донесена его мысль.

Александр Александрович Трубецкой ушел из жизни 30 июля 2025 года, и в годовщину его памяти мы с особой теплотой и благодарностью вспоминаем о нем – о его неустанном труде и умении соединять поколения, разделенные десятилетиями эмиграции и истории. Его дело живет в каждом таком празднике, в каждой сохраненной реликвии, в каждом слове, возвращенном из забвения.

Александр Александрович, как было создано Гвардейское объединение?

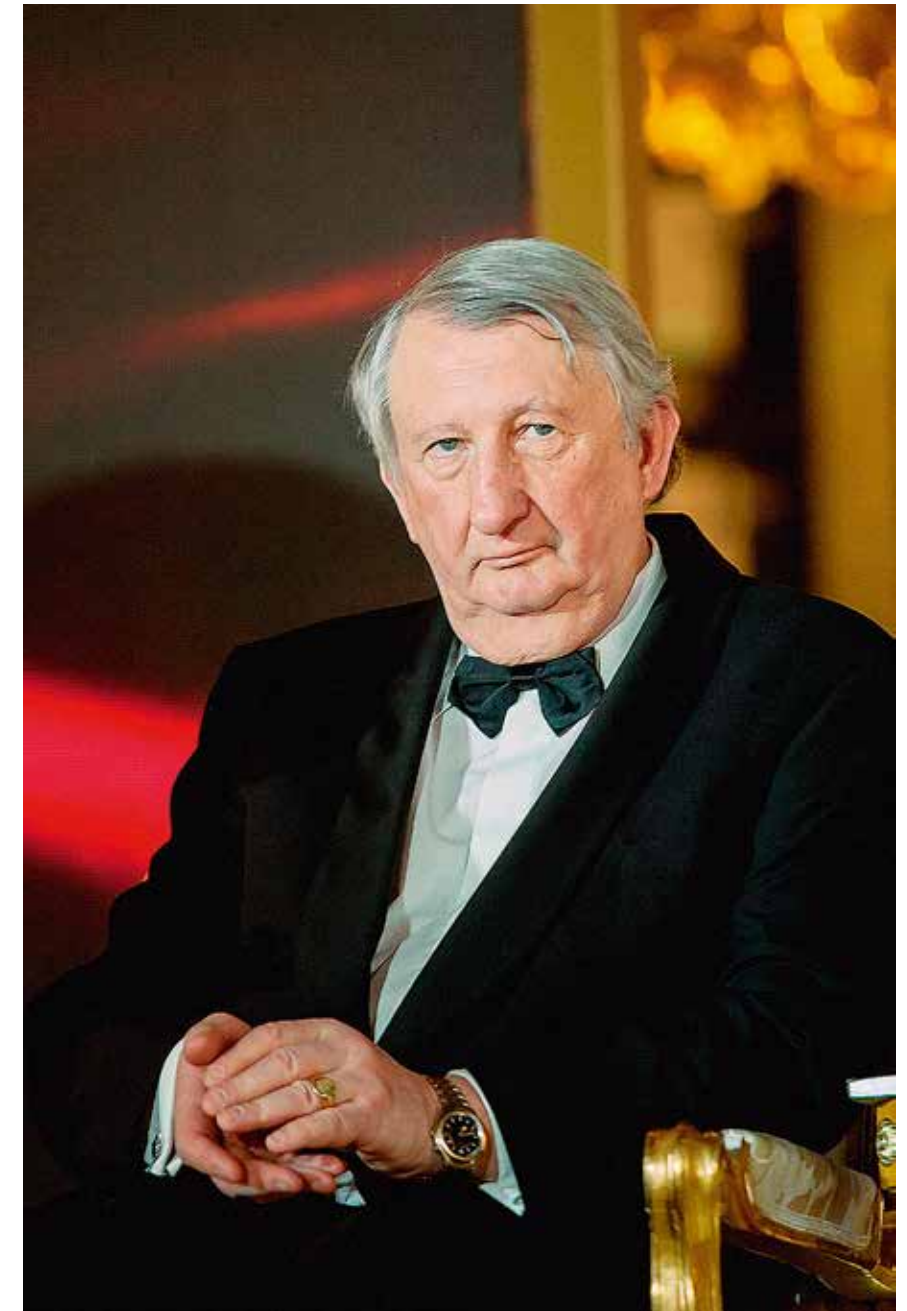
Объединение было создано в 1924 году по указанию барона Петра Николаевича Врангеля, последнего главнокомандующего, которого мы глубоко чтим. Его целью было сберечь структуру офицерских кадров, участвовавших в Первой мировой и Гражданской войнах, и поддерживать связь между офицерами Императорской гвардии. Многие тогда не теряли надежды на перемены и хотели, чтобы даже в изгнании оставалась организованная сила, верная присяге «За Веру, Царя и Отечество». Ключевой задачей стало создание структурной федерации полковых объединений: нужно было сохранить контакты между частями,

разбросанными по всему миру, и не утратить единство традиции и долга. Важно и то, что Гвардейское объединение стало подразделением Русского общевойска (РОВС), который ставил перед собой задачу глобального объединения воинских частей в эмиграции. Сегодня, отмечая 100-летие, мы, потомки и хранители славного прошлого, приняли на себя обязательство продолжать это дело: передавать современникам бесценные свидетельства истории и традиции, столь необходимые в наше время.

Когда было переименовано объединение?

В 1989 году, после кончины последнего офицера Гвардии, произведенного в чин еще в эпоху Российской империи, перед нами остро встал вопрос о самом существовании Объединения. Ведь суть Гвардейского объединения заключалась в преемственности: в нем должны были состоять действующие офицеры гвардии либо их прямые потомки, сохраняющие живую связь с традициями полка. С уходом последнего носителя этого статуса прежняя форма организации утрачивала изначальный смысл. В 1990-х годах мы приняли простое решение: более не именовать себя Гвардейским объединением в прежнем значении. Постепенно структура трансформировалась в Общество памяти Русской Императорской гвардии.

При этом мы сознательно сохранили в обиходе устоявшееся название «Гвардейское объединение» – как дань исторической традиции и знак того, что преемственность не прервалась, пусть и обрела новую форму. Главной целью Общества стало сохранение достоинства, духа и лучших традиций – не как музейной реликвии, а как живого морального наследия. Мы стремились передать эти ценности потомкам гвардейских офицеров, чтобы

Князь Александр Александрович Трубецкой

они в свою очередь могли донести гвардейский дух дальше, руководствуясь нашим девизом: «За веру и верность».

Со временем многие полковые объединения в эмиграции прекратили свое существование. Гвардейское объединение фактически стало тем самым приютом для их потомков – местом, где не забывали

ни имен, ни подвигов, ни долга. Нам было важно не дать этим историям раствориться в забвении. К счастью, удалось принять решение о сохранении организации под новым официальным названием – Общество памяти Русской Императорской гвардии – с сохранением традиционного наименования в повседневном употреблении. Ведь

созданная государем Петром I Русская Императорская гвардия столетиями верой и правдой служила России. Потомки гвардейцев, вынужденно оказавшиеся на чужбине после 1917 года, взяли на себя миссию собирать и хранить память о своих предках, чтобы в нужный час передать ее возрожденной России. И сегодня мы видим, что этот завет постепенно исполняется.

И это время пришло?

Да, пришло. Все, что мы делаем и делаем, – все это всегда было подчинено одной цели: передать собранное России. Одним из важнейших принципов, на которых строилось наше объединение, было условие: передавать сбереженные реликвии и архивы только тогда, когда для этого сложатся приемлемые условия, когда станет возможным вернуть наследие туда, где оно должно быть по праву. И вот это время настало. Мы продолжаем дело своих отцов, и все, что мы делаем, продиктовано верностью их завету. Сегодня мы воплощаем то, к чему стремились наши предшественники, в том числе и мой отец. Их завет мы выполнили. Мы не просто храним память – мы тем самым участвуем в созидании России, о которой мечтали наши отцы и деда. Ими двигала искренняя любовь к Родине, и эта любовь была главным мерилом всех их решений. Оказавшись в изгнании и потеряв все, они никогда не произносили злых слов о России. Напротив, именно в разлуке с Родиной они особенно остро ощущали свою связь с ней и потому так бережно собирали каждую крупницу наследия.

Благодаря объединению было сохранено для потомков наследие русской военной эмиграции. Что это значит для вас как председателя Гвардейского объединения?

Это мой долг, мое обязательство и моя ответственность. Для наших

отцов и для нас, их потомков, хранителей славного прошлого Императорской гвардии, путь был невероятно трудным: эмиграция, тяготы чужбины, испытания Второй мировой войны... Но именно тогда они заложили основу того, что мы сегодня обязаны беречь и передавать дальше. Мы приняли эту эстафету: нам выпала честь сохранить и донести до новых поколений традиции гвардейцев, а вместе с ними – богатейшие свидетельства целой эпохи. Эти материалы – не просто документы и реликвии, они жизненно необходимы современной России: в них – живая история, без которой невозможно по-настоящему понять наше прошлое и строить будущее.

Особо хочу подчеркнуть одну, на первый взгляд парадоксальную, но для нас абсолютно естественную мысль: гвардейцы давали присягу, а мы, их потомки, несем эту присягу как духовное наследие. Она не требует формального повторения слов, но обязывает нас быть верными тем же ценностям – «За веру и верность». Это не просто девиз, это нравственный стержень, который помогал нашим предкам не сломаться в изгнании и который должен вести и нас.

И я хочу от всей души поблагодарить всех членов объединения, всех, кто помогал и поддерживает это дело: участников праздника в России, во Франции, во всех странах мира. Без их преданности, труда и искреннего отношения к памяти этот знаменательный день не состоялся бы. Мы вместе продолжаем исполнять завет наших отцов.

Кто сейчас может входить в Гвардейское объединение?

Членами Гвардейского объединения могут быть только потомки воинов гвардейских полков – это принципиальное условие, которое определяет нынешний статус и обязательства всех участников. Разумеется, бывают исключения:

в редких случаях мы можем присвоить статус почетного члена тем, кто оказал особые услуги Объединению или внес значимый вклад в сохранение его истории. Такое, повторяю, редкое решение принимается специальной комиссией, создаваемой правлением объединения. При этом даже кандидатура потомка гвардейца не принимается автоматически: каждая проходит тщательное рассмотрение комиссией, члены которой являются прямыми потомками офицеров Императорской гвардии. Это важно для сохранения преемственности и исторической достоверности. Все члены объединения имеют право носить на наших праздниках значок полка, к которому они принадлежат по наследству. И здесь прослеживается прямая связь с дореволюционными традициями: тогда офицеры, желавшие служить в гвардейских частях, тоже должны были соответствовать строгим требованиям – соблюдать не только формальные законы, но и негласные традиции, сложившиеся в каждом полку. Именно эти правила и обычаи во многом легли в основу нынешнего устава Гвардейского объединения.

Есть ли какие-то памятные подарки к торжествам?

У нас сложилась традиция создавать памятные предметы к крупным датам. Так, к 250 летию создания Императорской гвардии в 1950 году была выпущена большая серебряная медаль – сегодня это уже антикварная редкость. Даже у меня ее нет, зато она хранится в Музее русского зарубежья. К 300 летию Российской Императорской гвардии, Гвардейское объединение выпустило памятный кубок. Тогда торжества широко отмечались в Царском Селе и в Париже. К нынешнему юбилею изготовлена памятная тарелка – это наша благодарность предкам. Средства от ее продажи пойдут на сохранение

гвардейских могил на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Какой пример подавали ваши отцы?

Наши отцы относились к присяге предельно серьезно – в отличие от тех, кто в период революции и Гражданской войны позволил себе легкомысленно отнестись к данной клятве. Те, кто остался верен присяге, воспитывали своих детей и внуков собственным примером, показывали, как нужно оставаться верным долгу в любых обстоятельствах. И в этом наша главная гордость и честь. Мы, не принося формальной присяги, тем не менее приняли ее как духовное наследие вместе с памятью об отцах. В эмиграции они не называли себя ветеранами: они продолжали нести свою службу в полках – пусть и иным образом, но до самого конца. Это заслуга всех офицеров, которые своим личным примером подготовили нас к продолжению дела.

Какие традиции сформировались за 100 лет существования Общества Императорской гвардии и какие примеры вы помните из детства?

С детства я участвовал в полковых праздниках Конногренадерского полка – их ежегодно отмечали в День Всех Святых. Проводились также праздники отдельных эскадронов и встречи выпускников военных училищ. Помню, как еще мальчиком присутствовал на праздновании 50 летия выпуска моего отца из Николаевского кавалерийского училища. На такие торжества приходили с женами и детьми. Все начиналось с молебна в церкви: молились о здравии присутствующих (в том числе великих князей), об упокоении царской семьи и ушедших однополчан. Завершался день торжественным обедом. Жен офицеров называли полковыми дамами. При этом,

например, на полковые праздники лейб-гвардии Казачьего полка дам не приглашали – там соблюдались свои традиции.

После обеда мы, дети, с нетерпением ждали, когда наши отцы начнут исполнять традиционные полковые песни. Первая песня исполнялась на мотив «Во поле березонька стояла». Одна сторона стола начинала петь, как бы приглашая к разговору, а другая отвечала. Сначала звучало: «Все ли мы в добром здоровье?» (два раза), а в ответ раздавалось: «Люли-люли, в добром здоровье» (тоже дважды). Потом первая сторона спрашивала: «А можно ли с вами рюмку выпить?», а вторая отвечала: «Можно можно, даже должно». После этого все дружно вставали и выпивали до дна – чаще всего самодельную водку. В первые годы эмиграции настоящая водка на Западе была редкостью. Один из офицеров Конногренадерского полка устроил тогда в Бельгии свое, пусть и скромное, производство. Не ради прибыли, а чтобы за общим столом звучало то самое «до дна», чтобы хоть в этой малой детали жила прежняя полковая жизнь.

Затем пели за здоровье каждого эскадрона. За первый эскадрон, шефом которого был цесаревич Алексей, хором пели: «Браво, ребята, эскадрон Его Высочества! Браво, браво, молодцы!» Офицеры первого эскадрона вставали и осуществляли шкалик. Так чествовали второй, третий, четвертый эскадроны. А про пятый пели с особым юмором: «Браво, ребята, пятый бородастый! Браво, браво, молодцы!»

Именно такие детали и живые интонации важны для истории, которую нельзя потерять! Ваши отцы сохранили лучшие традиции русского офицерства за рубежом, каждый знал историю своего полка. Если бы не военная эмиграция, мы бы утратили целый пласт

русского наследия. Как эти традиции передавались вам?

Огромную роль в нашем воспитании сыграл генерал-майор Константин Ростиславович Поздеев – последний командир лейб-гвардии Казачьего Его Императорского Величества полка и в то время председатель Гвардейского объединения. Он преподавал нам военную историю России так, как могут ее преподавать не учителя и историки, а только живые участники самой этой военной истории.

Мне особенно запомнилось, как генерал Поздеев рассказывал о генералиссимусе Александре Суворове. Незадолго до того я с рюкзаком прошел по суворовскому маршруту через Альпы, и услышать рассказ из уст человека, который сам был частью великой традиции, было невероятно важно.

Занятия проходили в помещении, которое официально считалось музеем, но сами лейб-казаки никогда не называли его так. Для них это было живое офицерское собрание, возвращение в полк. Когда они делились воспоминаниями и рассказывали о боевом опыте, мы, молодежь, воспринимали эти события так, будто сами в них участвовали. В своих отцах и дедах мы видели не просто ветеранов, а настоящих героев. Надеюсь, что наш пример и собранные свидетельства помогут сохранить неугасимую силу Гвардейского объединения и в следующем столетии.

Многие реликвии, которые десятилетиями хранили офицеры в эмиграции, сегодня обрели новый дом. Архивные документы, фотографии, предметы полкового быта – все это теперь находится в фондах Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына. Для нас это особенно важно: коллекция, собранная нашими предшественниками, снова служит Отечеству уже как часть общей исторической памяти.

СВИДЕТЕЛЬ ИСТИНЫ

Князь Дмитрий Михайлович Шаховской принадлежал не просто к дворянскому сословию, а к такому роду, без которого невозможно представить историю России

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Дмитрий Михайлович Шаховской в 2011 году. Фото Екатерины Русских

— Мы здесь! Спускайтесь! — Голос Дмитрия Михайловича был бодр и тверд. Возражения исключались.

Я выглянул в окно и увидел у дверей длинной машины, запаркованной на авеню де Сюффрен в 15-м округе Парижа, все семейство Шаховских: белокурую красавицу Наташу, рядом другую Наташу — очаровательную дочку, очень похожую на маму, серьезного не по годам Ваню во взрослом костюме и маленького Ларика в рубашке с кушачком и в неожиданных для Парижа сапожках «под казачка» ...

И конечно же, самого Дмитрия Михайловича. Шаховской поправил очки и, заметив меня в открытом окне, помахал рукой:

— Мы готовы. Поехали!

Дело было в том, что я достал несколько билетов на Московский цирк, прилетевший на гастроли в Париж, и мы с Дмитрием Михайловичем решили отправить на представление Юрия Никулина и его веселой команды наших жен и детей. Предварительно потянули жребий: кому вести коллектив к шапиту у Версальских ворот? Мне повезло, а Дмитрий

Михайлович, попев на судьбу злодейку, взял на себя роль шофера. Проводив жену с сыном к машине Шаховского, я перед отправкой предложил ему:

— А вы, Дмитрий Михайлович, на обратном пути заезжайте ко мне. Посидим-побеседуем, мне прислали из Москвы новые книги и газеты...

Шаховской лишь строго взглянул на меня и, чеканя слова в свойственной ему неспешной манере, ответил:

— Благодарю. Но дела, знаете ли...

Меня всегда поражало то, как Дмитрий Шаховской совмещал самую открытую сердечность с умением сохранять дистанцию с собеседником.

Однажды мы совершенно случайно встретились с Дмитрием Михайловичем на улице Прони, недалеко от парка Монсо. Оба приехали по делам в советское генеральное консульство, которое когда-то там располагалось. Мы подали заявления на оформление каких-то казенных документов, нам сказали подождать. И мы решили зайти в соседнее угловое кафе, чтобы убить время за чашечкой эспresso.

Под жизнерадостную песенку в исполнении Сильви Вартан, звучащую из железного ящика с музыкальными дисками у стенки, я задал Шаховскому вопрос, который меня интересовал с самого начала нашего парижского знакомства, состоявшегося в одной эмигрантской компании: как ему удастся сохранять интонацию, казалось бы, теплую и одновременно держащую собеседника на расстоянии?

Шаховской сухо рассмеялся (глаза при этом оставались совершенно серьезными) и ответил: «Шаховские — потомки Рюриковичей...»

Этим было сказано все.

Дмитрий Михайлович принадлежал не просто к дворянскому сословию, а к такому роду, без которого невозможно представить историю России. Шаховские ведут свои корни от смоленских князей-мономаховичей. Что это означает? То, что они ветвь дома Рюриковичей от великого князя Киевского Владимира Мономаха, носившего на византийский манер титул «архонта всея земли Русской». Мономахом его называли по прозванию рода матери, которая была родственницей византийского императора Константина IX Мономаха.

Династия Владимира Всеволодовича Мономаха правила

Герб рода князей Шаховских

в древнерусском государстве — и в Киеве, и в Переяславле, и во Владимире... Плюс еще Галицко-Волынское, Московское, Переяславское княжества и Новгородская земля...

Сын святого князя Федора Ростиславовича Смоленского, князь Давид Федорович в двадцатых годах XIV столетия получил в удел Ярославль, а его правнук — Константин Глебович, князь Ярославский, по прозвищу Шах, бывший воеводой в Нижнем Новгороде в конце XVI века, — вместе с сыновьями Андреем и Юрием Константиновичем являются родоначальниками княжеского рода. Многие из Шаховских назывались еще Шемякиными по имени князя Александра

Андреевича Шемяки, но с XVII века все без исключения стали называться Шаховскими.

В начале XVIII века князья Шаховские выдвинулись в элиту послепетровской империи и стали занимать очень видные посты на государственной службе. Князь Алексей Иванович был сенатором, генерал-аншефом и правителем Малороссии при Анне Иоанновне. Князь Яков Петрович являлся генерал-прокурором. В XIX столетии из числа Шаховских также вышло немало выдающихся деятелей России. Князь Алексей Иванович — герой Кавказской войны, князь Александр Александрович — известный драматург, друживший с Пушкиным и пикировавшийся с ним

Икона XVI века «Ярославские князья Федор, Давид и Константин в житии»

(«Там вывел колкий Шаховской своих комедий шумный рой», – писал Александр Сергеевич в «Евгении Онегине»), князь Иван Леонтьевич – член государственного совета, генерал от инфантерии, прославленный боевой генерал во времена Александра I и Николая I...

Династические линии Шаховских на протяжении веков неоднократно пересекались с другими знаменитыми в России фамилиями, например с Трубецкими. Не говоря уже о том, что по материнской линии Дмитрий Михайлович Шаховской – потомок славного ярославского купеческого рода Пастуховых, внук двоюродного брата Николая Петровича Пастухова – промышленника-мецената,

в 1900 году основавшего и построившего на свои деньги в Ярославле механико-техническое училище. Сегодня там располагается Государственная академия промышленного менеджмента имени Н. П. Пастухова.

Отец Дмитрия Михайловича был юристом и состоял в кружке офицеров лейб-гвардии Преображенского полка (созданного еще Петром Великим), под знаменами которого некогда служили многие Шаховские. К сожалению, Михаил Дмитриевич ушел из земной жизни очень рано, ему было всего сорок пять лет. Во Франции Шаховские после блужданий по Европе обосновались в парижском пригороде

Курбева. Там в 1934 году и появился на свет Дмитрий Шаховской.

Он говорил о себе: «Я родился за рубежом, и вся моя жизнь, как и жизнь родителей, была связана с верой в Россию. В Париже рос в русской среде, общался и с военными, и с интеллигенцией. Я не мог ощущать себя французом. В детстве говорил по-русски. Французы всегда относились ко мне как к русскому. Для недоброжелателей был «грязным русским». При рождении оказался владельцем нансеновского паспорта. Я стал французом, потому что родители понимали: учиться и работать без гражданства невозможно».

Мы не выбираем время, в котором живем. Мы выбираем, как нам жить в это время. Шаховской был аристократом и по крови, и по духу. Мне кажется, что именно это помогло ему преодолевать все тяготы эмигрантского бытия, несмотря ни на что всегда оставаться жизнелюбом и быть самим собой. Выпускник Сорбонны, блестящий филолог, доктор историко-филологических наук, Дмитрий Михайлович считал себя учеником Николая Флегонтовича Иконникова, глубокого, блистательного ученого. Крупнейший генеалог русского зарубежья, Иконников на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов прошлого столетия составил в Париже 51-томное справочное издание «Русское дворянство», до сих пор непревзойденное по невероятной полноте охвата.

Генеалогией русского дворянства и историей российской эмиграции успешно занимался и Дмитрий Михайлович. Тут стоит прежде всего вспомнить его четырехтомный труд «Русское общество и дворянство».

«Встретиться с вами в ближайшее время не могу. Уезжаю почти на всю неделю в Бретань», – нередко говорил мне Дмитрий Михайлович, когда я предлагал ему

пообщаться. Это и понятно. Ведь Шаховской был профессором университета Верхней Бретани в городе Ренне. Он вообще много ездил по Франции – то в Нанси, то в Нант или куда-то на Юг. Читал лекции, консультировал коллег, вел аспирантские и дипломные работы... И всюду встречался с соотечественниками: был председателем Родословной комиссии и вице-председателем Союза русских дворян.

Мне кажется, что Шаховской разговаривал с Богом. Православная вера составляла часть его натуры, являлась для него неотъемлемой частью его культуры, глубоко русской. Православная вера и вера в Россию были для него одним целым.

«Вера в Россию спасла меня», – говорил Александр Герцен, проживший большую часть сознательной жизни за рубежом. А православная вера была всегда тем цементирующим началом, которое позволяло русским за рубежом оставаться таковыми, – услышал я однажды от Шаховского. – Христианство по-русски во все времена, даже в самые смутные, спасало нас. Духовный настрой, неповторимый нигде в западном мире, – наша национальная опора. Это не значит, что он совершенен. Но та доля правды, которая есть в этом духовном пути русских, несомненна».

«Святая Русь» – как-то я услышал от одной старой русской беженки с нефранцузской фамилией Ivanoff в припарижском городке Медон (она называла его – Медонск) и не придавал значения ее словам. Однако совершенно иначе, по-новому их понял, узнав поближе Дмитрия Шаховского.

Племянник святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, Дмитрий Михайлович являлся многолетним секретарем исторического западноевропейского экзархата Русской Православной Церкви и помощником митрополита Ленинградского и Новгородского

Никодима (Ротова), был профессором истории Русской церкви и философии Свято-Сергиевского богословского института и Парижской духовной семинарии, членом Общества друзей Никольского собора в Ницце. Не помню ни одной праздничной службы в Храме трех святителей, что на улице Петель в Париже (это второй кафедральный храм Корсунской епархии Русской православной церкви, единственный православный храм во французской столице, где службы свершаются ежедневно), на котором не было бы Дмитрия Шаховского с семьей.

Узнав однажды, что нас с женой когда-то привел к Богу Константин Ясеевич Андроников, почетный декан Свято-Сергиевского богословского института и известный французский дипломат, Шаховской поведал свою историю. Рассказал, что был крещен епископом Мефодием (Кульманом), ныне погребенным в склепе под православным храмом в Сент-Женевьев-де-Буа, что рядом с историческим муниципальным кладбищем, которое часто называют Русским.

В 1988 году Дмитрий Шаховской способствовал возвращению церкви в Ярославле мощей своих предков – благоверных князей Федора, Давида и Константина. Он сделал все возможное для воссоединения Русской Зарубежной Церкви и парижской Архиепископии с Матерью-Церковью.

Сам он, насколько я знаю, никогда не считал себя философом. Но на самом деле был им, жизнь научила. Шаховской рано остался вдовцом с тремя детьми. Иллариону, младшему, было только девять, когда Наталья Александровна Егорова – красавица с прекрасным лицом, как с иконы, – умерла. В те трудные для Дмитрия Михайловича годы он не пал духом, продолжал активную общественную жизнь, работал, воспитывал

детей. А в начале девяностых привел в дом новую жену – уроженку Нью-Йорка, обаятельную Тамару Георгиевну Тхоржевскую. Она стала на десятилетия верной спутницей его жизни.

В марте 2005 года Шаховской и Тамара Георгиевна получили российское гражданство.

Когда Дмитрию Михайловичу исполнилось девяносто лет, он был награжден российским орденом Дружбы за многолетнюю работу по консолидации русской общины и продвижению позитивного образа России во Франции.

– На Западе вместо *великодушия* – *generosity* по-английски, *générosité* по-французски. То есть *щедрость*. Имеется в виду *щедрость подаяния*, – рассуждал как-то Шаховской. – А вместо *справедливости* – *justice*, то есть *правосудие*. Разные логики, разное восприятие бытия. Еще одно доказательство того, что Россия с Западом разные, как пальцы на одной руке. Но рука-то – одна! Так и мы с Западом должны быть и рядом, и вместе.

Что тут добавить? Дмитрий Шаховской всей своей жизнью доказал, что можно жить на Западе, оставаясь душой в России. Так и сближаются цивилизации.

Поделил он между двумя странами и своих потомков: дочь Наташа живет во Франции, где воспитывает своих детей по-русски, а сыновья Иван и Илларион выбрали Санкт-Петербург и Москву...

Мы не ищем Бога, это Он нас находит. Дмитрий Михайлович Шаховской на девяносто третьем году жизни отошел к Богу в последний день весны этого года. И теперь покоится рядом со знаменитыми предками на Новодевичьем кладбище при Воскресенском Новодевичьем монастыре в Санкт-Петербурге.

«Нужно верить в будущее России, – сказал он в одном из своих интервью. – Россию не надо укорять. Ее надо строить».

ЦАРЬ ЗНАЕТ МНОГО, КНЯЗЬ – ОДНО, НО ВАЖНОЕ...

Историческая миссия Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского –
быть хранителем русскости на чужбине

НИКОЛА Р. КАЗАНСКИ,
доктор Софийского университета,
доцент Болгарской академии наук

Много знает лиса, еж – одно, но важное.
Архилох Паросский

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

Немало было сказано и написано об удивительной жизни и судьбе русского князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Ему уже за девяносто, но он говорит, что все в его жизни могло быть иначе. Успел он выжить в жерновах сталинского молоха,

но потерял отца и мать. Преуспел в гонке за успехом в обществе желтого дьявола. Всегда любил и был любимым. Посвятил свою жизнь воскрешению и сохранению русского искусства в изгнании, став одним из архитекторов русскости.

В чем секрет успеха всех его начинаний? По всей видимости, в нем проявляются в полной силе живые дрожжи Рюриковичей, а также смекалка и целеустремленность князей Лобановых-Ростовских – шустрого переговорщика с Наполеоном Дмитрия Ивановича и сверхуспешного дипломата и министра внешних дел Алексея Борисовича.

Родители Никиты Дмитриевича вынуждены были покинуть Россию, спасаясь от большевистской революции и тоталитарного ленинского «рая» на земле.

Итак, подытожим результаты этого исторического эксперимента.

«У большевистской власти не было любви ни к народу, ни к Родине» (И. С. Шмелев).

Власть Советам! Партийная верхушка получала неслыханные привилегии взамен того, что творила беспредел...

Мир народам! В результате гражданской бойни погибло свыше 10 миллионов человек (больше чем все потери в Первой мировой войне). Миллионы погибли в расказачивании, раскулачивании, расхристовании и прочих больших «переломах».

Земля крестьянам! Не только превратили хлеборобов в государственных крепостных, но и отправили

Михаил Ларионов. Эскиз декорации к балету Сергея Дягилева «Шут» на музыку Сергея Прокофьева. 1915

самых удачных из них туда, где Макара телят не гонял.

Изгнание интеллигенции

После 1917 года было изгнано из страны более пяти миллионов образованных русских людей за границу. Из них не менее 10 тысяч были учеными, среди них – сотни великих и десятки гениальных... Русские профессора наполнили на чужбине кафедры и университеты.

В мировой истории нет явления, по масштабу и культурному значению сравнимого с первой волной русской эмиграции. Великая страна в роковой период своего развития породила и великую эмиграцию.

Русское рассеяние в мире стало уникальным опытом. Русская культура эмиграции – в своих великих и скромных проявлениях – познакомила весь мир с художественными ценностями дореволюционной России.

Может ли любовь к утраченной родине стать программой? Как показала и доказала русская эмиграция XX века – может! Своей миссией изгнанники считали обеспечение преемственности поколений, сохранение традиционных культурных и духовных ценностей, языка и «русскости», что стало не только защитой национальной идентичности, но и состоянием духа русских людей на чужбине. В Берлине, Праге и Париже они создали мощные интеллектуальные

центры, сохранив и развив традиции русской религиозной и социально-политической мысли. Среди них были Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Борис Вышеславцев, Иван Ильин, Лев Карсавин, Иван Лапшин, Николай Лосский, Петр Савицкий, Федор Степун, Петр Струве, Сергей Трубецкой, Георгий Федотов, Семен Франк, Лев Шестов и другие.

Русская идея как цивилизационная парадигма

На плечах этих атлантов, и особенно сородича Никиты Дмитриевича, философа и богослова Николая Арсеньева (1888–1977),

Коллекция Нины и Никиты Лобановых-Ростовских. Фотоколлаж. Художник Е. В. Шеффер. 2010

Лобанов-Ростовский спонтанно пришел к русской идее как цивилизационной парадигме.

Арсеньев считал, что необходимо восстановить и защищать духовные ценности и традиции исторической России, русский патриотизм и идеи православной государственности, которые он рассматривал не как политико-идеологические, а как духовно-культурные явления. Для него русская идея была совокупностью понятий, выражающих

историческую роль и особое призвание русского народа. Этим подчеркивается вселенский характер русской идеи, ее соборность и универсализм.

Семья князей Лобановых-Ростовских оказалась в Болгарском царстве в 1920 году. Их первенец на земле болгарской Никита родился в Софии 6 января 1935 года.

Приход «сталинских опричников» в 1944 году и предательство Западом белогвардейцев в Болгарии

привели к убийству отца Никиты – князя Дмитрия в 1948 году.

После почти года, проведенного в тюрьме, юный князь Никита, чтобы восстановить здоровье, начал заниматься спортом и в 1951 году стал чемпионом Болгарии среди юношей в плавании брассом на дистанциях 100 и 200 метров.

А в 1953 году, когда вездесущие органы вознамерились все-таки его сгубить, он был вызволен из «пекельного царства» благодаря

русскому герою Франции Николаю Вырубову (1914–2009) и известному писателю Ромену Гари (1914–1980). Спустя год Никита поступил в Оксфордский университет, решив стать геологом.

Потом были Европа, Америка, Аргентина, Иран, Афганистан и пр. Были еще принц Майкл Кентский, барон Эдуард Фальц-Фейн, лорд Джейкоб Ротшильд, сэр Иэн Рэнкин, лорд Рэймонд Асквит, сэр Филипп Оппенгеймер,

лорд Грэй Гаури, маркиз Монтебелло, принц Хасан бин Талал, Абделкадер Бен Слимман, Хасан Бенжелюн, Амир-Аббас Ховейда, Джамшид Амузегар...

Среди такого калейдоскопа чужеземных имен князь Никита Лобанов-Ростовский всегда оставался русским. Он придерживался плюрализма ценностей и как адепт сэра Исайи Берлина исповедовал максимум лорда Джона Актона: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

Конечно, Никита Лобанов не был настоящим философом (в академическом смысле), но он мог спокойно сказать, как Григорий Сковорода (двоюродный прадед русского философа Владимира Соловьева): «Мир ловил меня, но не поймал...»

Его ведущая апофтегма – это афоризм Гиппократа *Ars longa, vita brevis* («Искусство вечно, жизнь коротка»). Его судьбой стало собирание за рубежом русской театральной живописи Серебряного века. Он занял прочное место в пантеоне «небожителей русского коллекционерства». Ведь творения незаурядных русских художников были не только образцами самого высокого мастерства, но и стали основой новых школ, направлений и тенденций современного мирового искусства в целом. Надо сказать, что собирательская миссия Никиты Лобанова-Ростовского поистине ренессансного размаха и значимости. Его коллекция включает свыше 1100 произведений 177 русских художников.

По этому поводу американский искусствовед профессор Джон Боулт, пишет: «Собрание Лобановых стало своеобразным хранилищем многих культурных ценностей, спасенных ими от неминуемого разрушения и забвения. Эрудиция и энтузиазм супругов Лобановых-Ростовских вывели из забвения многие имена художников и их достижения. Только фанатическая преданность делу сохранения памятников русского

искусства, страстная любовь к нему могли вдохновить на такое трудное дело, как создание этой уникальной коллекции».

Свыше 950 предметов коллекции обрели постоянное место в Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства. Таким образом, в музейные фонды России вошло самое крупное в мире частное собрание произведений театрально-декорационного искусства. Коллекция значима также тем, что она представляет все течения модернизма в русской живописи, многие из которых зародились на сцене, в частности супрематизм и конструктивизм.

Родившись в Болгарии, Никита Дмитриевич всегда ощущал себя человеком сугубо русским. Он не раз говорил и писал, что более всего на свете любит и ценит русский язык и русскую старину. Его историческая миссия быть хранителем русскости на чужбине. Будучи эмигрантом, он не только сохранил, но и пронес через леса, поля, моря и эпохи русский мелос и русскую душу... Он один из тех, кто излучает вокруг себя необыкновенный свет неувечерный. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский является ярким символом России – той, которую мы загубили и потеряли в поисках «рая» на земле.

Нам всем бы у него «учиться, учиться и еще раз учиться»! Но, как хорошо известно, люди не любят учиться и всегда наступают на одни и те же грабли... А достаточно знать, помнить и соблюдать только одно: «Поверх всяких Россий есть одна незабываемая РОССИЯ...» (Николай Рерих, 1936).

Реплика: «Никита Дмитриевич, знаю, что Вы не верите в незримые миры и потусторонние силы, но для меня очевидно, что рука Бога или, как сейчас модно говорить, Вселенная всегда вела Вас» (Юлия Пляукшта, 2026).

СПАСЕННЫЙ МИР ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Коллектив «Русской мысли» поздравляет с 80-летием выдающегося французского исследователя и собирателя культурного наследия русской эмиграции Ренэ Герра

АЛЕКСАНДР СЕНКЕВИЧ

Впервые я услышал имя Ренэ Герра в начале 1990-х годов в Париже от одной из прихожанок православной церкви Трех Святителей и Тихона Задонского, расположенной в 15-м округе Парижа в помещении бывшего гаража. Она восторженно рассказала

мне о некоем человеке, обладателе огромного собрания картин и книг русских художников и писателей, оказавшихся волею судеб за пределами родной страны. По ее словам, он выдает себя за француза, но русский язык изобличает его как уроженца России. Предполагают, что

родом он из Одессы. Может быть, он цыганский барон или кто-нибудь еще, но уж никак не французский интеллигент...

Вот такую таинственную историю я услышал более тридцати лет назад в прекрасном городе Париже. Как видим, легенда о графе Монте-Кристо до сих пор не устарела.

В наши дни сохраняет актуальность высказывание английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), родоначальника английского материализма и лорд-канцлера при короле Якове I: «Ничто так не вводит в заблуждение и не задерживает в продвижении вперед, как самонадеянность, которая всему придает вид достоверности».

Книги Герра издаются не только во Франции, но и в России. Так, в 2003 году выходит его книга «Они унесли с собой Россию»; в 2010-м – «Семь дней в марте. Беседы об эмиграции» в соавторстве с Аркадием Ваксбергом; в 2015 году – «О русских – по-русски»; в 2016-м в соавторстве с Е. А. Полтавской «О, этот Юг! О, эта Ницца! Беседы на Лазурном Берегу». Затем в 2017 году издается монументальный труд «Культурное наследие Зарубежной России» с моим предисловием, а в 2023 году выходит ироничная «Франко-русская Фанни» на французском и русском языках.

Так что же было на самом деле? Откуда у коренного француза такой

великолепный, лексически богатый русский язык, заставляющий некоторых моих соотечественников думать, что он уроженец России?

Ренэ Герра родился 13 июля 1946 года в Страсбурге, в семье преподавателей. Его отец Юлиан, учитель немецкого языка, и мама Жанна, учительница математики, были родом из Ниццы. В 1952 году семья вернулась на землю предков – на Лазурный Берег.

Все началось с осеннего дня 1957 года, когда Ренэ, одиннадцатилетний мальчик из состоятельной семьи, по воле случая познакомился с русскими людьми – с теми, кого французы называли «белыми русскими» и считали отщепенцами. Общение с новыми знакомыми произвело в сознании юного Ренэ настоящий переворот. Его поразило присущее этим людям радушное обхождение, соединенное с милым простодушием и деликатной душевностью. Он сразу и навсегда привязался к русским. Через них он полюбил не только их язык и культуру, но и Россию. И полюбил не на короткий срок, а на всю жизнь. Непосредственно общаясь с русскими или знакомясь опосредованно через книги и картины, он ощутил неповторимую, очень душевную атмосферу традиционного русского быта, радость человеческого взаимопонимания и величие христианской любви, смирения и самоотречения. Живой мир дореволюционной, настоящей России восстал перед ним. И этот русский мир духовно не соотносился с СССР.

На появление привязанности к этим изгнанникам, как я предполагаю, повлияло также и чувство сострадания. Ведь на их долю пришлось немалые лишения и несчастья. Что ни имя – событие! И каждый из них, как никто другой, своей жизнью подтвердил наблюдение Велимира Хлебникова: «Творчество – разность между чьим-то счастьем и общим несчастьем».

Обращусь к тексту «Послесловия», завершающего четвертый том масштабного исследования Ренэ Герра «Художники Зарубежной России и искусство книги»: «Моя “русская болезнь” началась в раннем возрасте, когда я, по воле случая, стал брать уроки русского языка. Моей первой учительницей была Валентина Павловна Разсудовская, родом из Киева, второй – поэтесса Таубер-Старова Екатерина Леонидовна (1903–1987). Она не только учила меня языку – она стала моей духовной матерью».

Случай случаем, а все-таки и генетическая память сработала. Ведь, как пишет Ренэ Герра, его дед Анж служил мажордомом у Екатерины Долгорукой, морганатической вдовы императора Александра II. Это был дед со стороны матери, а дед со стороны отца по имени Эрнест, владелец кровельной фирмы, в 1912 году установил крест на главном куполе православного собора Святого Николая в Ницце.

В тибетском буддизме существует представление о «сокрытых сокровищах». Речь идет о манускриптах и других предметах буддийского культа, которые еще с незапамятных времен находят надежное укрытие в труднодоступных пещерах гималайских гор и песках пустыни Гоби. В истории человечества периодически наступают времена вандализма и массового умопомешательства. Пришедшие к власти апологеты новой веры кланут прежнюю и самым варварским способом избавляются от всех ее примет, атрибутов и аксессуаров как от ненужного и омертвевшего. И в первую очередь с бесчеловечной жестокостью они отправляют в небытие представителей чуждой им религиозно-философской традиции. Однако дух человеческий неуничтожим, как и созданные им сокровища. Казалось бы, навсегда утерянные, они непостижимым образом в нужный исторический момент, словно

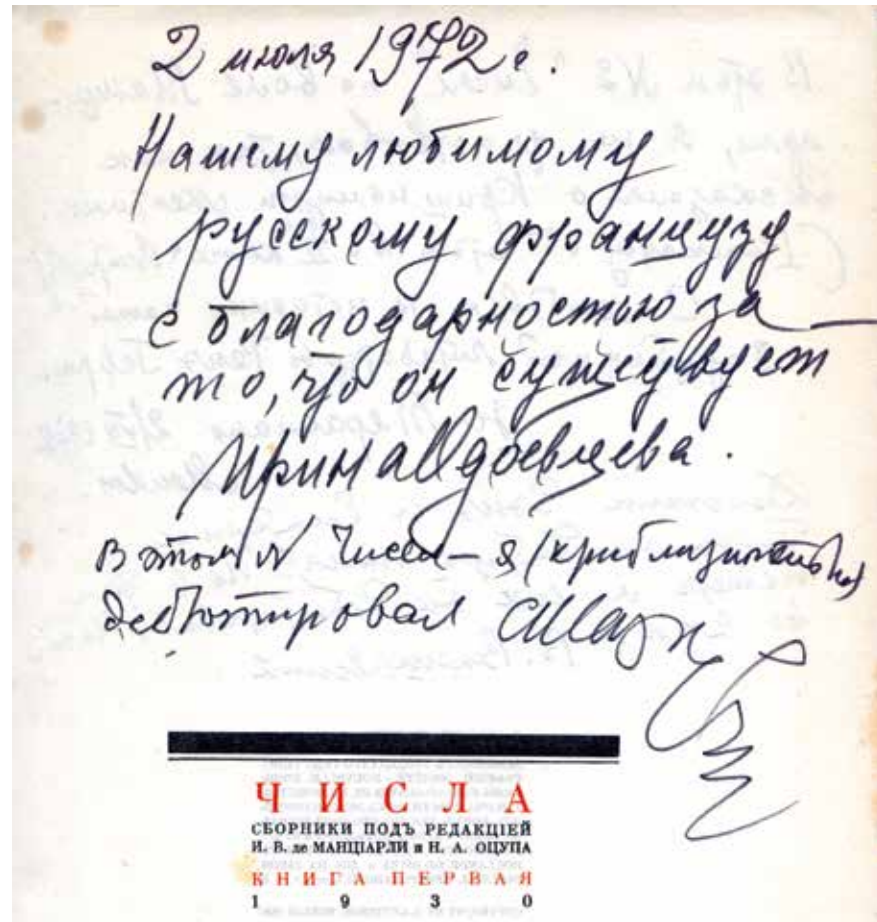
по Божьей воле, появляются вновь в разных точках земного шара.

В 60–80-е годы как в СССР, так и во Франции художественное и литературное наследие первой волны русской эмиграции мало кого интересовало. Не было тем более никакого дела и до его создателей, доживающих свой век на французской земле в забвении и нужде. Без попечительства со стороны заинтересованных лиц у этих сокровищ, отвергнутых большинством собирателей, по смерти их владельцев была лишь одна дорога – через блошинный рынок на помойку. Моды на русскую культуру в изгнании в те времена еще не существовало. Она появилась значительно позднее, на последнем этапе горбачевской перестройки.

О том, в каких условиях и как не просто Ренэ Герра спасал книги, журналы, рукописи, живописные полотна и графические работы выдающихся мастеров русской культуры, покинувших Россию после октябрьской катастрофы, и какие это были необыкновенные люди, рассказано в фундаментальном труде Лолы Звонаревой «Серебряный век Ренэ Герра», выпущенной в 2012 году петербургским издательством «Росток».

Можно по-разному оценивать сотворенное нашими соотечественниками на чужбине в контексте шедевров мировой литературы и искусства XX века. Однако никого из них невозможно упрекнуть в предательстве своих идеалов и любимого дела. В их работах начисто отсутствуют поспешность и ангажированность, печать ремесленничества. Они пленяют своей индивидуальностью, хорошим вкусом и ощущением свободного духа, воплотившегося в слове, красках и линиях.

Я испытываю некоторую неловкость, когда слышу сетования по поводу якобы интеллектуальной и художественной деградации оказавшихся на чужбине мастеров Серебряного века. До сих

пор существует заблуждение или, точнее сказать, идеологический предрассудок, что выезд из родных пределов означает неминуемую потерю национальной идентичности и, соответственно, чреват творческим бесплодием. У этого взгляда на природу творчества глубокие корни. Эта мысль особенно укрепила в сознании советских людей, приобретя отчетливый ксенофобский оттенок. Между тем подобные выводы не подкрепляются фактами. Широко известно, сколь выдающиеся достижения в науке и культуре были достигнуты на протяжении последнего столетия представителями русской диаспоры.

В книге Звонаревой Ренэ Герра комментирует известное высказывание Зинаиды Гиппиус о том, что «родина дороже и превыше всего, но без свободы нет родины». Французский

славист прав в своем выводе, что эта жизненная позиция Гиппиус «нашла свое зримое подтверждение» и что «это самый главный урок, который преподала и оставила потомкам эмиграция». Он приходит к твердому убеждению: «Практически весь Серебряный век перекочевал за границу. Оказалось, что с собой можно унести и Россию, и свободу, а в несвободной России не было и самой России».

Собирательская деятельность Ренэ Герра, которая не прекращается и по сей день, отличается широким охватом многообразного, не только литературного и художественного материала, а также мощью усилий, предпринимаемых для их поиска. С трудом представляешь, как один человек сумел не только поднять со дна этот град Китеж поруганного русского духа, но и восстановить его

во всех человеческих и художественных правах.

Для многих коллег Герра, французских русистов, в большинстве приверженцев левых взглядов, то была дорога в никуда, прихоть богатого француза, научившегося безупречно говорить по-русски и пытающегося стать адвокатом «эксплуататоров-монархистов», неких фантомов и литературных призраков, давно списанных и оказавшихся на свалке истории. Сейчас, когда эта дорога пройдена больше чем наполовину, та же самая магушка-история неожиданно подтвердила интуитивную мудрость и правоту Ренэ Герра.

Так в чем же, в конце концов, состоит эта мудрость, как ее трактует исследователь творчества Ренэ Герра Лола Звонарева? Считается не без основания, что Серебряный век русской литературы составляли творцы, придерживающиеся разных взглядов на мир и искусство. Несмотря на противоборство различных литературных групп, в этом конгломерате мнений и пристрастий существовало нечто общее, объединяющее: уважение национальной русской традиции. Как писал Н. С. Арсеньев: «Живое предание и личный подвиг, устремление вперед и укорененность в прошлом и в глубинах жизни духа составляют одно – один порыв, один поток, одно мощное течение. Чтобы участвовать плодотворно в жизни своего народа, чтобы влиять на нее, нужно знать, из чего родились высшие его достижения, сокровища, и самому воспринять в себя эти творческие, будящие, плодотворные силы».

Именно из априорной необходимости существования этой культурно-исторической, религиозной преемственности выросла глубокая убежденность Ренэ Герра, что духовное рабство, убивающее совесть и живую сущность человека разумного, не может быть вечным, ибо противостоит законам эволюции, самому смыслу и ходу жизни.

В Советском Союзе покушение власти на русскую духовную традицию полагало своей целью если не полное ее уничтожение, то, по крайней мере, постоянное поругание веры предков – Православия.

Понятие «Серебряный век» было введено в критический оборот Н. А. Оцупом и В. В. Вейдле, литераторами-эмигрантами первой волны. Самое важное в этом событии – вполне логичное и законное притязание русской литературной эмиграции во Франции (и не только) на роль правопреемников и хранителей русской духовной традиции.

Ради справедливости, впрочем, отметим, что русская литературная классика в лице отдельных ее представителей при советской власти издавалась огромными тиражами. Этот парадокс идеологической политики в тоталитарном СССР предстоит еще объяснить.

Приехав в Москву в 1968 году как стажер-славист, Ренэ Герра попал в среду своих сверстников, интеллигентной и свободомыслящей молодежи, с одной стороны, а с другой – под неусыпный контроль «компетентных органов». Ведь он был принят в среду «белых русских», представителей первой волны эмиграции, о чем не должны были догадываться его коммунистически настроенные преподаватели.

Герра особенно сблизился во Франции с Борисом Константиновичем Зайцевым и по его просьбе привез в СССР три экземпляра книги «Река времен». То было своеобразное литературное завещание писателя. Книги предназначались для К. И. Чуковского, В. П. Некрасова и Л. Н. Назаровой, сотрудницы Пушкинского Дома. Разумеется, они были доставлены этим людям, а сам «курьер» попал в «разработку» КГБ как «матерый идеологический диверсант». Все перипетии сюжета «КГБ и Ренэ Герра» изложены Лолой Звонаревой в книге с такой детализацией, что напоминают

эскиз шпионского детектива. Там и откровенная исповедь К. И. Чуковского, его размышления о природе советской власти (по просьбе писателя Герра записал эти откровения на магнитофон); и выслеживание с окончательным разоблачением злоумышленника-иностранца; и руководство всей этой операцией главным идеологом Страны Советов М. А. Сусловым... И наконец, триумф КГБ: изъятие на границе у жены Герра злополучной магнитофонной записи и немедленная высылка французского «засланца». Настоящий остросюжетный телевизионный сериал, куда входят диффамация «отрицательного героя» уже в самой Франции, распространение небылиц, что он якобы сын беглой русской княгини по фамилии Герасимов, а в социальной жизни – агент КГБ...

Во всей истории собирательства, вероятно, не найдется человека, который так бы распахивал душу чужой культуре, так бы сочувствовал и помогал ее создателям и методично, из года в год разыскивал бы по миру все русское... Книги с автографами авторов, журналы, газеты, письма, открытки, рукописи, произведения живописи и графики, предметы быта. Сам процесс поиска раритетов проходит у Ренэ Герра как бы между делом и носит почти мистический характер. Многие значительные приобретения последних лет достаются ему «по случаю».

Отсутствие в тексте книги забавных и кажущихся неправдоподобными историй о том, как оказываются в закромах французского собирателя все новые и новые богатства, пожалуй, единственный существенный пробел в исследовании Лолы Звонаревой.

О том, что представляли собой «белые русские», эти «последние из могикан», большая часть книги Лолы Звонаревой. Многих из них Герра не застал в живых и поэтому с особым рвением собирал все, что

было связано с их жизнью и творчеством. В 1971 году у него появилась квартира в Медоне, предместье Парижа, где за обеденным столом постоянно встречались замечательные русские писатели и художники. Назовем некоторых из них: М. Ф. Андреев-Нечитайло, Ю. П. Анненков, Д. Д. Бушен, В. С. Варшавский, А. Е. Величковский, Я. Н. Горбов, Н. А. Исаев, Н. Н. Оболенский, И. В. Одоевцева, Г. Е. Озерецковский, А. В. Ровская, Г. А. Рубисов, Е. Ф. Рубисова, Е. А. Таубер-Старова, Ю. К. Терапиано, С. И. Шаршун, И. П. Шувалов, С. Р. Эрнст.

Небольшие очерки выдающихся представителей русской литературной и художественной эмиграции первой волны во Франции, книги, журналы, рукописи, архивы и картины которых находятся в собрании Ренэ Герра, придают большую убедительность тому факту, что мы имеем дело не просто с выдающейся частной коллекцией, а с уникальным, единственным в мире музеем.

В книге «Серебряный век Ренэ Герра» впечатляет иллюстративный материал. Это сотни репродукций книг, иллюстраций к книгам, фотографий, открыток, портретов, автографов и дарственных надписей писателей, многие из которых адресованы лично Ренэ Герра. Наконец, нельзя не упомянуть о своеобразном приложении к основному тексту книги Звонаревой: это поэтический альбом, состоящий из стихотворений, посвященных русскими изгнанниками их французскому другу. В приложение также входят подборка статей о Ренэ Герра разных авторов и составленная с необыкновенной скрупулезностью библиография его собственных книг, статей, бесед и интервью, а также книг и статей, содержащих рецензии или ссылки на его книги, статьи, публикации, выступления и деятельность.

ПАМЯТНИК БАРОНУ ПЕТРУ ВРАНГЕЛЮ В СЕРБИИ

История русской эмиграции – это прежде всего история сохранения национальной культуры, веры и человеческого достоинства

ЕКАТЕРИНА ГРИГ

Памятник лидеру Белого движения генералу Петру Николаевичу Врангелю в Сремских-Карловцах. Сербия. 2007. Скульптор Василий Аземша

В Сремских-Карловцах, сербском городке на берегу Дуная, осенью 2007 года был установлен памятник последнему главнокомандующему Русской армией, лидеру Белого движения барону Петру Николаевичу Врангелю.

Это было значимое событие не только для потомков русских эмигрантов, но и для сербской общественности: после трагических событий Гражданской войны и эвакуации Русской армии из Крыма в ноябре 1920 года именно Королевство сербов, хорватов и словенцев стало настоящим убежищем для людей, потерявших родину, и одним из главных центров русской эмиграции. Здесь нашли приют десятки тысяч офицеров Русской армии, ученых, инженеров, писателей, философов и представителей русской аристократии. Многие учреждения Русской армии и общественные организации эмигрантов разместились тогда в Белграде.

Врангель, несомненно, был одной из ключевых фигур русской эмиграции. Он сыграл огромную роль в сохранении единства Русской армии за пределами России. В Сремских-Карловцах Врангель обосновался в 1922 году, переехав сюда из Константинополя вместе со своим штабом.

В 1924 году Врангелем был создан Русский общевоинский союз (РОВС), объединивший большинство участников Белого движения в эмиграции.

«Белая борьба – это честное возмущение русского человека против наглого насилия над всем для него святым – Верой, Родиной, вековыми устоями государства, семьи. Белая борьба – это доказательство, что для сотни тысяч русских людей честь дороже жизни, смерть лучше рабства. Белая борьба – это обретение цели жизни для тех, кто, потеряв Родину, семью, достояние, не утратил веры в Россию. Белая борьба – это восприятие десятками тысяч юношей – сынов будущей России – сознания долга перед Родиной. Белая борьба – это спасение Европы от красного ига, искупление предательства Брест-Литовска».

Петр Врангель

В сентябре 1927 года барон обосновался вместе с семьей в Брюсселе, где скоропостижно скончался 25 апреля 1928 года. В октябре 1929 года останки генерала Врангеля были перезахоронены с воинскими почестями в русском храме Святой Троицы в Белграде.

История русской эмиграции – это не только история поражения и изгнания. Это история сохранения национальной культуры, веры и человеческого достоинства. Именно такой смысл приобретает памятник барону Врангелю в современной Сербии.

Сегодня русское наследие остается важной частью культурного мира Сербии. Русские храмы, некрополи, учебные заведения и памятные места свидетельствуют о глубине исторических связей между двумя народами.

Идея установить памятник барону Петру Николаевичу Врангелю возникла в начале XXI века в связи с возрождением интереса к истории русского зарубежья и роли Сербии в судьбе русской эмиграции.

Работа над проектом стала результатом сотрудничества сербских властей, представителей Русской Православной Церкви, общественных организаций русской эмиграции и российских фондов, занимавшихся сохранением исторического наследия.

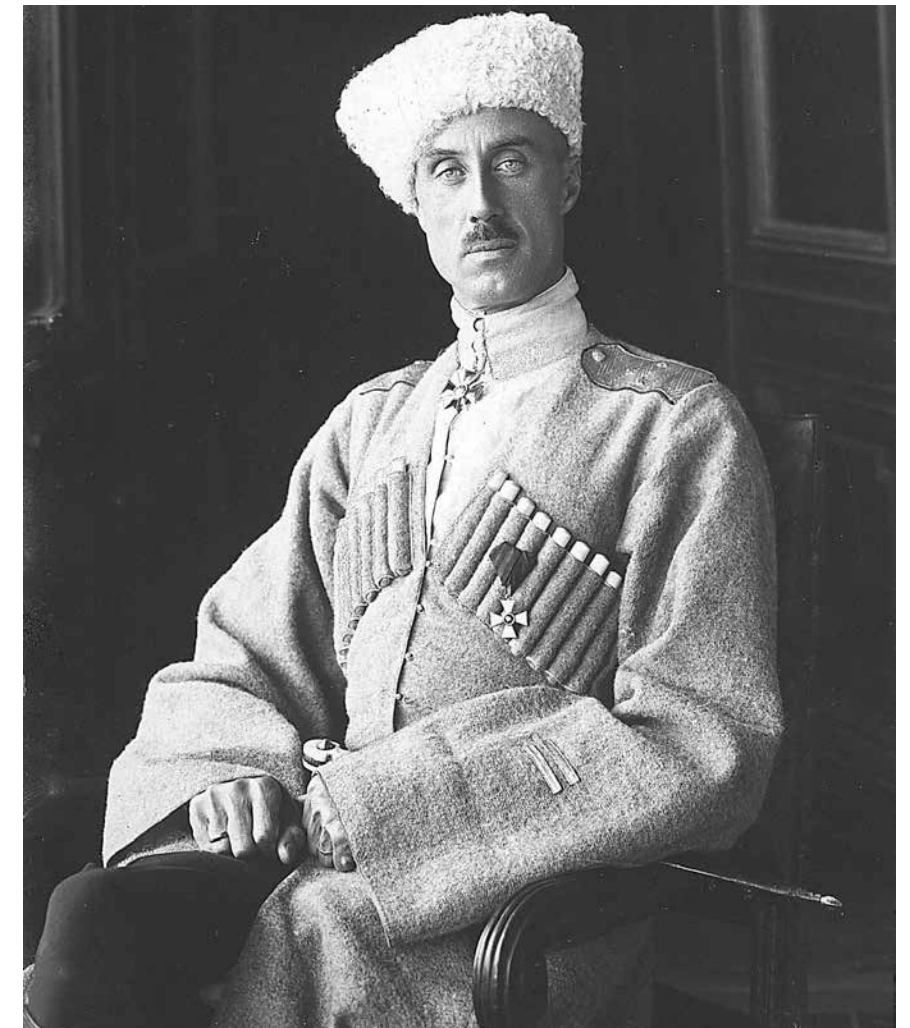
Основной задачей было создать памятник, который воспринимался бы не как политический символ, а как дань памяти человеку, сыгравшему значительную роль в судьбе десятков тысяч русских беженцев после Гражданской войны.

Памятник работы скульптора Василия Аземши выполнен

в реалистической манере: генерал изображен в военной форме, но в спокойной и сдержанной позе, без излишней героизации. Позади монумента, установленного перед зданием городской больницы, где в 1920-х годах располагались беженцы из России, размещен большой мемориальный стенд с фотографиями чинов и воинов Русской армии,

оказавшихся в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

Отражая трагическую судьбу Белого движения и цвета русской нации, вынужденного покинуть родину, памятник подчеркивает прежде всего личность Врангеля как человека чести, сохранившего достоинство перед лицом исторической катастрофы.

Барон Врангель в 1920 году

ИНОЗЕМНАЯ РОССИЯ

Русская диаспора представляет собой безусловный феномен

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

Нет нужды перечислять великие свершения русских, они общеизвестны. Некоторые, если учесть скромную численность этноса, вообще грандиозны. Это и самая большая в мире территория государства, оставшаяся огромной даже после катастрофы 1991 года. И едва ли не единственная из христианских цивилизаций, упорно сохраняющая себя под натиском глобальных ересей и цифровых культур.

Русские в рассеянии — это феномен

Непомерным свершением можно считать и нашу диаспору, одну из крупнейших в мире. По данным ООН, за пределами Российской Федерации проживает около 26 миллионов носителей русского языка. Примерно столько же насчитывает диаспора индийцев. Самая большая в мире, китайская, превышает русскую лишь вдвое. И это притом, что индийцев с китайцами в их государствах по полтора миллиарда, а русских в РФ около ста миллионов. В пятнадцать раз меньше!

При таких пропорциях русская диаспора представляет собой безусловный феномен. Отношение к нему, несмотря на долгую историю и явную значимость, не назовешь устоявшимся и однозначным даже в самой России. Не говоря о странах нынешнего проживания выходцев из СССР/РФ. В одних и тех же государствах кто-то

видит в русской диаспоре угрозу, а кто-то дар судьбы. Равнодушные к русским встречаются редко. И к тем, кто живет на соседней улице с ними, а то и через дверь. И к тем, кто за тысячи километров от них населяет некую привычно грозную, по рассказам, прекрасную и ужасную, всегда загадочную страну.

А что же мы сами, составляющие эту диаспору? Как воспринимаем «наших» и себя самих, годами (кто-то уже и поколениями) живущих вне России? Кто мы такие во внешнем мире?

Мой ответ — просто русские. Только уже не такие, как те, что продолжают жить в границах Российской Федерации.

В этой наследственной связи, при несомненной разнице, заключается, на мой взгляд, явление исключительной важности, которое мы наблюдаем давно и которому до сих пор не дали надлежащего имени.

Происхождение

В советском прошлом, когда я жил в Ташкенте, узбеки официально именовались титульным населением. А всех нетитульных, для кого узбекский язык не был родным, титульные граждане называли уруссами. То есть русскими. Сами себя мы, урусы, делили на оренбургских казаков, эвакуированных евреев, спасшихся от геноцида армян, антифашистов-греков, заблудившихся в войне поляков и прочие

этносы переселенцев в Город хлебный. Дед одного из моих друзей, русского по паспорту, был швед.

Та же история в Германии — русскими здесь зовут всех переселенцев из бывшего СССР, от немцев Поволжья, украинцев и татар, до грузин и чеченцев. Общее мнение немцев — все они *die Russen*.

То же самое в Израиле, США, Австралии, Канаде и далее по глобусу. Если дома говоришь по-русски, если читаешь русские книги и смотришь российские телеканалы, то для титульного населения ты русский. Наличие у тебя местного паспорта и избирательных прав, владение их языком, погруженность в их культуру, вовлеченность в социальные и трудовые отношения — все это важно для государства, но для соседей и коллег вторично. Для них мы все и однозначно — русские.

А для себя? Мы-то здесь видим несомненные отличия — как русскоязычных прослоек друг от друга, так и здешних «наших» от жителей коренной России. Видим и общее в «наших».

Общего много. Больше, чем только семейный язык. Ибо частью своего сознания мы продолжаем жить в иной, давно распавшейся России, которая во всех своих окраинах была для нас одинаково сложно устроенным, многоярусным домом. Как тогда мы были «русскими» инородцами среди других народов, так остаемся «русскими» для других и сейчас. Только окраины изменились.

Новое имя

За тридцать пять лет, прошедших с распада большой России в формате СССР, многомиллионное расселение «наших» мало-помалу создало в мире новую формацию — иноземную Россию. Которую можно уже, по семантике Мало- и Новороссии, называть Инороссией. А ее насельников — инороссами.

В своих скитаниях через пределы разных стран мы неизменно несем с собой и в себе измененную расстоянием, иноземную Россию, эту самую Инороссию. Продолжаем хранить ее в смыслах, более глубоких, нежели географический, политический, даже только культурный. И обнаруживаем с годами, что именно эта часть существа оказывается в нас самой устойчивой и надежной. Принадлежность к Инороссии поддерживает нас в передрыгах, укрепляет наши семьи. Если удастся находить в новых странах новых друзей, то они, как правило, тоже оказываются инороссами.

Наши дети — сначала с нами, затем самостоятельно, — могут жить оседло, либо продолжать перебираться из страны в страну. Не так уж важно, считают ли они сами себя уже французами, израильянами, немцами, американцами. Многие из них в духовной основе своей остаются инороссами. В таких продолжает жить Инороссия.

В нынешнем веке Инороссия стала практически всепланетной. Несколько лет назад я вел проект по продаже книг на русском языке и поражался географии интереса к ним. Если б не неподъемные тарифы на доставку, наши книги покупали бы центнерами — в Японии, Исландии, на Сейшелах и бог весть в каких еще землях, где «наши» не просто живут, но учат своих детей оставаться русскими по книгам сказок и учебникам для российских школ.

Как некогда это было на окраинах Российской империи, так остается и сейчас. Куда бы ни проросла Инороссия, любой ее листок сохраняет жилки языковых, культурных, духовных связей с коренной Россией, вгрызшейся в остатки своих исторических земель.

Отношения со страной исхода

Волны исторжения русских во внешний мир вызывались разными причинами, от катаклизмов (распад государства, война) до бюрократических решений (например, либерализация правил выезда).

И если в советском прошлом всякий эмигрант рассматривался государством едва ли не как враг, просто по факту жительства в другой стране, то сейчас официальное отношение к зарубежным соотечественникам сложнее. Звание врага теперь нужно заслужить. Как минимум, призывами в соцсетях к свержению власти или чему-то подобному. А доля реальных врагов государства Российская Федерация укладывается в обычные для всякого общества несколько малых процентов «революционеров».

В отношении остальных (а это подавляющее большинство «русских иностранцев») на передний план официальной политики России довольно давно уже вышла задача стимулировать репатриацию. И если из стран Центральной Азии действительно имел место всплеск «возвращенцев», то, скажем, Евросоюз заметных результатов не дает. Из миллионов русскоязычных жителей Германии, например, в прошлом году в Россию переехало восемь тысяч. Доли процента... Возможно, цифра бы выросла, если бы желающие вернуться не были слышаны о проблемах в системе приема соотечественников, например о бюрократизме, противоречивости

законов и непредсказуемых сложностях на местах, отягощающих процесс переезда.

Разрыв или дистанция?

Независимо от причин эмиграции, от времени, прожитого в другой стране, со страной исхода у большинства инороссов разрыва не происходит. Даже если там не осталось родных, их продолжает связывать с Россией культурная основа личности, потребность в общении на родном языке, причем не только в семье. Книги российских издательств, русское телевидение, социальные сети России — вот неперенные атрибуты жизни большинства современных русских эмигрантов.

В подавляющем большинстве выходцы из стран СССР, освоив язык новой страны, вжившись в новую среду (другая работа, другие друзья, более или менее освоенная иная культура, иные условия жизни и стандарты поведения, невозможные ранее планы и т.п.), ментально остаются русскими. И даже те, кто дома таковыми не считался (российские немцы, евреи, армяне и прочие меньшинства, теперь еще и украинцы), исподволь начинают ощущать себя русскими.

Это развивается несколькими путями. И потому, что всех их без разбору, по одному акценту, коренные жители пожизненно числят в русских. И потому, что в большинстве они, независимо от этнических корней, смотрят вечерами телевидение и читают книги на русском языке, потому что так легче получать информацию.

Если кто-то по каким-то причинам попытается отделаться от этой «русскости», то скоро обнаружит, что для этого нужно изменить основы своей личности, заложенные в детстве и развитые образованием, у многих еще советским. Для

Памятный знак, установленный в 2003 году на набережной Лейтенанта Шмидта в Санкт-Петербурге

этого нужен огромный труд при сомнительном результате. Может, поэтому я таких экспериментаторов ни разу здесь не встречал. Даже не слышал о таких попытках.

Зато вижу изрядное число «русских» магазинов, а в них корейцев, татар, грузин и бог весть кого еще, между собой и на кассе общающихся по-русски. Если «русский» магазин большой, то в нем и около него гнездятся книжные ларьки, туристические бюро, телефонные и телевизионные сервисы, адвокатские конторы. И вывески у всех на русском, и с клиентами любых корней, кроме немецких, там с полувзгляда заговорят по-русски. С немцами по-немецки, естественно. Для всех это в порядке вещей.

Итак, разрыва нет. Но дистанция возникает почти неизбежно.

В новой жизни и в другой культуре одна за другой проявляются такие особенности, которых не было и быть не могло в жизни прошлой. В какой-то момент понимаешь, что привязался к ним. С этого начинается твоя интеграция в новое общество.

Следующая фаза интеграции наступает, когда видишь, насколько выросли в эту жизнь твои дети, вообще не знающие иной. В этой фазе обычно проявляет себя и дистанция от прошлого. События в России и вокруг нее по-прежнему не безразличны, но участвовать в них ты уже точно не сможешь. Зато можешь влиять на жизнь нынешней своей страны. Во всяком случае, если стал гражданином и получил право голоса. Для них эта позиция не может быть заслонена обещаниями снизить налоги, отремонтировать мосты, защитить права трансгендеров, спасти климат и т. п.

Это право инороссы всегда соотносят с позицией той или иной партии в отношении России. Это не значит, конечно, что всякий иноросс по умолчанию на стороне власти, действующей сейчас в России.

Такого в межгосударственных отношениях не бывает. Тем не менее известно, что в Германии, например, большинство инороссов отдает голоса партии АдГ, последовательно выступающей за диалог с российской властью. А это – миллионы голосов. Купить которые нельзя.

Главный вопрос

Как же следует относиться коренной России к своему порождению – Инороссии? Скрыт ли в ней неизбежный ущерб для основного этноса? Или же, напротив, она чревата новыми достижениями русских, в том числе аномальными? Чего ожидать от нее сейчас, когда на наших глазах идут переустройство и перекройка мира?

Для лучшего понимания полезно обратиться к опыту самой крупной диаспоры мира.

Хуацяо

Так называют китайцев, постоянно живущих вне Китая. Их более 60 миллионов. Нет на свете сколь-нибудь крупного города без своего Чайна-тауна. Как говорят в Поднебесной – Китай там, где есть китайцы, а это значит, что Китай есть почти везде.

Существенное отличие хуацяо от зарубежных русских лежит не в языке и не в разрезе глаз, а в традиции отношения к ним жителей страны исхода.

В традиционном китайском сознании гражданство не имеет большого значения. Гораздо важнее происхождение, причем как самого хуацяо, так и его предков. Если прадед чикагца родился в Китае, то житель Пекина считает его китайцем. Традиция «коренных» не отторгает хуацяо от жителей Поднебесной. Китайцы в пределах Китая воспринимают хуацяо

соотечественниками, которым просто выпала судьба оказаться за границей. Что ж, нужно и там вести себя достойно китайца. Возвращение же хуацяо на родину, даже через несколько поколений, всеми воспринимается как счастливое воссоединение с семьей.

Может оттого, что пуповина с отъездом не рвется, всякий китайский эмигрант, в отличие от русского, старается селиться ближе к соотечественникам, обжившимся в другой стране. Окружение «своих» никак не мешает китайцу интегрироваться в жизнь его новой страны, вплоть до получения ее гражданства.

И что особенно важно – где бы ни жили хуацяо, они абсолютно лояльны к странам проживания. Работают ли по найму, сами ли создают рабочие места, но исправно платят местные налоги и вообще всеми способами стараются повышать благосостояние среды обитания. Результат соответственный. По некоторым оценкам, хуацяо владеют сегодня в странах проживания активами на сумму более 2,5 триллиона долларов США. Это восьмой по размерам объем активов в мире. Если бы хуацяо могли действовать слаженно, они влияли бы на глобальные процессы в той же мере, как немалая по размерам, экономически развитая страна.

А что же китайское государство? Зовет ли хуацяо вернуться домой? Ничего подобного. Линия компартии рациональна: хуацяо должны укреплять свои позиции за границей, процветать там и богатеть. Но свои капиталы пускай инвестируют в отечественную, китайскую индустрию. Так оно и происходит.

В Китае основная роль государства в отношении своей диаспоры – координатор ее экономической деятельности. Ни во внешнюю, ни тем более во внутреннюю политику хуацяо официально не втягивают. Да в том и нужды нет. Благодаря

связям с родственниками и друзьями на исторической родине хуацяо поддерживают в действии два встречных потока. В Китай беспребойно льются переводы валюты, из Китая едет молодежь на учебу в страны пребывания хуацяо. Оба потока чрезвычайно важны для внутренней политики компартии.

Что же до внешней политики, то чем больше активов хуацяо инвестировано в экономику Китая, тем внимательнее их владельцы следят в своих странах за действиями правительств. И у них есть способы купировать возможный вред интересам Китая.

Русские иностранцы

Пример Китая доказывает, что России тоже нет нужды мыслить себя территорией в определенных географических границах. XXI век показывает многими примерами, что крупнейшие культурные пространства давно уже не совпадают с формальными границами государств – источников и хранителей основных культур.

Поскольку же носителем культуры всегда был и будет язык, мы видим сложившиеся миры носителей языков – англоязычный, испаноязычный, франкофонный, лузофонный... Распространившиеся по всему свету хуацяо – не что иное, как мир путунхуа, основного из китайских языков.

Русскоязычный мир тоже давно и намного больше Российской Федерации. Его зарубежная ипостась, Инороссия, это вообще не география и не диаспора, не части других государств, не сферы и объекты деятельности каких-либо учреждений России. Это пространство нашего общего языка, нашей общей исторической памяти и живого культурного опыта, включающего культуры тех стран, где живут инороссы.

«В НАС ПАМЯТЬ СОВЕСТИ ПРОЧНЕЙ...»

125 лет со дня рождения Нины Берберовой

Нина Берберова. 1930-е годы

За эту ночь безветренную или
За эти два спокойных зимних дня,
Пока с тобою мы не говорили,
Тихонько вывездила жизнь моя.
А я в то время думала о малом
Под жесткой полостью моих саней,
Ладонь под рукавицей замерзала,
И где-то путались концы вожжей.
И вот смотрю: в дуге под бубенцами
По-новому шевелится земля,
И тряские, пустынные поля
Бегут ко мне шуршащими краями.

Петербург, 1921

Гитара

В передвечерний час,
В тумане улиц старых
Порой плывет на нас
Забывший звон гитары.
Или открыли дверь
Оттуда, где танцуют?
Или в окне теперь
Красавицу целуют?
Над этой мостовой
Она звенит, как прежде,
Старинною тоской
По счастью и надежде.
Ее поет другой
Теперь в часы заката,
Она осталась той,
Какой была когда-то.
А ты? Прошли года
Речной волны быстрее,
Ты любишь, как всегда,
Ты стал еще вернее,
Ты стал еще нежнее,
Чем в первые свиданья,
Твой жар мучительней,
Мучительней признанья.

1926

Я помню день тому пять лет назад.
Над летним Петербургом
дождь и ветер.
Таврический, глухой я помню сад
И улицы в передвечернем свете.

На одеяле первые цветы,
Покой и хлад в полузакрытом взоре,
И женщины увядшие черты,
Растерянной от бедности и горя.

Я помню день, унылый, долгий день,
В передней – плач,
на лестнице – смятенье,
И надо всем – нездешней жизни тень,
Как смертный след,
исполненный значенья.

И я сама, тому всего пять лет,
Стояла там, и видела обоев
Рисунок пестрый, и в окошке след
Дня, уходившего, не успокоив.

Пять лет тому! Куда ушли года
Невозвратимой юности и жара?
Спроси: куда течет весной вода?
Спроси: где искры горного пожара?

1926

Вечная память

– Скажи, ты помнишь ли Россию
На берегах восьми морей,
В кольце тяжелых кораблей?
Скажи, ты помнишь ли Россию?

– Я помню, помню... Я из тех,
В ком память змием шевелится,
Кому простится смертный грех
И лишь забвенье не простится,
Из тех, в ком дрожь не отошла,
В ком память совести прочнее.

К погосту дальнему вела
Зеленокудрая аллея.
И на погосте, где сирень,
Где летний день бывал так жарок,
Звенел порою в летний день
Венок фарфоровых фиалок

И металлических гвоздик,
Железных, ломаных, линючих,
А роз живых, но роз колючих
Был куст так ароматно дик
Между фиалок и гвоздик.
Венок железный тихо звякал,
И кто-то шел по мхам могил,
И кто-то шел, и кто-то плакал
И сам с собою говорил:
«Прощай, прощай, моя родная,
И незабвенная моя!»
И подступали зелена
К ограде, нежась и сверкая.
Наденьте, годы, на меня
Нетленной памяти вериги.
Был дом просторный, люди, книги,
Свет оплывающего дня.
Об одиночестве, о воле,
То с упоеньем, то с тоской,
О тайной дружбе в шумной школе
Мечта являлась за мечтой,
Стремилась ласточкой живой.
Когда закат, немного грубый,
Расстелется за тем окном,
И розовым вдруг станет дом,
Шепнут младенческие губы
Два имени, что за собой
Ведут, как рог горниста, в бой.
Два имени. И молчаливо
Возникнут страшных два конца:
Тот труп в ненастье, у обрыва,
Тот снег, у смуглого лица.
И встанут две за ними тени,
Два призрака, истлевших без
Прощений, без успокоений —
Скажи: Мартынов и Дантес.

Любило слишком сердце наше
Глухой простор бывлых дорог,
И медяки в долбленной чаше,
И нищий взгляд: помилуй Бог!
Дорога пылью облачится,
Слепой высоко запоем,
На мальчика облокотится
И вслед за мальчиком пойдет.
За кладбищем, за старым домом
Пройдут они своим путем,
Тысячеверстным, но знакомым...
Там, может быть, и мы пройдем.

В осенний вечер слишком рано
Темнеет. Сядем у костра.
В дыму соснового тумана

Мы будем слушать до утра
О смерти дикое сказанье,
О жизни долгое молчанье,
И донесет издалека
Нам ветер, чрез поля и кручи,
Неотвратимый, неминуемый
Скрип надмогильного венка.

Я слышу: гнется крест огромный,
Я слышу: стонет ржавый гвоздь,
И ветер, всероссийский гость,
Летит по всей России темной,
Метет фиалок черепки,
Гвоздик бывлые лепестки,
Что нам, в неотошедшей дрожи
Сицилианских роз милей,
Альпийской лилии дорожке, —
В нас память совести прочней.

1927

Без женской нежности,
друзья, как жить?
Без женской прелести кого любить?
Глазами бедными кому сиять?
Руками слабыми кого искать?

Глядит с большого темного холста
Навеки данная тебе мечта,
Она к тебе из забытых книг
Высоколобий свой поднимлет лик.

Ее Лаурой, Юлией зови,
Или Еленой, но без любви
Ты жить не можешь.
Всем нам снится сон,
Никто любовью не обойден.

1927

Восьмистишия

1

В этот день был такой небывало
протяжный закат,
В красном небе чернели дома
и пустынный наш сад.

«И ДУША, КАК НЕБО НАД НЕВОЙ...»

Многие стихотворения Владимира Набокова пронизаны тоской по утраченной Родине

Владимир Набоков. 1920-е годы. Германия

(в девичестве Рукавишникова) и их детей Сергея, Владимира, Ольгу, Елену и Кирилла...

Владимир Набоков никогда уже не вернется на родину, однако образ потерянного рая навсегда останется в душе великого писателя, став одной из важных тем его творчества.

Безвозвратная, вечно-родная,
эти слезы, чуть слышно звенящие,
проливал я, тебя вспоминая.
Поглядел я на звезды, горящие,
как высокие скорбные мысли,
и лучи удлинялись колющие,
ослепили меня и повисли
на ресницах жемчужины жгучие.

О, стекайте по тайным морицинам,
слезы яркие, слезы тяжелые!
Над минувшим, над счастьем единым
разгорайтесь, лучи невеселые...
Все ушло, все дороги смешались,
разлюбил я напевы искусные...
Только звезды у сердца остались,
только звезды, большие и грустные...

1920

Не предаюсь пустому гневу,
не проклинаю, не молю;
как изменившую мне деву,
отчизну прежнюю люблю.

В апреле 1919 года греческое судно «Надежда» увозило из Севастополя в эмиграцию семью Набоковых – Владимира

Дмитриевича, одного из лидеров партии кадетов и представителя стародворянского рода Набоковых, его жену Елену Ивановну

Но как я одинок, Россия!
Как далеко ты отошла!
А были дни ведь и другие:
ты сострадательной была.

Какою нежностью щемящей,
какою страстью молодой
звенел в светло-зеленой чаще
смех приближающийся твой!

Я целовал фиалки мая, –
глаза невинные твои, –
и лепестки, все понимая,
чуть искрились росой любви...

И потому, моя Россия,
не смею гневаться, грустить...
Я говорю: глаза такие
у грешницы не могут быть!

1921

Как весною мой север призывает!
О, мятежная свежесть его!
Золотой, распеваящий ливень,
А потом – торжество...
торжество...

Облака восклицают невнятно.
Вся черемуха в звонких шмелях.
Тают бледно-лиловые пятна
На березовых светлых стволах.

Над шумливой рекою – тяжелой
От лазури влекомых небес –
Раскачнулся и замер веселый,
Но еще не уверенный лес.

В глубине изумрудной есть место,
Где мне пальцы трава леденит,
Где, как в сумерках храма невеста, –
Первый ландыш, сияя, стоит...

Неподвижен, задумчиво-дивен
Ослепительный, тонкий цветок...
Как весною мой север призывает!
Как весною мой север далек!

1921

К Родине

Ночь дана, чтоб думать и курить
и сквозь дым с тобою говорить.
Хорошо... Пошуркивает мышь,
много звезд в окне и много крыш.

Кость в груди нащупываю я:
родина, вот эта кость – твоя.
Воздух твой, вошедший в грудь мою,
я тебе стихами отдаю.
Синей ночью рдяная ладонь
охраняла вербный твой огонь.
И тоскуют впадины ступней
по земле пронзительной твоей.
Так все тело – только образ твой,
и душа, как небо над Невой.
Покую и лягу, и засну,
и твою почувствую весну:
угол дома, памятный дубок,
граблями расчесанный песок.

1924

Бессмертное счастье наше
Россией зовется в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твое жало,
чужбина, где сила твоя?

Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушенную думу,
за каждую песню о них.

Наши дом на чужбине случайной,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.

1927

Расстрел

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, –
вот-вот сейчас пальнет в меня! –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнанья
я снова чувствую покров.

Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг!

1927, Берлин

К России

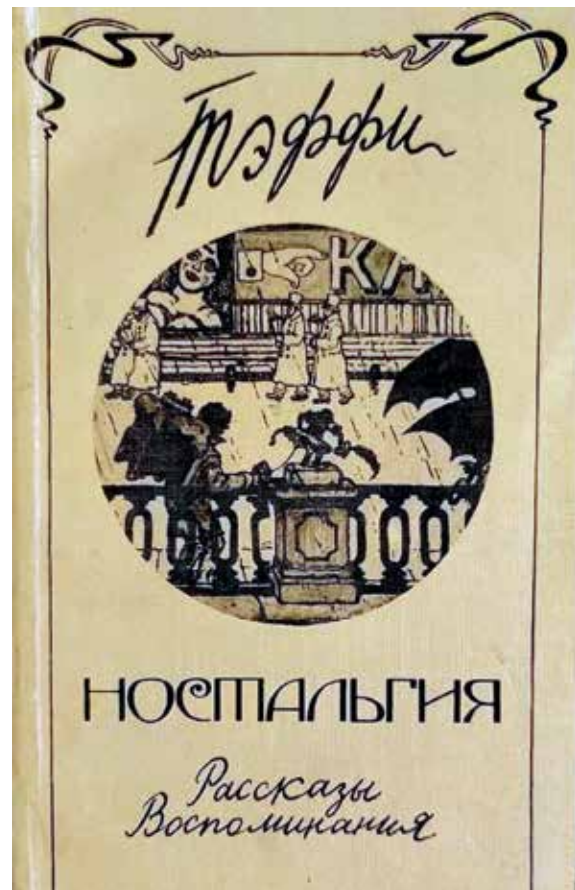
Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.
Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен вить на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.
Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;
обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, – мой язык.
Но зато, о Россия, сквозь слезы,
сквозь траву двух несмежных могил,
сквозь дрожащие пятна березы,
сквозь все то, чем я смолodu жил,
дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нащупывай жизни моей!
Ибо годы прошли и столетия,
и за горе, за муку, за стыд, –
поздно, поздно! – никто не ответит,
и душа никому не простит.

1939, Париж

Н. А. ТЭФФИ «НОСТАЛЬГИЯ»

Пыль Москвы на ленте старой шляпы
Я как символ свято берегу...

Лоло*

Вчера друг мой был какой-то тихий, все думал о чем-то, а потом усмехнулся и сказал:

– Боюсь, что к довершению всего у меня еще начнется ностальгия.

Я знаю, что значит, когда люди, смеясь, говорят о большом горе. Это значит, что они плачут.

Не надо бояться. То, чего вы боитесь, уже пришло.

* Псевдоним поэта-фельетониста Леонида Мунштейна. – Прим. ред.)

Я видела признаки этой болезни и вижу их все чаще и чаще.

Приезжают наши беженцы, изможденные, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут.

Тускнеют глаза, опускаются вялые руки и вянет душа – душа, обращенная на восток.

Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли.

Боялись смерти большевистской – и умерли смертью здесь.

Вот мы – смертью смерть поправшие.

Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда.

А ведь здесь столько дела. Спасаться нужно и спасать других. Но так мало осталось и воли и силы...

– Скажите, ведь леса-то все-таки остались? Ведь не могли же они леса вырубить: и некому, и нечем.

Остались леса. И трава, зеленая-зеленая, русская.

Конечно, и здесь есть трава. И очень даже хорошая. Но ведь это ихняя *l'herbe* [Трава (фр.)], а не наша травка-муравка.

И деревья у них, может быть, очень даже хороши, да чужие, по-русски не понимают.

У нас каждая баба знает – если горе большое и надо попричитать – иди в лес, обними березоньку, крепко, двумя руками, грудью прижмись, и качайся вместе с нею, и голоси голосом, словами, слезами изойди вся вместе с нею, с белою, со своею, с русской березонькой!

А попробуйте здесь:
– *Allons ou Bois de Boulogne embrasser le bouleau!* [Пойдемте в Булонский лес обнять березу! (фр.)]

Переведите русскую душу на французский язык... Что? Веселее стало?

Помню, в начале революции, когда стали приезжать наши эмигранты, один из будущих большевиков, давно не бывший в России, долго смотрел на маленькую пригородную речонку, как бежит она, перепрыгивая с камушка на камушек, струйками играет, простая, бедная и веселая. Смотрел он, и вдруг лицо у него стало глупое и счастливое:

– Наша речка, русская...
Фью! Вот тебе и третий интернационал!
Как тепло!

Ведь, пожалуй, скоро и там сирень зацветет.

У знакомых старая нянька. Из Москвы вывезена. Плавна, самая настоящая – толстая, сердитая, новых порядков не любит, старые блюдет, умеет ватрушку печь и весь дом в страхе держит.

Вечером, когда дети улягутся и уснут, идет нянька на кухню.

Там французенка кухарка готовит поздний французский обед.

– *Asseyez-vous* [Садитесь (фр.)], – подставляет она табуретку.

Нянька не садится.

– Не к чему, ноги еще, слава Богу, держат.

Стоит у двери, смотрит строго.

– А вот скажи ты мне, отчего у вас благовесту не слышно? Церкви есть, а благовесту не слышно. Небось молчишь! Молчать всякий может, молчать очень даже легко. А за свою веру, милая моя, каждый обязан вину нести и ответ держать. Вот что!

– Я в суп кладу селлери и зеленый горошек, – любезно отвечает кухарка.

– Вот то-то и оно... Как же ты к заутрене попадешь без благовесту? То-то, я смотрю, у вас и не ходят. Грех осуждать, а не осудить нельзя... А почему у вас собак нет? Этаким город большой, а собак – раз-два, да и обчелся. И то самые мореные, хвосты дрожат.

– Четыре франка кило, – возражает кухарка.

– Теперь, вон у вас землянику продают. Разве можно это в апреле месяце? У нас-то теперь благодать – клюкву бабы на базар вынесли, первую, подснежную. Ее и в чай хорошо. А ты что? Ты, пожалуй, и киселя-то никогда не пробовала!

– *Le president de la republique?* [Президент республики? (фр.)] – удивляется кухарка.

Нянька долго стоит у дверей у притолоки. Долго рассказывает о лесах, полях, о монашенках, о соленых груздях, о черных тараканах, о крестном ходе с водосвятием, что-бы дождик был, зерно напоил.

Надежда Тэффи. Париж. Фотография Петра Шумова.
Конец 1920-х – начало 1930-х

Наговорится, напечалится, съжится, будто меньше станет, и пойдет в детскую, к ночным думкам, к старушьям снам – все о том же.

Приехал с юга России аптекарь. Говорит, что ровно через два месяца большевизму конец.

Слушают аптекаря. И бледные, обращенные на восток души чуть розовеют.

– Ну, конечно, через два месяца. Неужели же дольше? Ведь этого же не может быть!

Привыкла к «пределам» человеческая душа и верит, что у страдания есть предел.

Раненый умирал в страшных мучениях, все возраставших. И никогда не забуду, как повторял он все одно и то же, словно изумляясь:

– Что же это? Ведь этого же не может быть!
Может.

МЕЖДУ БЕЗДНОЙ И СВЕТОМ

155 лет со дня рождения Леонида Андреева

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Леонид Николаевич Андреев был популярнее Бунина и Куприна. Он был ярок и красив. Обаятелен и умен. Но жил с онтологической безнадежностью в душе, видя в более ярких тонах уязвимое, а не умиротворяющее. Белый свет давно не бел, да и не был таким никогда.

Казалось, ни о чем, кроме смерти, он думать не мог: ждал ее, едва ли не мечтал о ней, пробовал штудировать ее, как многостраничный трактат. Приглядывался, прислушивался к оной, описывал разные варианты ее. Только вот тексты написаны жизнями...

Василий Качалов в образе Анатэмы, символически налитанном жутю, завораживал даже гримом: голый череп, подразумевающий сухой интеллектуальный расчет. Анатэма среди камней, и голова, как камень...

Кто он этот Анатэма? Он не умрет и не изменится, вечно вписанный в свое путешествие среди людей.

...На склоне горы, в пустынной и, конечно, мрачной местности (почему-то вспоминаются «Слепые» Метерлинка: ассоциации вечно плетутся причудливо в литературном мозгу) Анатэма стремится проникнуть в закрытые врата. Охраняемые, естественно.

Некто, вершащий охрану, не пропустит вас туда. Евангельские ассоциации в пьесе распустятся экзотическими цветами мысли.

Вы поняли куда хотел проникнуть Анатэма? Конечно, в смысл жизни. Врата закрыты наглухо, в них не войти, не познать предельные тайны.

Богоборческие мотивы, которыми пропитана пьеса, связаны с неприятием смерти. Трагический Андреев, мало живший, сильно пивший, бунтует против нее. В розоватом облаке алкогольного опьянения проще принять и Анатэму, и собственную конечность.

Андреев в неустанном развитии – насколько получается оно у человека, ограниченного всегда и всем, страхом смерти в том числе.

Мне страшно, значит я существую. Я умру, значит я жил. Живу...

И Андреев живет, стремясь вместе с Анатэмой вновь и вновь проникнуть в смысл жизни, сложная простота которого не устраивает совершенно.

...Миллионер нанимает Анатэму секретарем. Жесткая переключка реплик. Миллионер смертельно болен, но учится танцевать.

А что? Начал же славный римлянин учить греческий язык в восемьдесят. Миллионер условен: смерть съест богатство. Анатэма условен, он не хочет быть секретарем. Смыслы сплетаются в венки.

Кто увенчан ими? И страшно мерцает местность, врата внутри которой не желают отвориться. Сколько ни стучи...

Смертей много в книгах Андреева: мгновенных, как в «Большом шлеме», где острое счастье игры сведется ею на нет моментально; жутких, как в «Житие Василия Фивейского».

«Рассказ о семерых повешенных» обжигает. Каждая судьба восстановлена детально. Каждая однообразно закончится петлей.

Жуть, перетекающая в читательскую душу, и заостренный стиль Андреева выразительны до невозможности. Страх смерти скручивает железными нитями, парализует: неважно – революционеры ли, приговоренные к казни за покушение на министра, уголовники ли, исследование происходящего в их душах угнетает. Панически боится смерти революционер Каширин, но старается держаться; паника, заполняющая сознания Янсона, физически ощутима.

...Пауком рыжим крадется Искариот. Кабы не он, как бы проявилась миссия Христа, как бы пришел к распятию? А вдруг оно и не должно было состояться, и Христос, проживший долго, реформировал бы человечество на принципах любви и братства?

О таких ракурсах невероятия Леонид Андреев, созидая свою повесть «Иуда Искариот», не задумывается, погружая нас в мир древней Иудеи сочно и плотно, – можно войти в страницы...

Пьесы Андреева были популярны не менее прозы; они символичны в достаточной мере, но символика, воспринимавшаяся тогда всерьез, сейчас кажется довольно наивной. Два полюса определяли театр Андреева – символизм и реальность. Тяготение к первому – скорее дань времени, а второе объяснимо талантом.

Наиболее живой сейчас кажется мрачная драма «Анфиса». Анфиса, властная и красивая, разочарованная в любви, но стойкая, давно нравящаяся Костомарову, не выдержит его обольстительного напора, поддастся. Сила характера,

выписанного крупными мазками, и конфликты, завязанные внутри действия, убеждают в огромном даре Андреева-драматурга.

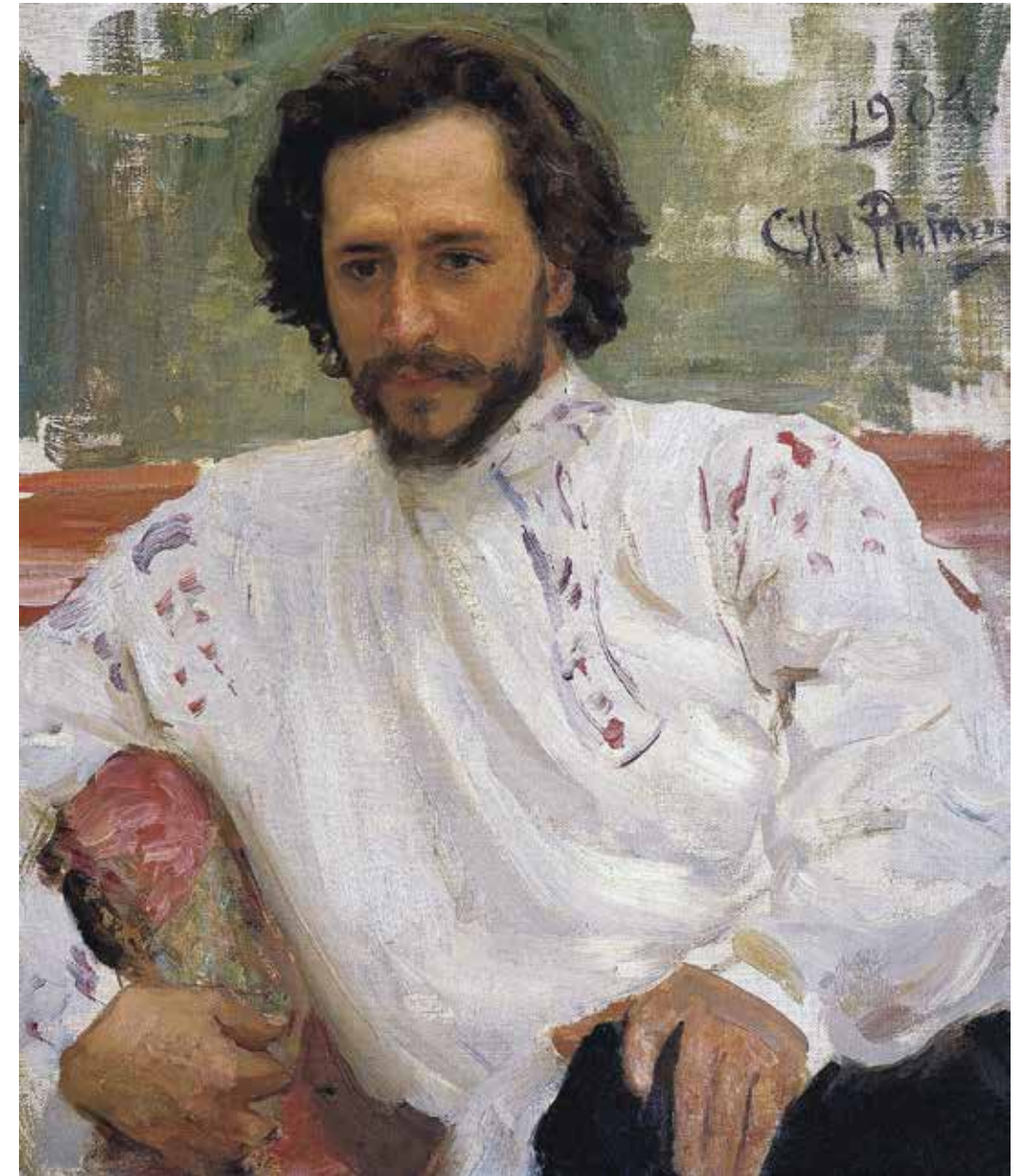
Многое из его драматического наследия не тускнеет: блещут алмазной гранью реплики, входят в реальность... Но главное – рассказы и повести; тонкое психологическое портретирование наслаивается на сострадание ко всем, столь свойственное русской литературе...

Он очень контрастный! И жил, представляется, на контрастах, страстями играя. Мальчишкой лежал под идущим поездом, испытывая себя, пробуя градус собственной смелости. Так и проза его переливается контрастами...

Андреев не дожил до пятидесяти, оставив полновесное и полноценное наследие; сын землемера, по матери –

потомок польского рода. Семья велика – шестеро детей, до смерти отца все лучилось счастьем.

В гимназии Леонид страстно увлекается чтением, он впечатлителен. Учится на юриста, но из Петербургского университета отчисляют за неуплату. Доучиться удастся в Московском. Недолго занимается адвокатской практикой. Пользуясь псевдонимом, сотрудничает с газетами как журналист.

Портрет Леонида Андреева работы Ильи Репина. 1904

Уже первый опубликованный рассказ «Баргамот и Гараська» поражает игрой психологических красок, точностью глазомера, умением чувствовать людей. Горький, сразу заметивший рассказ, вводит Андреева в писательские круги.

Как смотрит Андреев с портрета, исполненного И. Репиным... Словно не рассчитывает выиграть – хотя выиграл: успешен, знаменит... Некогда бушевавшая

сверхпопулярность Андреева, оправдана словесным мастерством и психологической изощренностью.

Голос Леонида Андреева не ослабел и сегодня, какие бы ни лютвали вокруг времена, закручивая черные вихри денежного перца и подчиняя всех кондовым законам животного эгоизма. Живут его книги, не потускнели от прошедших времен, живут, переливаются цветами самой жизни.

ФЕДОР ШАЛЯПИН И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ ВО ФРАНЦИИ

Окончание публикации фрагментов из книги Елены Лебедевой
(начало читайте в №171/01–02, 172/03–04 и 173/05–06)

Федор Шаляпин в кругу семьи. На диване: Марина и Мария Валентиновна. На переднем плане: Стелла (слева) и Елена. Фотоархив автора

Мистический Париж великого Шаляпина

Федор Иванович Шаляпин, уехав из России в 1922 году, прожил в Париже последние 14 лет. Во французской столице много памятных мест, связанных с его именем. Это несколько городских театров, концертный зал и два дома, где обитал великий певец. На доме № 22 на авеню д'Эйло, где он жил последние 13 лет, в сентябре 1984 года была установлена мемориальная доска. Это произошло перед переносом праха певца с парижского кладбища Батиньоль на Новодевичье кладбище в Москве.

Много лет занимаясь русским зарубежьем во Франции, я, помимо осмотра достопримечательностей, решила встретиться в Париже с людьми, которые жили в семье Шаляпина. В 1997 году мне представилась возможность увидеться с падчерицей Федора Ивановича Стеллой Эдуардовной де Лимюр (1904–1998), урожденной Петцольд.

Она около 30 лет жила во второй семье Шаляпина и много могла рассказать о своем отчине и других членах семьи.

Узнав предварительно по телефону, что летом она будет в Париже, я решила снова поехать во Францию, чтобы непременно встретиться с ней.

В то время Стелле Эдуардовне было 93 года. О предстоящей

встрече с ней я договорилась в Москве. Она очень хотела увидеться со мной. Я находилась с ней в отдаленном родстве по ее матери Марии Валентиновне Петцольд (1882–1964), и этот факт имел для нее важное значение.

Наша туристическая группа, прилетев из Москвы в Кельн, за четыре дня через Германию, Голландию и Бельгию добралась на автобусе до Парижа. Мы должны были остановиться в отеле на рю де Шато. Посмотрев по карте, шофер повез нас в 14-й округ, где была эта улица. Однако, приехав туда, мы обнаружили, что с таким же названием есть улица в 16-м округе и нам надо ехать в отель, расположенный именно там. Сопровождающая группы туристов очень удивилась, когда узнала, что отель для нас забронирован в респектабельном 16-м округе. Она сказала, что много раз сопровождала русские группы, но отель в этом округе никогда не давали.

Мы прибыли в отель. Я посмотрела карту Парижа и увидела, что район Нейи, в котором жила Стелла Эдуардовна, расположен совсем недалеко от нашего отеля. Я решила, что какие-то потусторонние силы разместили нашу группу в отеле недалеко от ее дома, и я могу пешком ходить к ней в гости.

Наш отель назывался *Bon hotel*, что в переводе на русский означает «Прекрасный отель». В первый же вечер я по телефону договорилась со Стеллой Эдуардовной о встрече на следующий день около восьми часов вечера.

Дом, куда меня пригласили в гости, стоял на одной из небольших тихих улочек Нейи, недалеко от авеню Шарля де Голля на северо-западе Парижа. Мне открыла дверь худощавая пожилая подвижная женщина с очень ухоженным лицом и любезно предложила пройти в гостиную. В начале встречи я передала приветствия и подарки из Москвы.

Луи Бреге и Федор Шаляпин в замке Сарлабо на севере Франции. Фотоархив автора

Мы пили французское шампанское и угощались фруктами. Стелла Эдуардовна рассказывала о своей жизни. Много говорили о Шаляпине. Я поняла, что ей очень приятно общение со мной. Вероятно, мало с кем из современных собеседников в Париже можно было поговорить о Шаляпине.

Стелла Эдуардовна более сорока лет прожила в доме на авеню д'Эйло, где жил Шаляпин. Она переехала в Нейи из этого дома вместе с мужем графом Жаном де Лимюром (1887–1976), который был ассистентом на съемках фильма «Дон-Кихот» в 1932 году,

В парижском кафе в 1929 году. Слева направо: Маргет Ушкова (?–1940), урожденная Фабиан, вдова сводного брата Елены Константиновны Ушковой; Мария Валентиновна; Анна Ивановна Страхова (?–1935), преподавательница музыки; Марина Шаляпина. Фотография была подарена Елене Ушковой. Фотоархив автора

где Шаляпин играл главную роль. Этот переезд произошел после продажи дома вдовой певца Марией Валентиновной в начале 1960-х годов из-за ее отъезда к дочери Марине (1912–2009) в Италию.

Поздно вечером Стелле Эдуардовне позвонила ее двоюродная

сестра Елена Константиновна Ушкова (1905–1998), которая жила в Русском доме Земгора (старческом доме) под Парижем, в Кормей-ан-Паризи. Она интересовалась моим визитом и очень сожалела, что я уже уезжаю из Парижа и мы с ней не увидимся. С Еленой

Константиновной я познакомилась во время моей первой поездки в Париж в 1995 году и часто звонила ей из Москвы.

При расставании Стелла Эдуардовна подарила мне открытку, на которой написала по-русски: «Для воспоминания приятных

моментов, проведенных вместе. Stella de Limur». На этой открытке изображена нарядная французская кукла.

Я уходила от Стеллы Эдуардовны в час ночи. До гостиницы было 20 минут ходьбы. Я выразила беспокойство безопасностью

пути в такой поздний час. Стелла Эдуардовна сказала, что этот район безопасен.

Я успешно добралась до гостиницы по ночному Парижу. Дорога шла мимо уличных кафе, которые еще работали. Было что-то мистическое в таком удачном размещении нашей группы в отеле.

Это был не единственный случай в Париже действия мистических сил, связанных с Шаляпиным.

Интересный рассказ приводится в книге Бориса Розенфельда (р. 1933) «Шаляпин на Кавказе». Анна Ивановна Зеленцова (1913–1980), которая много лет была директором музея «Павловский дворец» под Ленинградом и занималась его восстановлением, рассказала в кисловодском музее о посещении кладбища Батиньоль.

Она была командирована в Париж на международный съезд работников музеев. Это был май 1972 года. Там она услышала, что на кладбище Батиньоль, где был похоронен Шаляпин, поселился и поет соловей. В то время в Париже гастролировал балет Большого театра. Купив букеты сирени, все вместе поехали на кладбище. С грустью постояли около могилы и положили цветы. Была произнесена небольшая речь.

Когда вышли на аллею, расположенную рядом, вдруг услышали, как запел соловей, который прилетел и сидел на мраморном кресте у Шаляпина. Плакали и мужчины, и женщины. Казалось, что душа Шаляпина приветствует своих земляков и поет для них. В этом было, как решили все пришедшие, что-то мистическое. Этот случай был рассказан дочери Шаляпина Ирине Федоровне (1900–1978) по приезде в Москву.

Ирине Федоровне не удалось присутствовать на похоронах отца, так как ее не выпустили из СССР. На могилу отца она смогла попасть

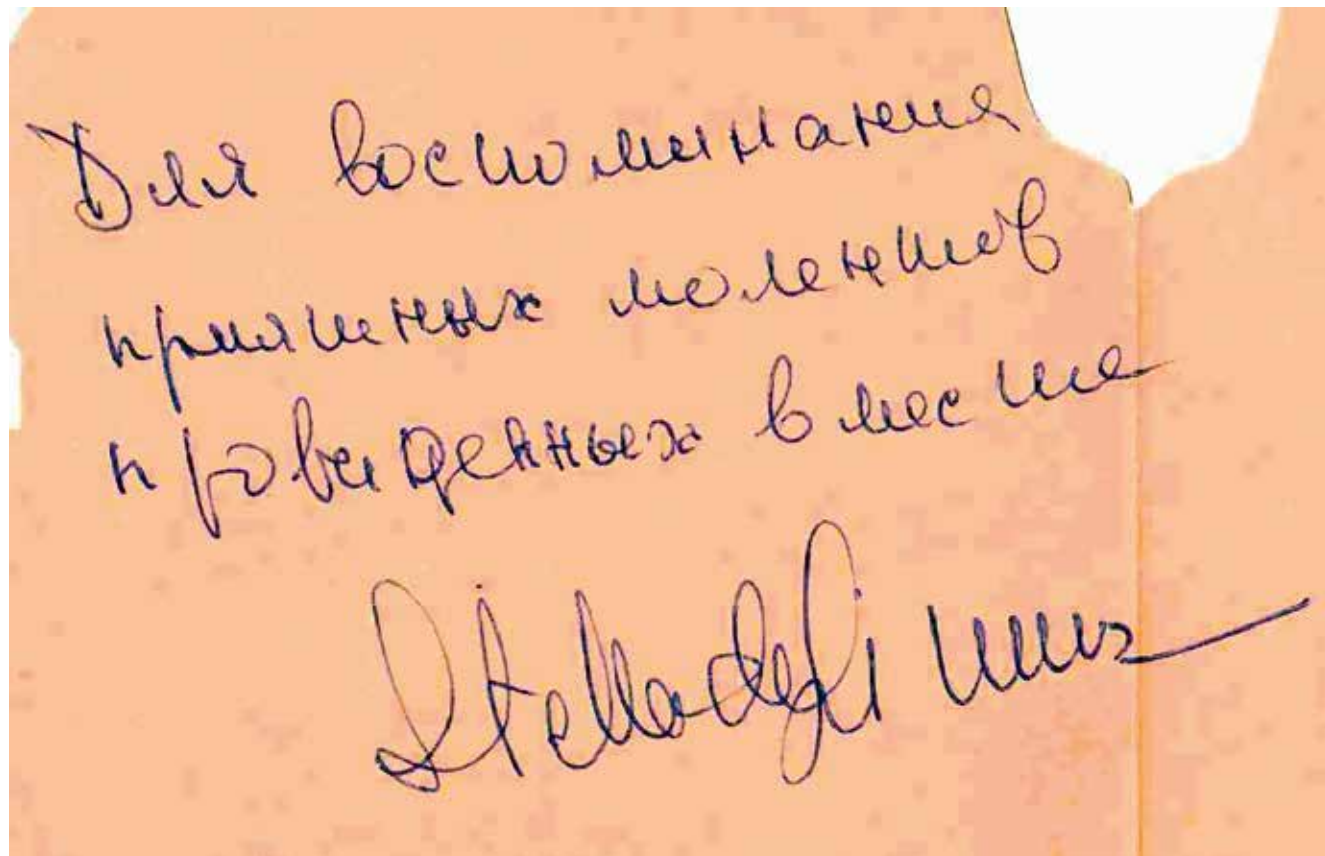
только лишь в 1956 году во время туристической поездки в Париж – через 18 лет после его смерти. Когда она стояла у могилы, над могилой летала белая бабочка. Дочь певца запомнила это и, вернувшись в Москву, рассказала об этом своим друзьям. Все говорили ей, что полет бабочки являлся символом приветствия Шаляпина приехавшей издалека дочери.

Неведомые силы, связанные с Шаляпиным после его смерти, создали описанные здесь ситуации. Загадочные события происходили либо с участием людей, которые жили долго вместе с Шаляпиным, либо на кладбище, где покоились останки певца. Вероятно, у Шаляпина было очень сильное биополе. Будучи великим актером и певцом, он завораживал со сцены зрителей. У него был очень сильный характер. Обладая талантом, он сделал большую карьеру в жизни. Он всегда пользовался всеобщим вниманием.

В настоящее время нет объяснения описанным явлениям. Возможно, эти мистические события связаны каким-то образом с энергией, которую Шаляпин посылал близким людям. Такие явления до сих пор остаются загадкой. Природа их неизвестна.

И еще о подарке, сделанном мне в Париже Еленой Константиновной Ушковой. Она была племянницей второй жены Шаляпина Марии Валентиновны, будучи дочерью ее сестры Терезы. Она подолгу жила в семье Шаляпина, так как была ровесницей Стеллы Эдуардовны и дружила с ней.

Во время нашей встречи в Париже в 1995 году ей было 90 лет. Елена Константиновна много рассказывала о семье Шаляпина и подарила мне две фотографии с его изображением. Обе фотографии были сняты в замке Сарлабо на севере Франции – недалеко от Трувилля. На одной из них Шаляпин был

Надпись на открытке, подаренной автору Стеллой Эдуардовной де Лимюр. Фотоархив автора

изображен в кругу семьи. На другой – вместе с другом, французским авиапромышленником Луи Бреге (1880–1955). В его авиационной фирме Елена Константиновна проработала много лет.

Елена Константиновна сыграла в моей жизни большую роль. Подаренные фотографии оказались магическими. Они положили начало моей журналистской деятельности. Вернувшись в Москву, я опубликовала их в статье в журнале «Эхо планеты». До этого они были в России неизвестны и не публиковались. С тех пор около тридцати лет я, занимаясь исследованиями жизни Федора Шаляпина во Франции, опубликовала несколько десятков статей о Шаляпине и русской эмиграции.

Стихотворение, посвященное Шаляпину

Стихотворение «Диалог с Шаляпиным» появилось благодаря конкурсу, объявленному в газете «Метро». Тема стихотворений на конкурс была «Диалог с ...». Я прочитала в газете от 9 июля 2021 года стихотворение «Диалог с Пушкиным», написанное Ольгой

Киреевой. Последние строки в нем были обращением к автору от имени Пушкина:

*P.S. А был бы жив, приволокнуса бы за вами ...
И посвятил прелестные стихи.*

Я решила, что можно написать «Диалог с Шаляпиным» и при этом закончить стихи похожим оборотом с вариантом симпатии Шаляпина к автору, написавшему стихотворение о нем.

В «Диалоге с Шаляпиным» отражены события, связанные с жизнью великого певца, и мои посещения Парижа, где я виделась с людьми, знавшими Шаляпина в последний период его жизни, уже после отъезда из России.

Шаляпин уехал из Петрограда за границу вместе со своей второй семьей в 1922 году. В 1924-м он поселился в Париже и прожил там 14 лет, выезжая на многочисленные гастролы более чем в 40 стран мира. Его второй женой, с которой он уехал из Петрограда, была Мария Валентиновна Петцольд (урожденная Элухен).

Умер Шаляпин в 1938 году в Париже и был похоронен на парижском кладбище Батиньоль. В октябре 1984 года прах Шаляпина с согласия его детей был

перенесен с парижского кладбища Батиньоль в Москву на Новодевичье кладбище.

Я была много раз в Париже. Мне удалось познакомиться с людьми, которые либо жили в семье Шаляпина, либо часто бывали в гостях. В 1990-е годы и в начале 2000-х я брала у них интервью и потом писала статьи в газетах и журналах. Это были племянницы второй жены Шаляпина Марии Валентиновны (1882–1964) – Вера Дмитриевна Ле Мерие (1919–2008, урожденная Печорина), Елена Константиновна Ушкова (1905–1998), падчерица Шаляпина Стелла Эдуардовна де Лимюр (1904–1998, урожденная Петцольд) и подруга младшей дочери Шаляпина Даси (1921–1977) – Нина Константиновна Прихненко (1919–2009).

Диалог с Шаляпиным

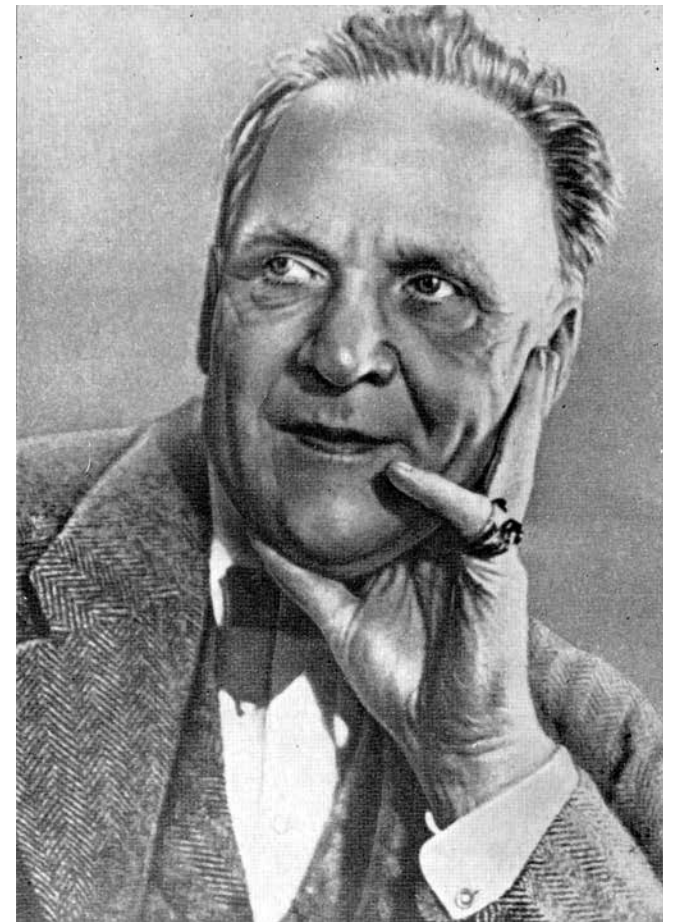
Москва и Петербург завязаны с Шаляпиным серьезно,
А между ними множество гастролей в разных
городах и странах.

Но вот пришел и 22-й год.

*В июне я покинул Петроград.
Кто знал, что больше не увижу я Россию.
Я тосковал о ней потом,
Но занят был я, как всегда, гастролью по планам.
И жизнь с семьей в Париже не отпускала всех в Россию.
Боялся ехать я туда.
Я жил, друзей не забывая.
Обицался с ними часто, когда бывал в Париже.
Коровин приходил ко мне.
Рахманинов и Кусевицкий появлялись.
Кшесинская любила приходить.
Савелий Сорин приезжал в Сен-Жан-де-Люз
И портретировал меня.
Я благодарен Вам за интересные статьи.
Чтоб написать их, Вам надо было уезжать в Париж
На встречи с Ниной, Стеллой, Верой и Еленой.
Они повествовали обо мне.
Но время шло. Ушли из жизни и они.*

А где хотели жить бы Вы сейчас?

*На авеню Эйло, где жил в последнем месте.
Смотреть оттуда, что происходит в мире
И тосковать по родине, к которой не вернулся в жизни.
Вы этот адрес знает, наверно.
Гуляли там, но встретиться со мной теперь не суждено.
И вот еще один момент в моей судьбе:
Когда я умер, я похоронен был в Париже.
Потом меня перевезли в Москву
И разлучили навсегда с Марией ...*

Одно из последних фото Ф. И. Шаляпина. Около 1937

А помнят ли меня на родине теперь?

Конечно, помнят.
Есть музеи в разных городах, где жили, выступали Вы.
Есть памятники. Их десять.
Поставили за тридцать лет в России.
А первый памятник в Казани, где родились Вы.
Еще есть Центр, где изучают Вашу жизнь,
И говорят о Вашей гениальности в искусстве.
И книги пишет кое-кто о Вас в России.
А я пишу статьи о Вашей жизни там в Париже.
А как же Ваши дамы?

*Поклонниц было много. Они ушли все.
Сейчас нет никого, кто нравился когда-то мне.
А если был бы жив сейчас я,
Я флиртовал бы в современном мире.
Не знаю, мог бы я понравиться теперь?
Ведь жизнь уже совсем другая.
ХОТЕЛ БЫ ВИДЕТЬ Я ВАС ОЧЕНЬ
И ПОДАРИТЬ ВАМ БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ.*

2021 г.

В ДЕРЕВНЮ, К ТЕТКЕ, В ГЛУШЬ, В САРАТОВ!

Продолжение. Начало читайте в №171/01–02 и 173/05–06

НИНА АЛИСОВА.
ТРИУМФ ЭВРИДИКИ

Виктория Пешкова

Для поклонников кино имя Нины Ульяновны Алисовой неразрывно связано с легендарной экранизацией пьесы Островского «Бесприданница», вышедшей на экраны в 1936 году.

Режиссер Яков Протазанов доверил главную роль двадцатилетней студентке ВГИКа, в которой увидел способность выразить на экране яркий и противоречивый характер героини.

Долгие годы Нина Алисова считалась эталонной Ларисой. Всех последующих исполнительниц этой роли, как в кино, так и в театре, критики и зрители вольно или невольно сравнивали с Алисовой. Жаль, что ничего сопоставимого с «Бесприданницей» этой талантливой актрисе кинематограф в дальнейшем так и не предложил.

По окончании ВГИКа Нина Алисова была принята в штат Театра-студии киноактера.

Это была весьма специфическая группа, созданная исключительно для того, чтобы обеспечить артистов постоянным местом работы.

Выстраивать серьезный репертуар в таком театре было практически невозможно: актеры могли участвовать в спектаклях только в свободное от съемок время. В 40-х годах Алисова снималась довольно активно, следующее десятилетие обернулось длительным простоем – всего три картины, из которых значимой можно считать лишь одну – «Даму с собачкой» Иосифа Хейфица, где

Нина Ульяновна сыграла нелюбимую жену главного героя Гурова. Премьера картины состоялась в январе 1960 года.

Тут самое время вспомнить о «странных сближениях», на которые порой так щедра бывает жизнь. Как известно, чеховская героиня жила в Саратове. В этот город судьба привела и Нину Алисову. Актрисе претило бездействие, и она, покинув столицу, приняла приглашение в труппу саратовского драматического театра, тогда еще носившего имя Карла Маркса. Проработала она там недолго – с 1960 по 1963 год, успела сыграть Анну в «Украденном счастье» по пьесе Ивана Франко и Нину Алексеевну в «Ленинградском проспекте» Исидора Штока. В некоторых источниках указывается, что Алисова играла и Ларису в «Бесприданнице».

Но театр подарил актрисе роль, не уступавшую по накалу страстей той, что прославил ее в кино, – Лейди (в старом написании Леди) Торренс в пьесе Теннесси Уильямса «Орфей спускается в ад».

До конца 50-х годов имя американского драматурга, пьесы которого шли по всей Европе, отечественному зрителю было совершенно неизвестно. Его произведения просто не переводились на русский язык по весьма «уважительной» причине: Теннесси Уильямс был признан советской критикой чуждым, упадническим автором, обращавшимся исключительно к «узколичной тематике». Ситуация начала меняться только с наступлением оттепели.

В 1960 году Юрий Завадский во время своей поездки в Америку посмотрел на Бродвее пьесу Уильямса «Орфей спускается в ад». Спектакль ему не понравился, а вот сама история зацепила. Написанный в 1957 году «Орфей» был пятой переделкой самой первой пьесы драматурга – «Битвы ангелов», с треском провалившейся за двадцать лет до этого.

Спустя несколько месяцев после возвращения Завадского пьеса была напечатана в журнале «Иностранная литература». Пробивала публикацию замечательный советский литературовед-американист Раиса Давыдовна Орлова, сделавшая все возможное, чтобы творчество Теннесси Уильямса стало достоянием и советского театра. Несмотря на то, что работал над текстом видный литературный и театральный критик, драматург и переводчик Юрий Оснос, перевод оказался далек от совершенства. К примеру, у драматурга Лейди мечтает открыть кондитерскую с виноградником, такую же, как та, что была когда-то у ее отца.

Много лет назад идиллическое уютное заведение спалили ку-клуксклановцы, отец погиб в огне, и дочь в память о нем хочет кафе возродить. А у переводчика кондитерская (англ. confectionary) странным образом превратилась в «зал готового платья» (от немецкого konfektion). К тому же над пьесой основательно поработали цензоры из Главлита.

Для советского театра Уильямс был слишком шокирующим: откровенным, патологически

натуралистичным, жестоким. Тем не менее Юрий Завадский, возглавлявший Театр имени Моссовета, принял пьесу к постановке, но работу над ней поручил своей «правой руке» – Ирине Сергеевне Анисимовой-Вульф, ученице Станиславского. Спектакль ставился на примадонну театра Веру Марецкую, игравшую Лейди. Официальной датой премьеры в Моссовете считается 25 мая. Но тогда состоялись только генеральные прогоны и сдача. Спектакль обкатывали на больших гастролях в Риге, а московский зритель увидел его только на открытии сезона в августе 1961 года. «Орфей», встреченный критикой довольно прохладно, продержался в репертуаре всего три сезона.

Московский «дебют» Теннесси Уильямса пресса осветила, пусть и не слишком широко.

Но моссоветовцы все-таки не были первыми. Премьера в саратовской драме состоялась на два дня

раньше! Разница невелика. Но только на первый взгляд. Ведь за этой постановкой не стоял ни авторитет одного из ведущих столичных режиссеров, ученика самого Евгения Вахтангова, ни слава известного театра, труппа которого представляла собой звездное собрание актеров первой величины. В Саратове спектакль поставил главный режиссер театра Николай Автономович Бондарев. «Орфей» стал одной из лучших его работ. В статье, посвященной «дебюту» Теннесси Уильямса на советской сцене, известный петербургский театровед Михаил Гудков сокрушается: «Парадокс состоит в том, что саратовская постановка “Орфея” оказалась на порядок лучше московской, однако объем документальных свидетельств и материалов о ней обратно пропорционален».

Вскоре после премьеры Раиса Давыдовна Орлова, напомним – авторитетный специалист по американской литературе, писала: «Артистка Саратовского театра Нина Алисова сумела сильно передать и трагедию, и торжество Леди». Несколькими годами позже, когда Нины Ульяновны уже не было в Саратове, Орлова снова вернулась к этому спектаклю: «Алисова понравилась больше! Марецкая – меньше. В случае с Марецкой – это не совпало, это просто не ее роль. Внутренне не ее! А Алисова – это ее. У нее сильная Леди, любящая, страдающая. Это, по-моему, очень сильная актерская роль».

Сила дарования Нины Алисовой позволила режиссеру создать спектакль вне какого бы то ни было политического контекста.

На это даже в эпоху оттепели требовалась немалая смелость, как человеческая, так и художественная. Николая Бондарева волновала судьба женщины, теряющей больше, чем любовь, – смысл жизни. Алисовой удалось донести до зрителя тоску героини

по любви, показать ее яркой, чувственной женщиной.

И это во времена, когда говорить со сцены или экрана о физической стороне человеческой природы считалось абсолютно недопустимым.

Для Лейди, задыхающейся в атмосфере глухой провинции, пропитанной страхом и ненавистью ко всему «чужому», бродячий гитарист Вэл стал воплощением настоящего мужчины, открытого искренним чувствам, символом той жизни, о возможности которой она даже не подозревала. На местных он действует как красная тряпка на быка, спасти его может только исчезновение, но, если он уйдет, жить постарому Лейди уже не сможет.

Режиссер не собирался обличать нравы «одноэтажной Америки». Ему хотелось вывести на подмостки поэтический мир Теннесси Уильямса, совершенно неизвестный советскому зрителю, воспитанному на драматургии соцреализма. «Многое в этом сложном и противоречивом произведении вызывает сомнение и недоумение, многое оказывается неприемлемым для советского зрителя, воспитанного в здоровых традициях реалистического искусства», – возмущался рецензент саратовской газеты «Коммунист». Журнал «Театр», в целом позитивно оценивший саратовскую постановку, тем не менее считал, что «... и Н. Алисовой и Л. Шутовой (игравшей роль Кэрл. – В. П.) есть смысл подумать еще и над тем, как ярче показать одновременно и извечную ограниченность их героинь, избравших далеко не лучшие формы протеста».

Одним словом, официальная критика была недовольна и драматургом, и режиссером, поскольку Вэл и Лейди не доросли до высокой миссии быть активными борцами против капиталистического общества. А они вместо этого гибли за «просто любовь мужчины и женщины». И именно этим покорили

сердца саратовской публики. Спектакль стал одной из незабываемых страниц театральной жизни Саратова. Память о нем живет не только в архивах музея театра, но и в воспоминаниях благодарных зрителей. А роль Лейди Торренс стала для Нины Алисовой высшим достижением в ее короткой театральной карьере.

НА ДОБРО ОТВЕЧАЙТЕ ДОБРОМ

Александр Зрячкин

*Ответом на слова – слова.
Ответом на любовь – любовь.
Любовь, которая права
И греет лучшие теплых слов.
И чтобы сердце не разбить
О вечный холод бытия –
Так важно верить и любить.
Любить, как любим ты и я...*

*Знаешь, наверное, это немного больно,
Но расставание – повод для
новой встречи.
Время пройдет – согласишься со мной
невольно:
Снова настанет приветливый
летний вечер.
Вновь позвонишь.
Надо встретиться? Выезжаю,
Да, через полчаса буду –
повсюду пробки.*

*Не обнимаешь, по-прежнему –
как чужая.
Все остальное выносим теперь
за скобки.
Время пройдет – согласишься со мной
невольно:*

*Снова подарит улыбку
прекрасный вечер.
Сердцу еще бывает немного больно,
Но расставания – повод для
новой встречи...*

*Не вернуть ни единого дня,
Что от нас ускользнул безвозвратно.
Ты, однажды оставив меня,
Никогда не вернешься обратно.
Не рассчитывай, нам ни к чему
Вновь и вновь погружаться в былое.
Кто-то может, а я не приму.
Стало прошлое легкой золою.
Ты, однажды оставив меня,
Никогда не вернешься обратно:
Не сдержат ни единого дня –
Ускользают они безвозвратно...*

*Стоит над городом туман.
Три метра видимость. И все же
Есть ощущение: зима Ушла.
О ней грустить негоже.
Пусть обещают снег с дождем
И ураган по всей округе...
Опору находя друг в друге,
Мы эту пору переждем...*

*Календарь листвою шелестит.
Прошлое отпустит и простит:
Говорят, недолго до зимы...
Даже если не поверим мы –
Падает осенняя листва,
Утихают прежние слова.
Мы с тобой по улицам пройдем
Не спеша за ветром и дождем.
Календарь листвою шелестит.
Прошлое отпустит и простит...*

*На добро отвечая добром,
Время красит виски серебром.
Скажут, будто с утра до утра
Не хватает на всех серебра...
Если этому верить, мой друг,
Счастье вновь ускользает из рук...
Снег дороги зальет серебром.
На добро отвечайте добром...*

ВАСИЛИЙ КАЧАЛОВ. «ЭТАКИМ АКТЕРОМ ВЕЗДЕ БУДУТ ДОРОЖИТЬ...»

Виктория Пешкова

Потомку старинного белорусско-го шляхетского рода лицедейство не к лицу. Но артистичность была растворена в крови юного Василия Шверубовича, и с этим ничего нельзя было поделать. С первых классов гимназии он стал неизменным участником школьных спектаклей, а подростком он с блеском читал знаменитый монолог Чацкого. Однако первый шаг из гимназических стен был сделан юношей не на сцену, а под своды Петербургского университета.

Впрочем, будущий юрист гораздо больше времени проводил на репетициях студенческого драматического кружка, чем в аудиториях. Руководил кружком один из ведущих артистов Александринского театра Владимир Давыдов.

По легенде, именно он поставил своего питомца на актерскую стезю.

В 1896 году, бросив университет после третьего курса, юноша поступает в труппу петербургского театра Литературно-артистического общества, принадлежавшего известному журналисту, издателю и драматургу Александру Суворину.

По некоторым сведениям, именно он придумал Василию псевдоним Качалов вместо его не слишком сценичной фамилии. А летом следующего года новоиспеченный Василий Качалов, примкнув к небольшой гастрольной труппе Василия Далматова, отправляется в турне по провинции и оказывается в Казани. Считается, что именно там талантливый русский антрепренер Михаил Бородай увидел Качалова в роли Бориса Годунова в «Смерти Иоанна Грозного» Алексея Толстого и решил

заполучить молодое дарование в свою труппу.

В Саратовско-Казанском товариществе драматических артистов молодой артист задержался на целых три сезона, сыграв за два с половиной года порядка 250 ролей. Это была отменная школа именно потому, что большая часть качаловского репертуара состояла из эпизодических и второстепенных персонажей. Василию Ивановичу, не получившему упорядоченного актерского образования, пришлось много и упорно работать самостоятельно. И усилия были вознаграждены.

Как это часто бывает на подмостках, в дело вмешался его величество случай. Давали «Смерть Иоанна Грозного». Заболел исполнитель роли Годунова, и вместо него на сцену вышел Качалов.

На следующее утро некий саратовский рецензент писал: «Молодой артист Качалов, экспромтом заменивший Агарева, провел роль Годунова обдуманно и с достаточной рельефностью». Другой критик восторгался неповторимым тембром качаловского голоса, подчеркивая, что артист «уже этим одним подкупает зрителя...». Впоследствии, когда труппа переместилась из Саратова в Казань, отклики на игру Качалова были не менее горячими. «Нам пришлось в первый раз видеть молодого артиста в такой ответственной роли, и, признаемся, его игра превзошла наши ожидания. Холодная, расчетливая, властолюбивая натура Годунова очень удалась г. Качалову. Длинный и, в исполнении многих, скучноватый монолог Бориса «Чего давно душа моя желала» артист провел превосходно, ни на минуту не теряя внимания зрителей», – резюмировал свои впечатления корреспондент «Волжского вестника».

Но это будет потом, а пока-лу тот первый, саратовский успех кардинально ничего в положении

Качалова не изменил. Провинциальные труппы жили за счет постоянного обновления репертуара, и даже самым талантливым исполнителям трудно было избежать проходных ролей. О начинающих же и говорить не приходилось. В новом сезоне Качалов получил роль президента в шиллеровском «Коварстве и любви». Критика не преминула подчеркнуть, что для возрастного персонажа исполнителю не хватило «надлежащего тона, жеста и грима», но в целом «Качалов обладает видной фигурой, звучным и красивым голосом, и из него обещает выработаться хороший актер».

Критика к Качалову была благосклонна: по ее просвещенному мнению, молодой артист был «на высоте требований», «жизненен», «типичен», «с живостью и отлично дополнял ансамбль». А публика его уже начинала обожать, и Бородай наконец доставил Василию Ивановичу давно им заслуженный бенефис. Играли «Царя Федора Иоанновича», и весьма успешно: «"Царь Федор"» в воскресенье снова дал товариществу хороший сбор. В этот вечер Качалову, исполнявшему роль Шаховского, поднесен подарок. Молодой, даровитый артист, как известно, не имел бенефиса, и настоящее подношение надо считать выражением признательности публики, которая, очевидно, ценит игру много работающего начинающего выдвигаться Качалова».

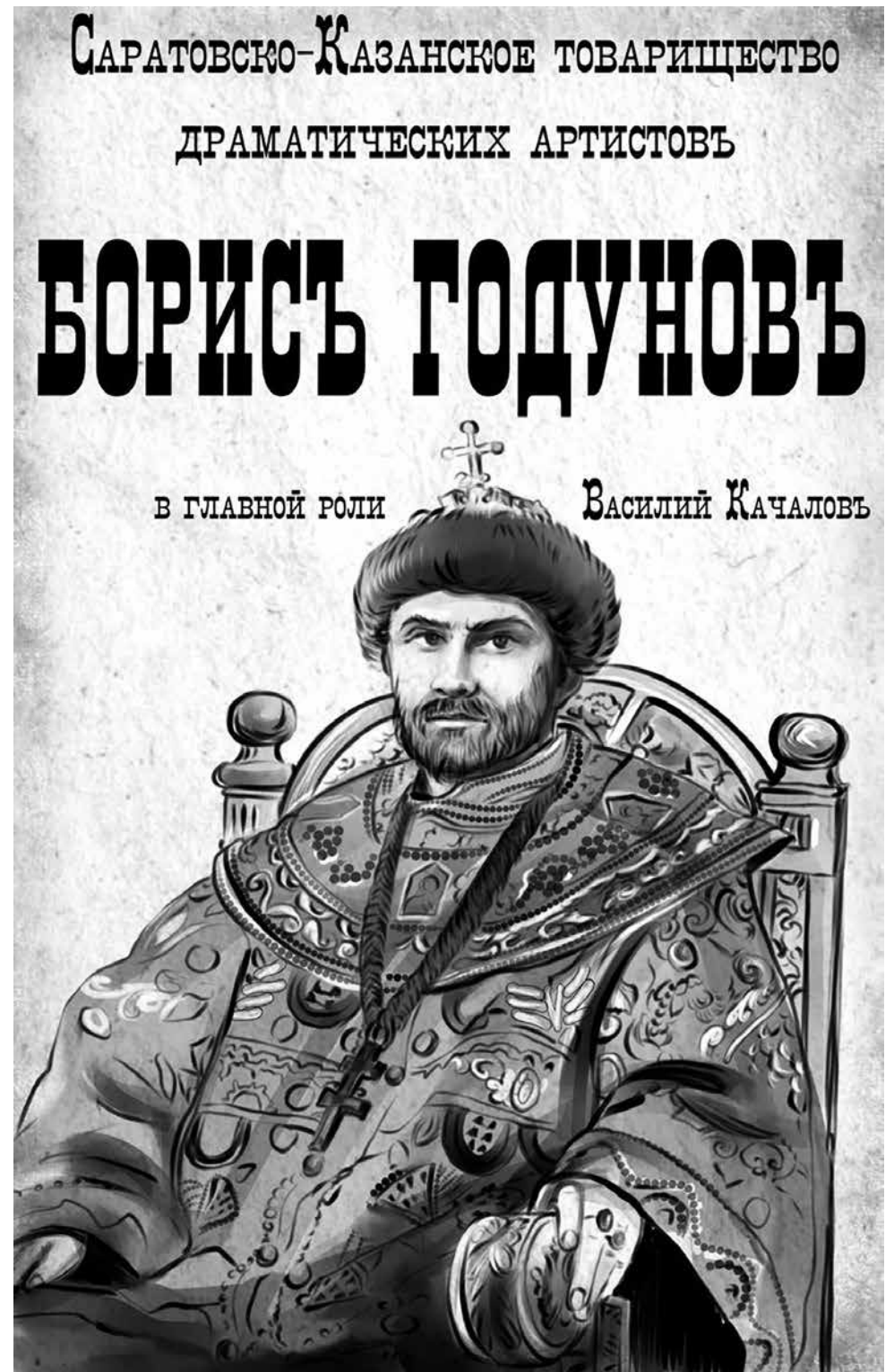
Из значительных ролей, сыгранных Качаловым в труппе Саратовско-Казанского товарищества, стоит упомянуть Дудукина в «Без вины виноватых» и Митю в «Бедность не порок» по Островскому, Горацио в «Гамлете» и Кассия в «Юлии Цезаре» Шекспира. Диапазон характеров персонажей говорит сам за себя. По завершении сезона критики традиционно подводят итоги. Для Качалова это был уже третий сезон в труппе Бородай. Статья в одной из саратовских

газет называлась «О молодых силах и вторых актерах». О Василии Ивановиче писалось следующее: «В персонале мужских молодых сил на первом плане Качалов. Приятный, звучный голос, отличные сдержанные манеры, умение преобразиться в разных ролях от ворчливых стариков до бурливых молодцов и чванных джентльменов, естественная горячность в драматических местах – это Качалов. Актер молодой, но уже достаточно опытный; актер, который никогда ничему не повредит, а, напротив, всему окружающему поможет – это Качалов. Сколько он переиграл – одному богу да Бородаю известно. И сколько наблюдательности и вдумчивости проявил он во всей длинной галерее сценических образов. Этим актером везде будут дорожить... Но надо же дать ему больше хода, больше размаха. Качалов быстро рос и вырос до первой величины. Дайте же ему, Бородай, более видное место.

Экзамен сдан прекрасно, курс кончен, позвольте этому таланту высшую программу службы».

Антрепренер не смог исполнить пожелание.

Весной 1900 года Василий Качалов был принят в Московский художественный театр, которому посвятил остаток жизни. Первой его ролью стал царь Берендей в «Снегурочке» Александра Островского, поставленной самим Станиславским. Вскоре Константин Сергеевич доверит Качалову выходить во втором составе

в ролях, которые играл сам: Триго-риным в «Чайке» и Вершининым в «Трех сестрах». А через неко-торое время признает первенство

артиста, выдвинувшегося в ряды ведущих исполнителей МХТ. По-желание саратовского рецензента исполнилось...

ЖИВОПИСЕЦ ДРЕВНЕЙ МОСКВЫ

25 июля (6 августа) 1856 года родился знаменитый русский художник времен «контрреформ» и Серебряного века Аполлинарий Михайлович Васнецов

КРИСТИНА ЛЯХОВА,
автор книги «Мастера исторической живописи»

Портрет Аполлинария Васнецова работы Николая Кузнецова. 1897 год

В отличие от своего знаменитого брата, Виктора Васнецова, Аполлинарий Васнецов гораздо больше времени и внимания уделял пейзажу. И если старшего брата привлекали человеческие образы (богатыри, полководцы, князья, витязи, боярышни), то младший преуспел в области исторического пейзажа.

Аполлинарий Михайлович Васнецов родился в селе Рябове Вятской губернии. Первым его учителем стал старший брат, В. М. Васнецов, а затем уроки живописи и рисунка художник получил у мастера Эльвира Андриолли, расписывавшего в Вятке новый собор.

Васнецов с детства любил и понимал природу, ставшую главной темой его творчества. Художник писал: «Природа, окружавшая меня в детстве, воспитала во мне пейзажиста. Местность моей родины, с. Рябово, была живописна и разнообразна».

При создании пейзажей молодой художник пользовался советами своего земляка, знаменитого живописца И. И. Шишкина. Позднее он обращался за консультациями к таким

А. М. Васнецов. «Москворецкий мост и Водяные ворота. Середина XVII века». 1900

известным мастерам, как И. Е. Репин, В. И. Суриков, В. Д. Поленов.

Ранние произведения Васнецова, отразившие впечатления художника от поездок по стране (в 1880–1890-х годах он побывал на Украине, в Крыму, на Кавказе, путешествовал по Уралу), передают его увлечение монументальными, обобщенными образами природы («Родина», 1886; «Тайга на Урале. Синяя гора», 1891; «Кама», 1895 – все в Третьяковской галерее, Москва).

Поэтическое восприятие природы отразилось в зрелых работах мастера – таких, как пронизанное

тонким лиризмом полотно «Лесное озеро» (1902, Третьяковская галерея, Москва). Умение чувствовать и понимать красоту природы сказалось и в произведениях Васнецова с исторической тематикой.

В 1897 году Аполлинарий занимался созданием эскизов декораций к опере М. П. Мусоргского «Хованщина». В этих работах («Красная площадь», «Стрелецкая слобода», «Скит» – все в Третьяковской галерее, Москва), очень точно передающих стилистику музыкального произведения, Древняя Русь предстала именно такой, какой видел ее знаменитый композитор.

Возможно, вступление к опере Мусоргского («Рассвет на Москве-реке») и навеяло замысел исторической картины Васнецова «Москва конца XVII столетия. На рассвете у Воскресенских ворот» (1900, Третьяковская галерея, Москва). Удивительно точно художник воссоздает облик города, величественную красоту древнего Кремля, башен, колоколни Ивана Великого, торжественно возвышающихся над низкими деревянными домами горожан. Лунный свет, падающий на ночной город и спокойную гладь воды, придает изображению поэтический вид.

А. М. Васнецов. «Площадь Ивана Великого в Кремле. XVII век». 1903

Заинтересовавшись историей, Васнецов начал изучать все, что относится к прошлому России. Он познакомился с документами, археологическими открытиями, сделанными на территории Московской Руси, изучал старинную утварь, исторические костюмы XVII столетия.

Картины Васнецова очень достоверно и в то же время эмоционально и лирично отражают облик старинной Москвы. Название картин точно передает место действия: «Старая Москва. Улица в Китай-городе начала XVII века» (1900, Русский музей, Санкт-Петербург), «Москворецкий

мост и Водяные ворота» (1900, Третьяковская галерея, Москва). На многих своих исторических картинах мастер изобразил и людей, живших в ту эпоху. Человеческие фигуры – не просто дополнение к пейзажу, его украшение. Герои полотен Васнецова живут своей жизнью, занимаются обычными, будничными делами.

Не менее выразительны акварели и иллюстрации Васнецова. Они еще более наглядно передают контраст между белокаменными кремлевскими постройками и деревянным московским зодчеством: «Книжные лавки на Спасском мосту», «Площадь Ивана Великого

в Кремле» (1903, Исторический музей, Москва).

В 1900-х годах Аполлинарий Васнецов вместе с другими художниками принял участие в создании «Картин по русской истории» издательства И. Кнебеля. Одна из композиций серии, получившая название «Новгородский торг», изображает торговую площадь в Великом Новгороде в эпоху его могущества. Художник показал храм Иоанна Предтечи на Опоках (в его подвалах бережно хранились самые важные документы Новгородской республики, городская казна, ценные товары), торговые лавки и склады, расположенные по краям площади.

А. М. Васнецов. «Гонцы. Ранним утром в Кремле. Начало XVII века». 1913

Здесь вели свой торг русские и заморские купцы. Рядом с храмом Иоанна Предтечи стояли весы, служившие эталоном для всех новгородских земель. На заднем плане картины автор изобразил детинец – огражденную центральную часть города с боярскими теремами и собором Св. Софии, куда от площади через реку Волхов вел деревянный мост.

Интересна и композиция «Монастырь в Московской Руси», также выполненная для издательства И. Кнебеля. Васнецов знакомит зрителя с историей создания на Руси монастырей, ведущих начало от маленьких скитов, выстроенных

монахами-отшельниками на севере и востоке Московского государства. К отшельникам присоединялись монахи и послушники, а вместо небольшой часовни строился красивый деревянный храм с колокольней. Монахи жили собственным трудом, обрабатывали землю и сеяли, несли знания и давали советы мирскому населению, завоевывавая уважение окружающих.

Со временем князь отдавал монахам в пользование земли и крестьян. Таким образом из маленького скита монастырь превращался в большое феодальное владение.

Художник прекрасно знал историю Древнерусского государства.

В 1901 году вышла в свет книга «История русского искусства» под редакцией И. Э. Грабаря, в которой была напечатана статья Аполлинария Васнецова «Облик старой Москвы». В ней рассказывалось не только об архитектуре, но и о жизни городского населения.

В 1901 году Васнецова пригласили преподавать в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Художник играл активную роль в организации выставок «36 художников», являлся учредителем Союза русских художников. С 1918 года живописец стоял во главе Комиссии по изучению старой Москвы.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

150 лет со дня рождения русского живописца
и графика Серебряного века Ивана Билибина

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН

Портрет Ивана Билибина работы Бориса Кустодиева. 1901

Когда в 1920 году Иван Билибин покидал Россию, ему было сорок три года. За плечами – уже сложившаяся художественная репутация, знаменитые иллюстрации к русским сказкам, работа в «Мире искусства», театральные постановки, многочисленные выставки. Он был художником, который сумел создать собственный, мгновенно узнаваемый образ Древней Руси.

Но после прихода к власти большевиков Россия, которую знал и изображал Билибин, осталась в прошлом. Некоторое время художник работал в Крыму, однако с каждым днем все сильнее осознавал неизбежность для себя эмиграции. В марте 1920 года вместе с отступающей Белой армией он покинул Новороссийск на пароходе «Саратов».

В новой жизни художника-эмигранта будут Египет, Франция, Аргентина, Сирия, Палестина... Изначально Билибин рассчитывал добраться до Кипра, но из-за эпидемии тифа судно направили к берегам Египта.

Билибин попал в мир, который был совершенно не похож на Россию, но при этом оказался удивительно близок его художественному мироощущению. Старый Каир, арабская архитектура,

коптские памятники, орнаменты, яркая жизнь улиц – все это было созвучно его пониманию прекрасного. Восточные мотивы и новые яркие впечатления обогатили художественный опыт мастера и добавили еще больше красок в создаваемые им живописные миры.

А впереди был Париж – город, ставший в те годы одним из главных центров русской эмиграции. Русский мир Парижа с его театрами, художественными объединениями и салонами, издательствами и газетами, захватил и покорила художника. Он вновь оказался в привычной профессиональной среде и сразу погрузился в работу, создавая для ряда издательств иллюстрации, обложки, открытки, афиши.

Но главный успех был связан с театром. В конце 1920-х – начале 1930-х годов великолепные эскизы декораций и костюмов Билибина для русских оперных постановок в Париже принесли художнику всемирную славу. В его работах вновь оживали миры, которые он создавал еще в дореволюционной России: древняя Русь, народный костюм, церковное искусство, былины, сказки, лубок, фантастические царства.

«Сказка о царе Салтане» (1929) и «Царская невеста» (1930) Николая Римского-Корсакова, «Князь Игорь» (1930) Александра Бородина, «Борис Годунов» (1931) Модеста Мусоргского – яркие эскизы декораций и костюмов, созданные мастером для этих знаменитых русских опер, вошли в мировую историю театрального искусства.

Иван Билибин. «Птица Алконост». 1905

В 1931 году Билибин создал серию эскизов к балету Игоря Стравинского «Жар-птица» в постановке Михаила Фокина в театре «Колон» в Буэнос-Айресе.

Искусство Билибина приобрело мировую славу, но оставалось при этом глубоко русским. Мастер словно пытался реконструировать потерянную Россию, ее культурную

Иван Билибин. Иллюстрация к опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». 1929

память. В этом отношении его эмигрантское творчество оказалось продолжением того художественного поиска, который был начат им в России еще в конце XIX века и который привел к созданию уникального «билибинского стиля», основанного на обращении к традициям народного искусства.

Еще в 1904 году в статье «Народное творчество русского Севера» художник призывал к спасению исчезающего традиционного крестьянского искусства и сохранению памятников древнерусского деревянного зодчества: «Несомненно, что русское народное творчество умирает, почти умерло. Струя новой жизни сметает его, и только кое-где, в глуши, тлеют его последние, гаснущие искры. Не надо плакать об этом. Так и должно быть: это прошло детство, а оно не вечно. Но если детство было хорошее, если есть, что сохранить от него, то это и надо сделать, чтобы все интересные черты выросшего ребенка всесторонне развились в молодом взрослом. <...> И нам, ревнителям искусства, остается только собрать бережно то, что осталось от прежнего народного творчества, и доказать, что эти скинутые сарафаны и брошенные рукоделье ни в чем не виноваты, что не от них жилось так плохо, что народное творчество – душа народа и его сила и гордость, что оно не раз спасало и объединяло народ, когда, казалось, он был в предсмертной агонии, что оно не есть орудие консерватизма, застоя и регресса и что будет время, когда народ, не всей бессознательной

массой, а в лице отдельных сознательных, свободных и культурных лиц вернется и скажет: «Верните нам наши песни, верните нам наши узоры!»»

Египет дал Билибину краски Востока. Париж – европейскую сцену. Путешествия по Сирии и Палестине летом 1924 года добавили новые архитектурные и пейзажные впечатления. Однако он не стал художником Парижа в том смысле, в каком некоторые его современники полностью вошли в европейскую художественную среду. Не стал он и восточным

художником после нескольких лет жизни в Египте, хотя местная экзотика бесконечно восхищала его. Он не растворился в этих культурах и остался верен своему уникальному графическому стилю, выросшему из модного на рубеже XIX–XX веков модерна и русского народного творчества.

Он остался Билибиным!

К середине 1930-х годов художник, сумевший построить за границей успешную карьеру, начал задумываться о возвращении. Что стало тому причиной? Однозначного ответа нет, но ясно одно:

прожив шестнадцать лет вне России, он все это время носил ее в своем сердце...

В 1936 году Билибин вернулся на родину и вскоре получил должность профессора графической мастерской Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры. Но привычный мир рухнул в одночасье – началась война...

7 февраля 1942 года Иван Яковлевич Билибин скончался в блокадном Ленинграде от голода. Его похоронили в братской могиле профессоров Академии художеств.

Иван Билибин. «Русская деревня». 1930

РУССКИЙ СЛЕД В КАМАРГЕ

Иван Прянишников принадлежал к поколению русских людей, для которых движение между странами было не эмиграцией, а формой интеллектуальной свободы

АНАСТАСИЯ ЛУЦЕНКО

Иван Прянишников

На одной из улиц Сент-Мари-де-ла-Мер, среди ветра, соли и ослепительного солнца Камарга, установлена почти незаметная памятная табличка. Туристы проходят мимо, не обращая на нее внимания. Между тем именно она хранит память о русском художнике Иване Прянишникове, чья судьба кажется сегодня почти невероятной.

Иван Петрович Прянишников родился 21 апреля (3 мая) 1841 года в Курске, но большую часть жизни провел за пределами Российской империи. Художник, путешественник, иллюстратор, корреспондент,

человек нескольких культур и языков, он принадлежал к той редкой категории русских интеллектуалов XIX века, для которых Европа была не чужеземным, а естественным культурным пространством.

Его биография напоминает роман эпохи позднего XIX века. Он учился живописи в Риме, путешествовал по Северной Америке, сотрудничал с европейскими изданиями и работал как художник-репортер. В разные периоды жизни он был связан и с российской художественной средой, и с французской культурной жизнью.

Источники называют его также официальным художником армии Александра III – еще одна деталь, подчеркивающая масштаб его биографии. Но, возможно, важнее другое: Прянишников принадлежал к поколению русских людей, для которых движение между странами было не эмиграцией, а формой интеллектуальной свободы.

Он жил в мире без жестких культурных границ. В XXI веке это ощущается особенно остро. И все же главным парадоксом его судьбы остается Камарг.

Что могло привести русского художника, видевшего Петербург, Рим, Париж и Америку, в этот странный край болот, соли и ветра?

Сент-Мари-де-ла-Мер, небольшой городок на юге Франции, и сегодня кажется почти изолированным от остального мира. А в конце XIX века Камарг был еще более диким и труднодоступным. Соляные поля, лагуны, стада быков, фламинго, песок и бесконечный горизонт... Однако именно здесь Прянишников неожиданно нашел себя и провел последние 15 лет своей жизни.

Дом, где жил Прянишников, находится недалеко от церкви Нотр-Дам-де-ла-Мер среди выцветших ставней, белых фасадов и морского ветра. Даже сегодня эта часть города сохраняет ощущение удаленности от большого мира, словно Камарг по-прежнему существует по собственным законам времени.

Прянишников быстро вошел в культурную жизнь региона, общался с *gardians* – камаргскими

Пейзаж Камарга

пастухами-всадниками, дружил с провансальскими интеллектуалами и был связан с кругом Фредерика Мистрала, великого поэта Прованса и будущего лауреата Нобелевской премии.

Кроме того, русский художник переводил Тургенева на провансальский язык, что сегодня кажется почти невероятным.

Почему же его выбор пал на Камарг?

Это место всегда отличалось от остальной части Франции. Камарг – территория ветра и свободы. Мир, где человек долго был вынужден подстраиваться под природу, а не наоборот.

Даже сегодня здесь возникает ощущение, будто время движется иначе.

Вероятно, именно это и привлекло Прянишников. После больших городов, путешествий и бурной европейской жизни Камарг мог казаться пространством внутренней свободы – местом, где человек остается наедине с природой.

Неслучайно многие художники и писатели конца XIX века искали именно такие окраины Европы – места тишины, еще не полностью подчиненные человеку. Прянишников оказался одним из них.

Его судьба напоминает: русская культурная история никогда

не ограничивалась Москвой или Петербургом. Она продолжалась в Париже, Риме, Ницце, Харбине, маленьких городах Средиземноморья, иногда в совершенно неожиданных местах.

Сент-Мари-де-ла-Мер не входит в привычную географию русской эмиграции. И тем интереснее присутствие там русского художника XIX века, который не просто оказался во Франции, а стал частью местного мира.

Сегодня, когда разговор о России за границей почти неизбежно сводится к политике, фигура Прянишникова напоминает о другой традиции: о возможности диалога между культурами и странами.

ОПТИКА РАВНОГО ДОСТОИНСТВА

Ценность человека определяется исключительно результатами его созидательного труда, его талантом и красотой его мысли

ГЕОРГИЙ ОСТРОВСКИЙ

Истоки Международного творческого объединения поддержки творческих людей с ограниченными возможностями «Свет» (First Creative Association Light) закладывались в 1980-х годах на Крайнем Севере, в изолированном таежном поселке Маракан.

В условиях суровых зим и жесткого дефицита визуальной информации ключевым фактором развития для будущей основательницы проекта Ольги де Лакруа стало чтение. В семейных архивах до сих пор хранится свидетельство этой ранней исследовательской привычки – грамота «Самому читающему жителю поселка». Именно тогда сформировалось глубокое убеждение: книга ценна, когда она наполнена визуальными образами.

В тот же период в руки девочки попал журнал «Юность» с черно-белой графикой Людмилы Киселевой «Куда уходит детство»: лаконичный силуэт ребенка у кромки воды на фоне солнца. Этот вырезанный журнальный лист прошел с Ольгой де Лакруа сквозь десятилетия, став в 2019 году визуальным фундаментом издательского направления объединения «Свет».

Сама Людмила Киселева, родившаяся с тяжелой формой мышечной атрофии, наперекор судьбе состоялась как большой художник, журналист и писатель, была членом трех творческих Союзов и кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Будучи прикованной к постели, она стала

инициатором восстановления в Боровске старинного храма в честь Воздвижения животворящего Креста и создала частный детский дом для сирот-отказников. Именно она благословила Ольгу де Лакруа на служение искусству.

Проект «Свет» родился органически, отвечая на реальные запросы жизни. Практическим стартом послужила автобиографическая книга писательницы Тамары Черемновой «Трава, пробившая асфальт». Тамара, проживающая из-за тяжелой формы ДЦП несколько десятилетий в закрытых интернатах, сумела заявить о себе как о профессиональном авторе и впоследствии вошла в международный список *BBC 100 Women*. Столкнувшись с тем, что авторские права Тамары были грубо нарушены, Ольга де Лакруа не смогла остаться в стороне и выступила в защиту писателя, инициировав издание сборника ее сказок, чтобы вернуть автору творческую субъектность. Региональный теле сюжет об этой инициативе вызвал лавинообразный отклик по всей стране, и в адрес организаторов начали поступать рукописи со всех регионов. Оказалось, что запертый в четырех стенах интеллектуальный потенциал – это не частный случай, а колоссальный скрытый пласт культуры. Помощь одному человеку переросла в масштабную международную гражданскую инициативу, развивающуюся на волонтерских началах. Издаваемые книги проекта являются некоммерческими

и безвозмездно передаются в дар библиотечным фондам.

Как уже подробно рассказывалось на страницах «Русской мысли» (май – июнь 2026 года), благотворительное движение объединило международный десант из 30 профессиональных художников восьми стран, включая Францию, США и Германию. В этот творческий процесс вовлечены мастера мирового уровня, среди которых член Международной организации художников ЮНЕСКО Юлия Гукова, эксперт-искусствовед парижского Лувра Елена Кузнецова и единственный в России обладатель Золотой медали имени Х. К. Андерсена Игорь Олейников.

Каждое издание превратилось в арт-событие, успешно синтезировав в себе три важнейшие функции: художественно-эстетическую, социальную и просветительскую. За время своего развития проект был отмечен 12 престижными международными и профессиональными наградами, включая дипломы Ассоциации книгоиздателей (АСКИ) и международного конкурса «Образ книги». Издания вошли в фонды Российской государственной детской библиотеки и Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, а публичные презентации состоялись на Красной площади и в Мариинском дворце. Аудиоверсии текстов озвучили титаны кинематографа – кавалер ордена Британской империи Василий Ливанов, Инна

Чурикова и оscarоносный Владимир Меньшов.

Внутренний перфекционизм организаторов проекта «Свет» изначально исключал создание книг из чувства жалости или снисхождения. Раз произведения выходят к людям, они обязаны быть высокого качества. И каждая иллюстрация становится самостоятельным произведением искусства. Перед художественным текстом обязательно размещается адаптированная для детского восприятия биография автора. Этот шаг выполняет прямую просветительскую функцию, давая ребенку объективную информацию об окружающем мире. Ведь большинство барьеров и зажимов перед инклюзией у взрослых людей формируется в детстве из-за дефицита корректных знаний о том, как взаимодействовать с человеком с особенностями здоровья. В результате общество часто отталкивает таких людей. Проект «Свет» полностью уходит от медицинской терминологии, предлагая форму игры, сотворчества и совместного чтения.

На первом титульном листе маленький читатель видит прежде всего профессиональный и социальный статус человека. В книгах предстают авторы, которые состоялись как практикующие психологи, хранители книг, профессиональные фотомодели, ученые-философы, композиторы, инженеры-конструкторы и многократные победители телевизионных интеллектуальных программ. Книга транслирует ребенку базовый тезис: «Мы все разные, но мы такие же, как ты. Просто кому-то нужны сильные очки, кому-то коляска, а кому-то рука помощи на переходе. Взрослые часто заблуждаются, думая, что люди с инвалидностью не способны вести самостоятельную и полноценную жизнь. Каждый имеет индивидуальные таланты и потенциал». Такой подход ломает

Оригинальная графика художника Людмилы Киселевой «Куда уходит детство», ставшая визуальной основой Международного творческого объединения «Свет»

Книжная серия проекта «Свет»: уникальные инклюзивные сборники, где на первых титульных листах представлены профессиональные и творческие биографии авторов, меняющие общественное восприятие

практику ложной жалости, формируя у нового поколения естественное восприятие человеческого разнообразия.

Автору, находящемуся в вынужденной изоляции, часто психологически трудно выйти к огромной аудитории с сольной книгой. Формат коллективного сборника выступает для новых талантов защитой, надежным плечом соратников и сильной стартовой платформой. Благодарная реакция аудитории показала, что проект выявил авторов такого масштаба, чье творчество уже переросло рамки коллективных изданий. Тексты этих ребят открывают обществу особую, свободную от привычных стереотипов оптику. Люди с инвалидностью видят мир тоньше, глубже и чище, и через свои сказки они готовы делиться этим уникальным зрением с человечеством.

Ярчайшим примером такого превосходства является судьба Владимира Бухтиярова. Потеряв зрение в юности, Бухтияров проявил феноменальную силу интеллекта: стал

мастером спорта по шахматам и постоянным участником телевизионного шоу «Своя игра», побеждая зрячих гроссмейстеров. Член Союза писателей России, исследователь и поэт, автор серии фундаментальных книг, он долгие годы был главным редактором всероссийского журнала «Наша жизнь». Его деятельность – пример высокого профессионального служения.

Рядом раскрывается путь Александра Кононова. Он говорит, что извлекает из недуга пользу для непрерывного укрепления разума и духа. Живя с диагнозом ДЦП, Кононов с отличием окончил Историко-архивный институт РГГУ по специальности «Историк-архивист», защитил диссертацию и стал автором научного сборника «Инвалид и Россия. Культурологический срез» и лауреатом авторитетного литературного конкурса им. А. Твардовского.

Свое уникальное звучание вносит и Мария Бубнова. Полностью потеряв слух в полтора года, Бубнова

освоила речь по сложнейшей системе Эмилии Леонгард, окончила университет по специальности «историк» и воспитала пятерых детей. Она является признанным публицистом, автором книг по реабилитации слабослышащих и глухих людей и финалистом Всероссийского книжного конкурса «Малая Родина» в номинации «Школьный вальс».

Судьба Сергея Карпеева из Казани раскрывает еще одну грань преодоления – силу сокрушительной самоиронии. Член Союза писателей России, автор детской поэтической книги «Солнышко укладывалось спать», Карпеев прошел через специализированный интернат и работал уникальный ироничный литературный стиль. В своих текстах он мужественно и с юмором называет недуг «нехорошей тетенькой по имени Болезнь», полностью снимая страх перед темой инклюзии у детской аудитории.

Преемственность поколений и будущее проекта олицетворяет

история юной Анны Плесовских. Публикуясь в толстых литературных журналах, она стала лауреатом Международной независимой премии «Глаголица» в номинации «Эссеистика» и обладателем специального приза Российской государственной детской библиотеки. На региональном конкурсе «Молодежная элита» Анна удостоилась звания «Ученик года». Анна многократный победитель и призер престижных академических олимпиад по филологии, литературе и журналистике, проводимых ведущими университетами России. Она окончила школу с отличием, получив государственные медали высшей категории за успехи в учебе.

В этот же просветительский ряд встают новые имена вселенной «Свет». Среди них: профессиональная фотомодель Мария Фаткина, ломающая стереотипы глянцевого индустрии; Любовь Малофеева, университетский исследователь с красным дипломом и заслуженный работник культуры, много лет посвятившая сохранению книжных фондов; Наташа Беляева, аспирант-философ, исследующая культуру и антропологию в пространстве чистого листа, и многие другие.

Каждая из этих человеческих судеб доказывает эффективность модели проекта «Свет», который переводит человека из статуса объекта опеки в статус активного создателя непреходящих культурных ценностей.

На данном этапе опыт Международного объединения «Свет» открывает новые перспективы для интеграции в европейское культурное пространство. Синтез международной графики, звуковой синестезии и инклюзивного книгоиздания преследует одну глобальную цель: создание здоровой общественной среды, где ценность человека определяется исключительно результатами его созидательного труда, его талантом и красотой мысли.

Иллюстрация Владимира Распутина к сказке Александра Кононова «Путешествие розового лепестка»

«НАШ ДОМ НА ЧУЖБИНЕ СЛУЧАЙНОЙ...»

Русские кладбища за границей

ЮРИЙ РЯБИНИН

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Сент-Женевьев-де-Буа, построенная по проекту архитектора Альберта Бенуа в 1939 году

В первые годы после революции из России выехало за границу до трех миллионов наших соотечественников. Это был самый масштабный за всю мировую историю исход граждан за такой короткий период. Впоследствии этот исход стали именовать эмиграцией первой волны. И не было практически такого уголка в мире, куда бы судьба

ни закинула русских. Эмигрантов из России можно было встретить в Африке – преимущественно в Тунисе, но также и в некоторых других странах; в Америке – в основном в США и Аргентине; в Австралии. Много русских осело в Китае – более всего в Харбине и Шанхае. Но, конечно, основная масса эмигрантов оказалась в европейских странах, что прежде всего объясняется многолетним тяготением русского общества к Европе, а также близостью этой части света к России.

С начала 1920-х годов в Европе сложилось несколько центров русской эмиграции: в Париже, Берлине, Праге, Белграде, Варшаве, Софии, в других местах. Естественным образом, вскоре в местах расселения более или менее крупных общин стали появляться и русские кладбища.

Наши эмигранты почти никогда не хоронили своих умерших на иноверческих кладбищах. За редким, впрочем, исключением: прежде всего, в случае, когда покойный не был православным, как, например, Михаил Осоргин или Вячеслав Иванов; или если русский человек оказывался где-то в одиночестве среди иноверцев, как Александр Алехин, Владимир Набоков или Иван Солоневич, и поблизости не было православного кладбища. В основном же умершие наши соотечественники находили упокоение именно на русских кладбищах. Таковых в первой трети XX века по всему миру появилось немало. Вспомним лишь некоторые, наиболее известные. Разумеется, самое знаменитое русское кладбище за границей – Сент-Женевьев-де-Буа вблизи Парижа. Также важное значение для русской памяти имеют кладбища Кокад в Ницце, Тегель в Берлине, Нероберг в Висбадене, Ольшанское в Праге, Ильинское в Хельсинки, Ново-Дивеевское в Нью-Джерси и Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США) и др.

Sainte-Genevieve-des-Bois. Кладбище в лесу святой Женевьевы

В первые годы эмиграции у русских парижан отдельного православного кладбища не было, их хоронили вместе с французами на латинских кладбищах. А православное Сент-Женевьевское появилось благодаря счастливому случаю.

Дороти Педжет, дочка одного американского миллионера, приехала в Париж обучаться благородным манерам, потому что на родине, кроме попоек, перестрелок и брани неотесанных ковбоев, она ничего не видела. В Париже эта мисс поступила в русский пансион, который держали сестры Струве. Они вскоре сделали из простоватой американки настоящую леди, так что той не стыдно и в губернском дворянском собрании было бы показаться. Не зная, как отблагодарить русских наставниц, благовоспитанная отныне Дороти заявила, что любую их волю она исполнит, как свою. Тогда сестры, заверив подопечную в том, что сами они ни в чем не нуждаются, обратили внимание мисс Педжет на незavidную участь своих престарелых соотечественников-эмигрантов. Если уж она так желает воздать за науку, которую ей преподали русские люди, пусть сделает что-нибудь для обездоленных стариков из России. Так подсказали ей поступить сестры Струве.

Деловая американка немедленно купила вблизи Парижа, в местечке Сент-Женевьев-де-Буа, старинную усадьбу – просторный трехэтажный дом с флигелями, службами и большим парком вокруг. Причем великодушная Дороти не просто купила эту усадьбу, передала русским старикам и забыла о них тут же, а стала опекать учрежденную ею богадельню: обустроила ее и следила, чтобы великовозрастные обитатели ни в чем

Русский дом, открытый в 1927 году в загородной усадьбе Коссонри, купленной на средства мисс Дороти Пэджет

не знали недостатка. По воспоминаниям очевидцев, мисс Педжет искренне любила своих пансионеров, навещала их, заботилась, в праздники старалась угостить, побаловать – посылала им гусей, индеек.

Эта богадельня стала называться Русским домом. Вскоре и главное здание, и флигеля, а затем и благоустроенные служебные помещения были полностью заселены. Впоследствии для пансионеров стали даже нанимать квартиры у местных жителей. Такие изумительные условия были созданы благодарной американкой! И все равно всех желающих перебраться в Сент-Женевьев-де-Буа Русский дом принять не мог.

Понятно, что через недолгое время богадельне потребовалось и свое кладбище: увы, у пансионеров был только один путь из заведения – на погост.

Первые могилы вблизи Русского дома появились в 1927 году. Вначале лишь немногие находили там место последнего упокоения – в основном это были именно пансионеры-женевьевцы. А русских парижан все продолжали хоронить на городских латинских кладбищах.

Накануне Второй мировой войны на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа было всего несколько десятков могил. В наше время русских могил там – свыше пяти тысяч, в которых покоятся порядка пятнадцати тысяч наших соотечественников. Немало на кладбище также могил и французских – на отдельных латинских участках. Причем – любопытно! – участки на Сент-Женевьев не пронумерованы, а носят названия цветов – Anthémis (Ромашка), Epine-vinette (Барбарис), Laurier (Лавр), Lilas (Сирень), Lotus (Лотос), Muguet (Ландыш), Datura (Дурман) и др.

В последние годы на Сент-Женевьев хоронят не так уж часто: приблизительно, как на московском Новодевичьем: самых знаменитых, самых избранных, вроде архиепископа Георгия (Вагнера) или В. Е. Максимова. Наибольшее же число похорон там было в период 1940–1970 годов.

Наступившую в 1940-е популярность Сент-Женевьев-де-Буа митрополит Евлогий (Георгиевский, 1868–1946) объяснял так: «Часто русские предпочитают хоронить

своих близких в S-te Genevieve, а не на парижских кладбищах потому, что здесь постоянно творится православная молитва и как-то приятнее лежать среди своих соотечественников».

По проекту Альберта Александровича Бенуа (1888–1960) на кладбище была построена Успенская церковь. Митрополит Евлогий вспоминал: «Самое дело построения храма, план и его осуществление, было поручено художнику-архитектору Альберту Бенуа. <...> Бенуа замечательный не только как художник, но и как нравственная личность: скромный до застенчивости, бескорыстный, самоотверженный труженик, он совершенно безвозмездно отдает Святой Церкви свой огромный труд. Храм в Сент-Женевьев-де-Буа он спроектировал в новгородском стиле XV и начала XVI веков. Это было очень красиво и идейно связывало нас с Матерью Родиной – святой Русью. <...> Роспись храма взял на себя тоже А. А. Бенуа. Он начал работу в марте 1939 года и безвозмездно трудился над этим делом со своею женою. Бедная женщина едва не погибла,

поскользнувшись на неустойчивой лестнице...»

Освящен храм был в октябре 1939-го. Добавим, что и сам архитектор, и митрополит Евлогий похоронены вместе – в крипте женевьевской Успенской церкви.

В Сент-Женевьев собралась вся Россия, люди всех сословий и званий – от крестьян до членов царской семьи, от нижних чинов до генералов. Здесь можно найти могилы депутатов Государственной думы, выпускников Пажеского корпуса и Смольного института благородных девиц, офицеров полков лейб-гвардии, галлиполийцев, корниловцев, дроздовцев, казаков, моряков, писателей, музыкантов, артистов, власовцев, энтеэсовцев, эмигрантов-диссидентов позднего советского периода.

Автору недавно случилось побывать на Сент-Женевьев-де-Буа. Обычно русские посетители идут прежде всего к Бунину. Без преувеличения можно утверждать, что это самая знаменитая и посещаемая могила кладбища. Похоронен Бунин на участке Églantine (Шиповник) в крайнем северном ряду. Под соснами. Найти могилу совсем просто: достаточно, войдя в ограду, сделать всего два поворота – налево и в первую же аллею направо.

Его цвета балтийского песка «травуров» крест виден издали, стоит только визитеру свернуть в аллею. Возле Бунина редко когда никого нет. И теперь там стояли двое соотечественников с цветами – семейная пара, очевидно. Они положили цветы на плиту и скоро ушли.

И вот автор остался один у знаменитого креста. Поверхность его шероховата. Этак дотронешься, и ладонь запоминает необычную, не похожую на прочие камни, структуру. Сколько же рук этого креста касалось, начиная с самой вдовы Веры Николаевны, так же здесь лежащей, и Кузнецовой,

наверное, и Алданова, и Зайцева, и Солженицына, Максимова, знаменитых, безвестных... Невероятно! – Он там лежит! – Возможно, и не истлевший в своем цинковом гробу. В трех аршинах от многолетнего страстного почитателя, дошедшего, наконец, до могилы своего дивного гения, покоится рука, написавшая «Легкое дыхание», и «Далекое», и «Русю», и «Чистый понедельник», и многое прочее любимое, упоительное! Как это все непостижимо, необъятно...

Бунин умер в своей парижской квартире на улице Жака Оффенбаха в районе Пасси. В последние два года он был уже совсем немощным и вообще не выходил из дома. Хотя принимал гостей и продолжал работать – писал книгу о Чехове.

О последнем дне Бунина вспоминает его многолетний знакомый и биограф Александр Бахрах. Он пишет: «7-го ноября 1953 года был последним днем в жизни Бунина, и так случилось, что вторую половину дня – почти всю – я провел с ним с глазу на глаз. <...> Когда я пришел, шторы в его комнате были спущены и в ней царил полумрак. От массы лекарственных скляночек и коробочек, нагромодившихся на его ночном столике, как мне почудилось, шел дурманящий больничный запах. Он лежал, полузакрыв глаза, еще более отошавший за ту неделю, что я его не видел, еще более подавленный, еще более измученный. Его красивое лицо, еще совсем недавно напоминавшее лицо римского патриция, сильно заросло щетиной и было пепельного цвета. При моем появлении он приоткрыл веки, поворочался, хотя было заметно, что малейшее движение стоит ему больших усилий, откашлялся и затем сразу же – с раставшей постепенно взволнованностью – стал говорить о бессмысленности смерти, о том, что он не может ни уразуметь, ни принять, как это может случиться, что

вот был человек и вот его больше не стало. Где граница между этими двумя состояниями? Кто ее определяет? Все он мог, по его словам, вообразить, все понять, все почувствовать, даже все оправдать, кроме одного – «несуществования». <...> Я присел около его постели. На его измятой простыне лежал растрепанный томик Толстого, и когда я спросил его, что он теперь читает, он, как мне показалось, чуть приободрился и ответил, что хотел бы еще раз перечитать «Воскресение», но тут же добавил, что читать ему уже трудно, еще труднее сосредоточиться, когда ему читают вслух, и особенно тяжело держать книгу в руках. <...> А на следующее утро, чуть ли не на рассвете, она (Вера Николаевна. – Ю. Р.) позвонила мне по телефону и с рыданиями в голосе сообщила, что «Ивана Алексеевича больше нет». И когда я тотчас же пришел в знакомую, но сразу же опустевшую, точно оголившуюся, комнату, Иван Алексеевич или, точнее, то, что было Иваном Алексеевичем, лежал уже в столовой на кушетке, с головой, закутанной в толстую белую простыню. Недавно в своем завещании он строго-настрого потребовал, чтобы лицо его было сразу же закрыто. «Никто не должен видеть моего смертного безобразия», – писал он, запретив фотографировать его посмертно или снимать с его лица или рук какие-либо маски. Он непременно хотел, чтобы его уложили в цинковый гроб и поставили в склеп. Через несколько дней при огромном стечении народа его хоронили на пригородном русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа».

Бахрах не уточняет, что на Сент-Женевьев Бунина похоронили не «через несколько дней», а спустя почти три месяца. После отпевания покойного в русской Свято-Александровской церкви на улице Дарю цинковый гроб с телом был помещен во временный склеп.

Могила Ивана Бунина и его жены Веры Муромцевой-Буниной на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

И лишь 30 января 1954 года он был предан земле. Почему не сразу? Существует версия, что Вера Николаевна не торопилась хоронить покойного мужа, всерьез рассматривая возможность перевезти его в Россию и уже там упокоить навеки. Лишь отказавшись по какой-то причине от этих планов, она распорядилась с похоронами.

В эмиграции в семье Бунина жил молодой писатель Леонид Зуров. Этот один из талантливейших прозаиков Русского зарубежья, увы, до сих пор не приобрел на родине широкой известности. В 1920-е годы Зуров изучал архитектуру

и археологию в Праге. Это его образование оказалось впоследствии востребованным: в предвоенные годы по поручению парижского Музея человека (*Musée de l'Homme*) Зуров неоднократно выезжал в этнографические экспедиции в Прибалтику. Много работал там в Псково-Печерском монастыре, других местах. И вот там, в эстонском в ту пору Изборске, он нашел знаменитый Труворов крест, якобы стоящий на самой могиле брата легендарного Рюрика – совсем уж мифического Трувора. Зуров из самого Изборска послал Бунину открытку с изображением

этого креста. Древний артефакт произвел на Ивана Алексеевича такое впечатление, что он решительно пожелал иметь такой же формы крест на собственной будущей могиле. И вот, когда подошел срок ставить какое-то надгробие на Сент-Женевьев, его вдова Вера Николаевна заказала мастеру изготовить крест по подобию изборского. Что и было исполнено. Так на бунинской могиле появился этот необычной формы и самый знаменитый на кладбище крест.

Леонид Федорович Зуров (1902–1971) также похоронен на Сент-Женевьев неподалеку от своего учителя и покровителя – на соседнем участке.

А на этом же самом участке Églantine (Шиповник) – чуть восточнее Бунина – могила Надежды Александровны Тэффи (Лохвицкой, 1872–1952).

Популярность Тэффи в эмиграции была необыкновенно велика. Русские парижане каждый день раскрывали «Последние Новости» с надеждой обнаружить новый сатирический рассказ Тэффи, чтобы еще раз посмеяться над самими собой, над своим горьким существованием, при котором только что и остается... смеяться. И Надежда Александровна, как могла, поддерживала соотечественников. Основным жанром Тэффи была миниатюра – изображение небольшого комического происшествия. Причем она использовала довольно редкий художественный прием сочетания смешного и печального – почти каждая ее миниатюра являлась, по сути, трагикомедией, способной и развеселить читателя, и заставить над чем-то задуматься, что-то осмыслить. Марк Алданов афористично охарактеризовал авторскую манеру Тэффи как «благодушно-недоброжелательную».

Среди множества эмигрантских книг Тэффи особо следует выделить

«Городок» (1927) и «Воспоминания» (1931). Первая из них – это сборник миниатюр о Париже глазами русского эмигранта. «Воспоминания» же вообще уникальная книга, стоящая особняком в ряду сочинений подобного жанра. Надежда Александровна рассказывает о своих «окаянных днях»... с присущим ей юмором! Разумеется, это смех сквозь слезы. Но это и есть неповторимый авторский стиль Тэффи.

Нужно заметить, литературный юмор вообще редко переживает свое время. То, от чего читающая публика буквально покатывалась со смеху несколько лет назад, сегодня, кроме недоумения, чаще всего не вызовет никаких чувств. По правде сказать, и значительная часть творчества Тэффи не выдержала испытания временем. Или, во всяком случае, ее произведения приобрели новые акценты – не те, что закладывались изначально автором.

В последние годы сочинения Тэффи несколько раз издавались на родине, без особого, впрочем, ажиотажа вокруг этих «книжных новинок», а скорее как дань популярному прежде имени. Но как памятник эпохи ее сочинения, конечно же, имеют известную ценность. Во всяком случае, по Тэффи можно изучать умонастроение русской эмиграции 1920–1930 годов – ее заботы, нужды, чаяния. Поэтому именно эмигрантский раздел творчества Тэффи на сегодняшний день и представляет наибольший интерес: он открывает такие стороны жизни русского зарубежья, каких не найти в самых скрупулезных исторических монографиях.

На аллее, разделяющей русские и французские участки, автору случайно попало надгробие в виде часовенки с синим куполком на вершине и довольно большой, углубленной в камень, иконой Троицы. Над иконой по кругу надпись вязью: ДА ПРИДЕТЪ ЦРТВИЕ ТВОЕ. А на поленной поверх могилы плите:

Могила Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус

Дмитрій Сергѣевичъ
МЕРЕЖКОВСКИЙ
Dmitry Merejkovsky
2 VIII / 14 VIII 1865-24 XI /
7 XII 1941

В этой же самой могиле похоронена и Зинаида Николаевна Гиппиус. Но... этот факт никак не отмечен на надгробии. Будто ее и нет здесь вовсе. Вначале путешественник так и думает: ну, наверное, она где-то рядом – по соседству. Но нет...

Разобраться с незадачей автору помог счастливый случай. Спустя недолгое время повстречались трое

русских (а вообще на кладбище в погожий майский день практически никого!) и попросили проводить их к Мережковскому, сами-де не нашли. И вот только тогда один из этих соотечественников – молодой и глазастый – рассмотрел на небольшой, размером с книгу, плите, прислоненной к надгробию, едва различимую, а скорее угадываемую надпись: Зинаида Николаевна ГИППИУСЪ-МЕРЕЖКОВСКАЯ. А уж даты рождения и смерти вообще не разобрать...

Продолжение следует

ЛЕТНИЕ ПАМЯТИ СВЯТЫХ

Православная Церковь празднует в июле и августе память трех замечательных святых

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

В одном из своих произведений русский писатель Андрей Платонов (1899–1951) описывает, как в какой-то момент душа осознает, что лето заканчивается. Но вместо грусти сердце вдруг наполняется радостью и желанием жить дальше, ибо следующее лето тоже непременно наступит. Православная Церковь празднует в июле и августе память трех замечательных святых. Первый из них в календарном порядке празднования – святой Митрополит Фотий.

СВЯТОЙ МИТРОПОЛИТ ФОТИЙ

15 июля Церковь празднует память святителя Фотия Киевского (+1431). День его памяти по старому стилю легко запомнить, поскольку он приходится ровно на середину лета. Святой Фотий был последним святым митрополитом Русской Церкви, поставленным из Константинополя.

Хотя он был греком и, по крайней мере в начале своего служения, даже не владел русским языком, его прославление во святых совершалось как бы постепенно, с течением веков. Как это нередко бывало именно с русскими святыми, оно было лишено того апофеоза славы, который часто сопровождал канонизации.

Его служение оказалось необычайно долгим – более двух десятилетий. Будущая столица Русского государства была разорена правителем Золотой Орды Едигеем в 1408 году, почти одновременно

с избранием Фотия на митрополичий престол. Лишь два года спустя, в 1410-м, новый митрополит прибыл в Москву, разрушенную нашествием.

Фотий привел в порядок церковные дела, пришедшие в запустение после разорения и долгого отсутствия в городе митрополита. При нем в 1425 году исполнилось ровно сто лет со времени переноса митрополичьей кафедры из Киева в Москву. Примечательно, что это событие произошло ровно через тысячу лет после Первого Вселенского Собора 325 года в Никее. К слову, в 2025 году Никейскому Собору исполнилось 1700 лет. Скончался Фотий в 1431 году – в тысячелетний юбилей Третьего Вселенского Собора в Эфесе (431 год). Будучи образованным ромеем, как называли себя византийцы, он вполне мог обращать внимание на подобные совпадения.

Незадолго до смерти он удостоился видения Ангела, который не только предсказал ему скорый исход, но и указал время, оставшееся для приготовления к нему. С точки зрения богословия святости это, безусловно, является особой привилегией праведников.

Не вполне известно, каким виделся Фотий своим современникам. Однако летописи, документы и письма создают впечатление, что он словно сошел с иконы времен Отцов Церкви. Он был монахом по призванию и с юных лет находился в послушании у старца. Избрание главой Русской Церкви он воспринял как послушание и не искал никакого личного

возвышения. Формально оставаясь митрополитом Киевским, поскольку Московской кафедры тогда еще не существовало, он посещал Киев и в 1420 году вновь восстановил пошатнувшееся единство Киевской митрополии. Напомним, что литовские и польские правители уже тогда пытались поставить собственного митрополита Киевского, который был бы независим от Русской Церкви.

После смерти Фотия его престол попытался занять епископ Герасим. Однако он сразу оказался вовлечен во внутренние распри тогдашнего Литовского государства. Попав в плен к местным правителям, он был сожжен в 1435 году. Эта страшная и мученическая смерть нового митрополита подорвала авторитет правителя, который, будучи участником гражданского противостояния, решился на подобное злодеяние в надежде устроить своих противников. Так смерть Герасима оказалась примиряющей по своим последствиям.

Следующий митрополит Исидор подписал Ферраро-Флорентийскую унию 1439 года, был изгнан из Московии и закончил свои дни в Риме в должности декана (то есть старейшины) Коллегии кардиналов. После этого Русская Церковь провозгласила свою самостоятельность. Собор епископов, уже независимо от греков, избрал митрополитом рязанского епископа Иону. Поэтому именно Фотия следует считать последним святителем Русской Церкви в составе Константинопольского Патриархата. Знаменательно и по-библейски прекрасно,

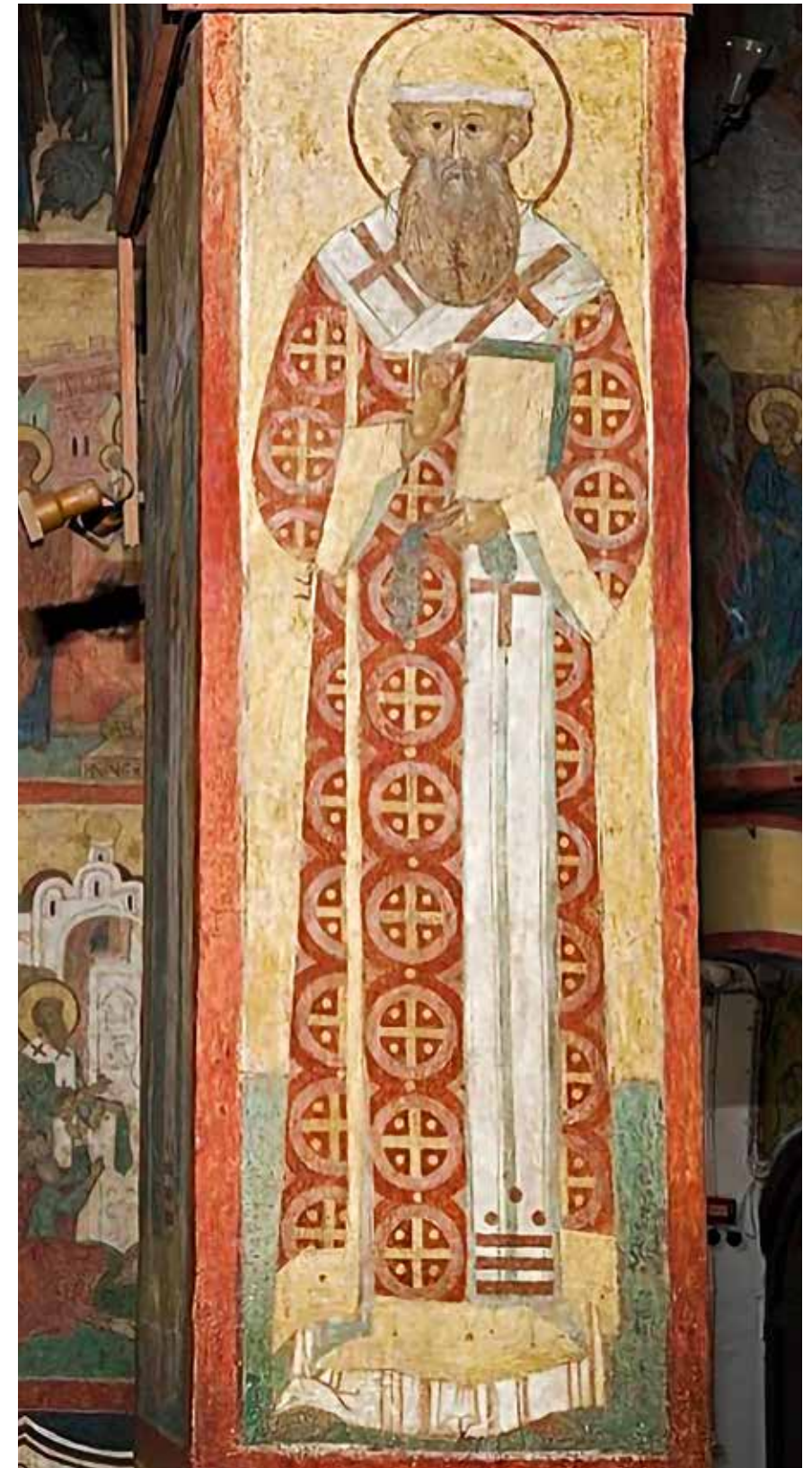
что этот последний иерархический дар Константинополя будущей России оказался столь подлинным в тогдашних апокалиптических обстоятельствах.

Историки до сих пор спорят о том, когда именно состоялась формальная канонизация Фотия. Но, возможно, в этом нет необходимости. Ведь Церковь – это общество паломников, шествующих в Небесный Иерусалим дорогой в целую жизнь. Она знает, что Фотий, «братолюбивый нищий», как называл себя Симеон Новый Богослов (949–1022), пребывает в общении святых и там ходатайствует за своих братьев-паломников, за Церковь и за весь мир.

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

На третий день после дня памяти святителя Фотия Православная Церковь совершает празднование в честь преподобного Сергия Радонежского. Само выражение «на третий день» является одним из важнейших библейских и евангельских выражений. Среди прочего оно указывает как на подлинность смерти Господа Иисуса на Кресте, так и на всепобеждающую силу Божественного вмешательства в ход мировой истории, явленную в Его Воскресении. В этот день 18 (5) июля 1422 года, спустя 30 лет после кончины преподобного Сергия (число тридцать традиционно напоминает о годах земной жизни Христа Спасителя до выхода на общественное служение), были обретены мощи святого. Это произошло по указанию самого Сергия, полученному в особом видении.

Всю свою жизнь Сергей прожил в смирении. Это не фигура речи, а подлинная черта его личности. Со временем, по мере того как имя Сергия приобретало известность среди современников, святой

Святой митрополит Фотий. Фреска 1644 года в Церкви Ризположения Московского Кремля

Житийная икона преподобного Сергия Радонежского. Конец XIX века

все более стремился к молчанию и уединению.

В православной традиции литургия призвана быть явлением славы. Великолепие православного богослужения выражается в сочетании величественных песнопений, богатых литургических текстов, пышных облачений, жестов, крестных ходов, благословений и, что удивительно, почти полного отсутствия тишины.

Но есть и другой, почти неизвестный образ православного богослужения. Некоторые предметы, принадлежавшие святому, хранятся в Сергиевом Посаде, в музее Московской духовной академии Троице-Сергиевой лавры. Это

потир, дискос и богослужебные облачения. Те, кому довелось посетить музей и увидеть дошедшие до нас предметы его эпохи и его жизни, могли увидеть и иной облик богослужения.

Это литургия смирения, литургия уединения, литургия бессилия, литургия удаления от мира. Эта смиренная литургия (назовем ее «литургией преподобного Сергия») становится зримой в богослужебных одеждах, почти утопических в своей простоте, и деревянных евхаристических сосудах. Она присутствует в монастыре, задуманном его основателем как место уединения, город ангелов и место невидимости. Вся жизнь Сергия

была поиском этой библейской и глубоко христианской «утопичности». Ведь дословно утопия – это отсутствие места, а значит, присутствие того, чего просто не бывает на свете.

Житие преподобного Сергия говорит нам, что число учеников его долгое время не превышало двенадцати, как будто бы Сергий устроил свой монастырь по образу Тайной Вечери. Икона Святой Троицы, восходящая к традиции преподобного Сергия, имела своим прототипом греческий образ «Гостеприимство Авраама», изображающий Патриарха и Ангелов. И вновь перед нами вечеря.

Житие преподобного Сергия повествует о том, что тогдашний глава Русской Церкви митрополит Алексей (1292–1378) хотел сделать Сергия своим преемником. Сергий отказался. Однажды родной брат Сергия попытался захватить власть в основанном святым монастыре. Сергий просто ушел.

В видении Сергию явились Пресвятая Богородица и сам Иоанн Богослов. Рядом с Сергием был его ученик Михей, о котором никто бы никогда не узнал без этого видения. Словно сам Сергий накануне такого посещения боялся остаться один, но взял с собой не митрополита или опытного подвижника, а смиренного, простого и боязливого инока.

Житие преподобного Сергия написано как похвальное слово. Но и дошедшие до нас подробности часто открывают самые необычные и достоверные вещи. Рассказывают, что перед смертью Сергий не пожелал быть погребенным в церкви, как подобало основателю монастыря. Он просил монахов похоронить его на общем братском кладбище.

«Нарушенные завещания» – так называется произведение нашего современника Милана Кундеры (1929–2023). В нем великий автор описывает просьбы писателей и поэтов, нарушенные после

смерти ради общего блага человечества. Возможно, это и оправданно, но в этом есть глубокая и неповторимая трагика. Человек больше не принадлежит себе после смерти... Заручившись поддержкой митрополита Киприана, преемника святого Алексия, монахи похоронили преподобного Сергия не на кладбище, но в построенной им церкви.

Согласно Евангелию, Христос принял крещение и начал проповедовать в возрасте тридцати лет. Через тридцать лет после своей смерти преподобный Сергий явился в видении и повелел обрести его мощи. Началось прославление подвижника во святых, Сергий вышел на проповедь.

Он явился простому человеку, который искренне любил его, жил неподалеку от монастыря и часто приходил к его могиле помолиться. Неизвестно, знал ли он Сергия при жизни. Возможно, он знал его по рассказам родителей, быть может, он родился по обету, по молитвам Сергия, как библейские герои, преодолевая бесплодие. Мы даже не знаем его имени. Но именно ему явился Сергий и сказал: «Передай игумену, что мне одиноко под землей, кругом вода. Почему вы так надолго меня оставили?»

РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ ВЛАДИМИР

28 июля Церковь чтит память святого князя Владимира, ставшего удивительным воплощением встречи народов и культур. Варяг-викинг по происхождению, а значит сын северных морей и Балтики по своим корням, русский славянин по духу, наследник греческой и римской цивилизаций по образованию, христианин по вере, он вдохновляет нашу историческую память, подобно красному солнцу – символу

просвещения, милосердия и братства людей.

В соответствии с православной традицией почитания святых, крестивших свои народы, он именуется Равноапостольным. Следуя западной практике древней неразделенной Церкви, святого князя уместно называть Апостолом. Таким образом, Святой Владимир – Апостол Киевской Руси, Апостол Восточной Европы и, конечно же, Апостол России.

Примерно через десять лет после начала своего единоличного правления он пришел к решению о принятии христианства. Владимир почитается как святой в Православной и Католической Церквях; празднование его памяти является общехристианским. Была ли его канонизация лишь выражением благодарности Церкви и народа за Крещение Руси в 988 году, или иные его деяния также имели значение и даже были пророческими?

Владимир правил долго – с 978 по 1015 год, тридцать семь лет, из которых двадцать семь – после крещения. Если верить летописям, он родился в 960 году, то есть прожил всего 55 лет. Первую половину своей жизни он провел язычником, а вторую – крещеным православным христианином. Такое разделение времени на две равные части вызывает удивление. Это чудесный знак, своего рода библейская пропорция, ибо только Бог является Владыкой Времени и Творцом Совпадений.

В наши дни торжественное празднование Крещения Руси связано с памятью святого Владимира. Однако до революции 1917 года Крещение Руси праздновалось 14 августа. Этот день совпадает с праздниками Честного Креста Господня и Всемилостивого Спаса. Это два средневековых константинопольских праздника. Они, скорее всего, исчезли бы из церковного календаря, если бы не означали нечто

большее. Благодаря святому князю Владимиру и Крещению Руси эти праздники не только сохранились в Русской Церкви, но и до сих пор сопровождаются освящением воды, водосвятием.

Особое значение в Русской Церкви имеет праздник святого пророка Илии 2 августа. И это тоже косвенное указание на историческую дату крещения. С Праздником Пророка Илии связана молитва о призывании дождя от Бога, иногда погружение в воду. «Нельзя купаться после Ильина дня»: крещение может быть лишь однажды.

Летописи сохранили рассказ о знаменитом выборе веры святым Владимиром. Сообщается, что он отказался принять ислам из-за того, что эта религия запрещала употребление алкоголя. По всей видимости, Владимир опасался ритуализации повседневной жизни и не хотел вводить ограничения в питании для своего народа. Он отверг германское христианство, считая его чуждым, так как его предки его не приняли. Это был пророческий жест, ведь «христианизация» славян немцами часто заканчивалась полной ассимиляцией. Иудаизм, пришедший из соседнего Хазарского каганата, тревожил Владимира, поскольку иудеи были давно изгнаны из Палестины римлянами. Князь увидел в этом опасное предзнаменование. В конце концов Владимир выбрал византийское христианство благодаря великолепию литургии Константинополя. Эта деталь поразительно напоминает нашу постмодернистскую эпоху, где эстетическое измерение религии имеет первостепенное значение. «Красота спасет мир», как пророчески писал Достоевский.

Важно, что в мотивах принятия Владимиром византийского православия не было и следа властолюбия или политических интересов. «Твоя бабка Ольга была мудра, и она уже сделала этот выбор», – говорили

«Великий князь Владимир выбирает веру». Иван Айвазовский. 1822

его советники. «Греческая литургия великолепна, и мы не знали, на земле мы или на небе», – подтверждали посланники. Таковы были аргументы в пользу православного христианства. Это обоснование религиозного выбора не содержит ссылок на какие-либо догматы. Это означает, что решение Владимира не было ни догматическим, ни полемическим. Выбор византийского православия не был «антикатолическим». Константинополь был Градом Света, центром мировой цивилизации, и Владимир выбрал то, что было лучше для его народа. Разделение Церквей, даже чисто формальное, еще не произошло. Поэтому неслучайно, что после крещения Владимир начал

распространять грамотность среди своего народа и возводить здания и храмы. В отличие от многих правителей прошлого, для него христианство было не «волей к власти», но обещанием просвещения и социального служения.

Летописи сообщают, что после крещения Владимир решил прекратить наказание преступников во имя библейских заповедей. Этот жест мог стать созданием прообраза. Первыми русскими святыми были сыновья Владимира Борис и Глеб. После безвременной кончины отца они отказались бороться за власть с братом и были предательски убиты. Их почитание началось вскоре после смерти. Однако они не могли быть канонизированы как

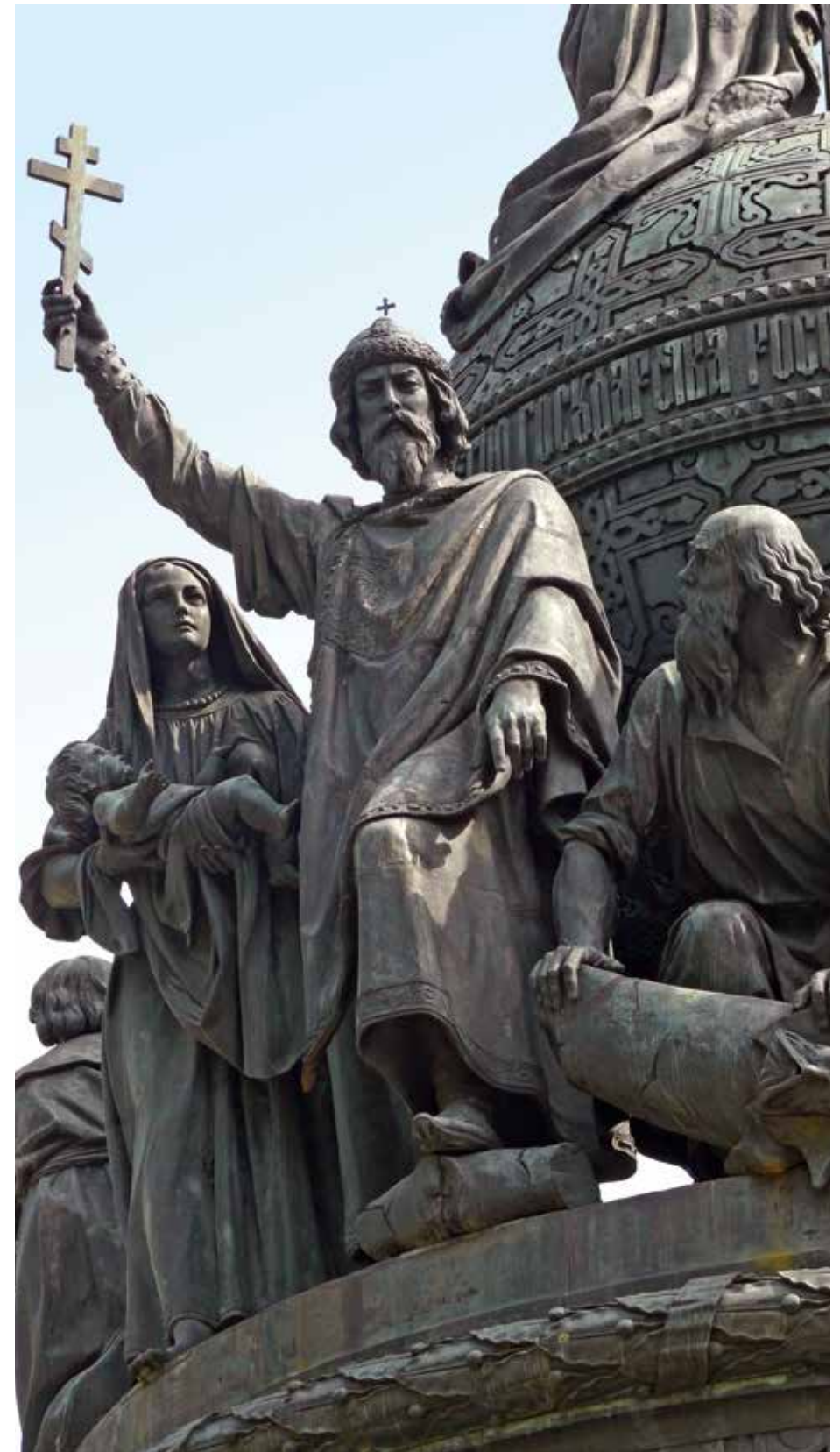
мученики, поскольку не были убиты за христианскую веру. Поэтому Церковь для их прославления фактически создала новую форму святости: святость невинно страдающих, святость страстотерпцев. Так была утверждена одна из ключевых характеристик русской святости, без которой невозможно понять ни русскую историю, ни творчество Достоевского и Толстого.

Более девяти веков спустя примеру Бориса и Глеба последовал последний российский император Николай II, прославленный Церковью именно как страстотерпец. Более того, многие новомученики Русской Церкви пострадали не за веру во Христа, а были убиты без всякой вины, по вымышленным

их убийцами причинам. Правители казнили «предполагаемых преступников», хотя, подобно Владимиру, им следовало бы остановиться. В этом заключается пророческий смысл отказа святого князя наказывать преступников. Это ясное и необычайно сильное предостережение библейского масштаба для всех последующих поколений.

1988 год был переломным для Советского Союза – до падения коммунистического режима оставалось всего три года. Поначалу советское правительство не планировало праздновать тысячелетие Крещения Руси, поскольку официальной государственной идеологией был атеизм, а религия считалась пережитком. Однако это решение внезапно изменилось. Патриарх Русской Церкви Алексий II назвал атеизм «духовным Чернобылем». Церковь получила официальное разрешение на празднование тысячелетия Крещения Руси. Более того, само государство активно участвовало в этих торжествах. Именно тогда многие впервые вспомнили, что благодаря святому Владимиру в православной вере были крещены многие народы.

Празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 году ознаменовало собой подлинное возвращение Православия не только в России, но и во всем мире. Оно превратило его из забытого наследия прошлого в подлинное христианское возрождение, отголоски которого стали всемирными, плодами которого дышит Вселенная. Возвращение к Православию началось. Мы все свидетели этого венца чудес святого равноапостольного князя Владимира.

Владимир Святославич на Памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде

МНОГОГОЛОСИЕ ПАМЯТИ

Родовая память живет, пока хотя бы один потомок хочет ее сохранить

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Память отдельного человека... Сколько лет она охватывает? От силы – несколько десятков.

Март 1958. Деревянный город Красноярск, во дворах которого по утрам орали петухи. Редкие машины на улицах, прохожие одеты в пиджаки и ситцевые платья ниже колен. Другой мир, а ведь я его помню.

...Но помню-то я ведь не только Красноярск 1958 года. «Помню» и Псков конца XIX века. Физически я его никогда не видел, не мог видеть. Но знаю, где играл в детстве дедушка: метрах в 500 выше слияния Псковы и Великой – там располагалась немецкая слобода. На месте этой слободы я стоял несколько раз, в том числе по ночам. Странные, тревожные сны снились после этих прогулок.

Я не видел, но семейная память сохранила: в 1894 году умер от оспы мой прадед Эдуард Шмидт. Семью заперли в доме: заколотили досками двери и окна. Воду и хлеб подавали на длинном шесте. Через две недели карантин кончился: вдова и трое детей не «подцепили» болезни, их выпустили.

Псков 1894 года еще меньше похож на современный мир, чем Красноярск 1958, а ведь я знаю многое и об этом Пскове, которого не существует уже больше 100 лет.

Семейная память дольше личной. Хорошо, если есть архив: фотографии, документы. Удивительное ощущение – держать на ладони запонки прадеда, смотреть на фотографии 130-летней давности: словно бы окна в другой мир.

Да, другой! Рассказывая о прошлом, старшие родственники

порой замирали, замолкали, словно прислушивались к самим себе. Они не то чтобы не доверяли своей памяти... Они удивлялись, что действительно видели то, о чем помнили.

Когда дяде Шуре было 11 лет, а его брату Андрею 9, они нарушили строжайший запрет отца – сидеть дома. Дети не выдержали – побежали «смотреть революцию». Петербург, Петроградская сторона. По Каменноостровскому проспекту валила густая толпа: дамы в шляпках и длинных юбках, мужчины в просторных пиджаках, в шляпах, многие с тростями.

Конные казаки закрывали проспект напротив Александринской гимназии, у дома под номером 20.

– Разойдись! – зычно кричали казаки, приподнимаясь в стременах. В длинной одежде, в высоких шляпках, с блестящими саблями.

Дядя рассказывал: кто-то вернулся из толпы – какой-то маленький, с усиками, лицо потное. Запомнилось же это! Усики, и что потное... Этот «кто-то» двумя руками поднял пистолет, навел на казаков... Пистолет гулко бабахнул. Казаки закричали, поскакали на толпу; один рванул саблю из ножен, сабля сверкала на солнце.

Дальше не знаю: мальчики испугались и убежали. А это ведь они видели, не я. Это семейная память.

Мальчики «смотрели революцию» в марте не 1955-го, а 1917 года. За полвека до моего появления на свет. Но ведь и это я «помню».

Семейную память хранит семья, которая хочет сохраниться. Если старшие хотят передать то, что

видели, – передадут, вовсе не генетически. Если младшие хотят слышать – запомнят.

Это рассуждение справедливо: множество семей память совершенно утрачивают. А хранить ее могут вовсе не кровные родственники.

Моя собственная родовая память не старше 1825 года: в этом году император Александр I Павлович ехал в Таганрог. Проезжал город Ржев, и моя прапрапрабабушка, купчиха, подавала ему хлеб-соль от имени горожан.

Эта клановая память коротка. Память многих семейств уходит намного дальше в глубь времен.

Когда сняли фильм «Тот самый Мюнхгаузен», в Москву приехал прямой потомок «того самого» по мужской линии. Создатели фильма были немного смущены – уж очень черными красками изобразили они супругу «того самого».

– Да мы знаем, она была редкая стерва, – пожал плечами потомок знаменитого Мюнхгаузена.

Об интереснейших страницах жизни Ивана Федоровича Крузенштерна, великого мореплавателя, рассказывал мне его потомок. Насколько мне известно, многие из этих историй на страницы биографий не попали... А иные заслуживают печати. Вообще же, родовая память Крузенштернов уходит в XVI век.

У питерского ботаника и географа Бориса Ганнибала спросили:

– Так вы родственник Пушкина?
– Что вы! – улыбнулся ученый. – Это Пушкины нам родственники.

Вовсе не обязательно хранят память только дворянские роды. В Норвегии есть прекрасный

обычай: при входе на землю, принадлежащую семье, стоит камень. После смерти старшего в семье новый владелец земли выбивает на нем свое имя. Известны камни, на которых выбито больше 20 имен. Первые владели землей в XIV веке. Последние... Пусть новые и новые имена украшают камень, пока не селется Земля. Пока не вспыхнуло красным гигантом Солнце, кремля нашу планету.

Один мой знакомый татарин в Красноярске очень удивился: с виду я вроде нормальный, а помню свою семью всего на семь поколений.

– А ты на сколько?

– Как все... На 11.

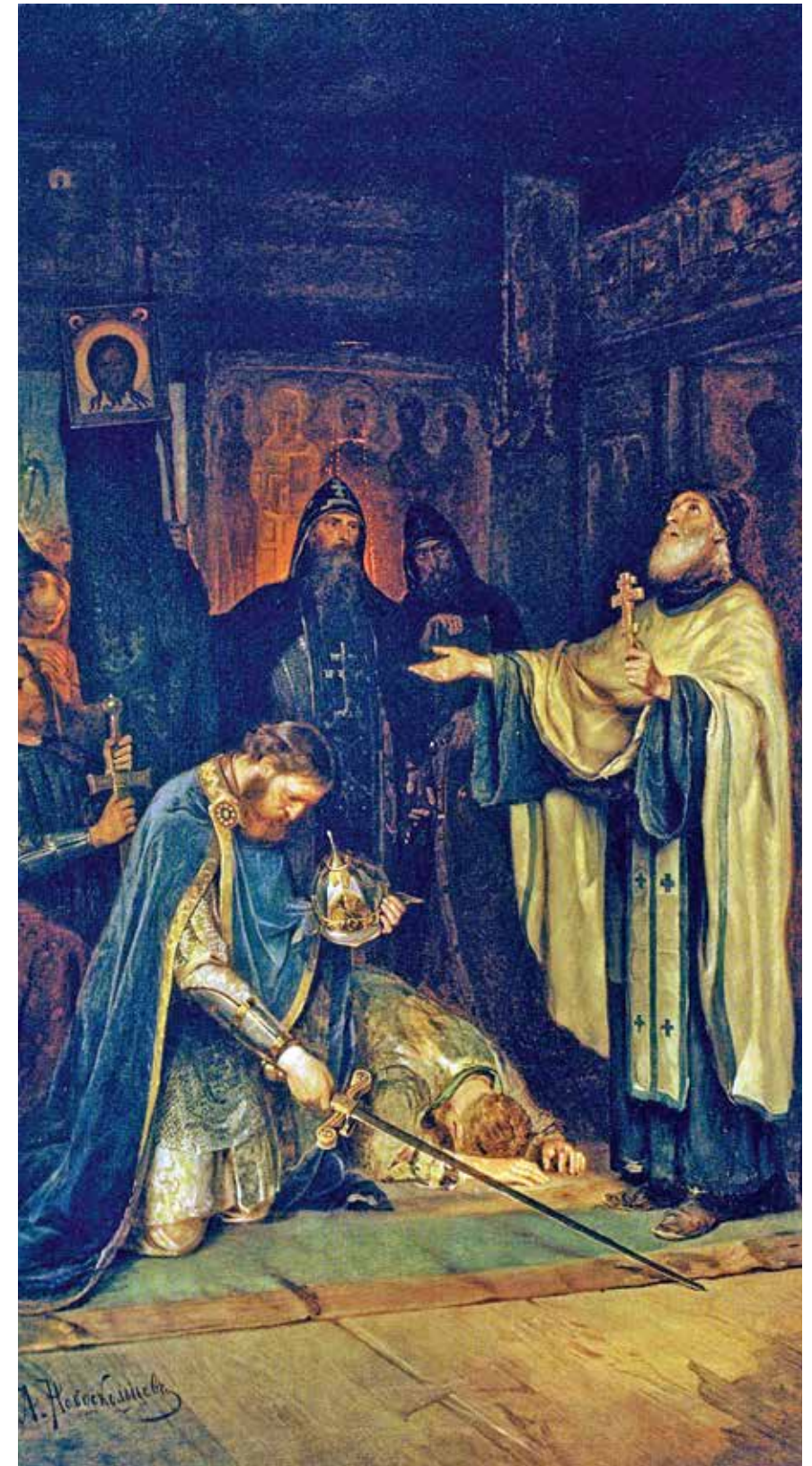
Предки этого человека пахали и сеяли просо, пасли баранов – без богатств, чинов, ученых степеней. А человек мог рассказать, какого цвета глаза были у прапрапрадеда и что готовила прапрапрабабка.

Родовая память живет, пока хотя бы один потомок хочет ее сохранить. Если придет хотя бы одно поколение, которое не захочет помнить родовую историю, – все, конец.

И вообще, хрупка она, устная память – от отца к сыну, от деда к внуку. Может, человек и хранил память предков, память рода; он хотел бы ее передать – но умер, погиб до того, как вошли в надлежащий возраст дети. Не надо никаких войн, катаклизмов, катастроф. Достаточно, чтобы Эдуард Шмидт умер от оспы, когда его старшему сыну было четыре года. Этот старший сын, Вальтер, умер, когда мне, его внуку, было три. Страшно представить, сколько дед и прадед знали того, чего я никогда не узнаю.

Хорошо, что письменность уже изобрели. Чрезвычайно важно хранить как можно больше документов. Личных записей, дипломов, выписок, писем.

Личная устная память частенько обманывает: человек помнит то, чего не было. Или помнит не так,

А.Новоскольцев. «Преподобный Сергей благословляет великого князя Дмитрия Донского на выступление против рати Мамая». 1881

Памятник в честь победы на Куликовом поле по проекту А.П. Брюллова. 1848

как оно было. Устная память рода ошибается еще чаще: работает «испорченный телефон» при передаче несколько раз.

Одному из моих прадедов, Павлу Спесивцеву, семейная молва приписывала книгу «Жизнь и нравы короедов». Оказалось – не существует такой книги. Определители короедов есть, а «Жизни и нравов» не существует.

Корпоративная память поправила память родовую, однако память корпорации всегда более узкая, что ли... Корпорацию, профессию интересует только то, что имеет к ней отношение. Кафедра энтомологии и музей при ней, архив и библиотека Лесотехнического института помнят, что написал Спесивцев. Это важно.

Они не помнят, как первый раз пришел в Петришуле (школа в Санкт-Петербурге, основанная в 1709 г. – *Прим. ред.*) в подготовительный класс девятилетний Павел Спесивцев и в конце учебного дня сказал директору:

– Я у вас не хочу больше учиться.
– Воля ваша, – ответил умный педагог, – учиться и правда непросто, не у всех хватает усидчивости и способностей. Но если вы не окончите гимназии, вы же не будете знать ни математики, ни естествознания, ни словесности, ни французского и немецкого! Вы же не сможете вырасти и стать взрослым человеком. О чем вы будете разговаривать с остальными людьми?

Мальчик подумал и гимназию все-таки окончил.

Эту историю память гимназии не сохранила, а родовая память сохранила.

В общем, надо проверять родовую память корпоративной... но и наоборот. Надо дополнять корпоративную память такой вот, семейно-родовой.

Память народов дольше памяти самых древних кланов. Не только дольше, но и шире, полнее.

Память народа – это хор, многоголосие памяти всех людей, семей, родов, кланов.

Но и не только это многоголосие, конечно!

Народ не сводится к личностям, семьям, родам и профессиям. Народ помнит то, что случилось несколько столетий назад. Почти 600 лет назад Московская Русь освободилась от Орды. Память живет.

Святой Владимир жил больше тысячи лет назад. В былинах живет память о Владимире и его дворе, о богатырях и нашествиях степняков.

Память народа тоже путает, перевирает, выдает желаемое за действительное, в точности как родовая. Куликовская битва состоялась как выступление на стороне законного сюзерена – хана всей Орды против узурпатора Мама. А в народную память она вошла как битва за освобождение. Почему? Да потому, что народ хотел именно такой битвы. То, что хотел, то и запомнил.

Любая сущность несет память о своей истории. Иначе она просто исчезает. Род забудет сам себя и исчезнет как род. Люди останутся, но род уже будет другим. Род сохранится, если сможет пережить целые исторические эпохи, государства с разным политическим строем.

Я «помню» историческую Россию, советскую Россию, современную. А есть люди, которые «помнят» и Московское царство. Даже Древнюю Русь: лично знаю человека, происходившего от бояр Великого Новгорода. Он «помнил», что посадник Твердило был прекрасный человек, а вот боярин Недослав – большая сволочь. Кстати, историки ничего не знают об этом боярине.

На переломах истории частенько исчезает память рода. Дорого бы дал, чтобы знать, как жили мои предки, тверские крестьяне, до Освобождения. А этого память клана

не сохранила. Наша история начинается с тех, кто ушел из деревни. Бездетные помещики Спесивцевы отпускали тех, кто соглашался взять их фамилию. Меня порой спрашивают, кем мне приходится знаменитая балерина Ольга Спесивцева. Никем. Она потомок крестьян той же деревни, не более.

Из деревни Спесивцево разошлись разные люди, создавшие совершенно разные семьи и кланы.

Не живут ни семья, ни клан без памяти. И народ без памяти – уже не народ, просто сборище. Неслучайно все завоеватели стараются убить историческую память народа. В XVII веке английские власти в Ирландии за голову учителя гэльского языка и кельтских мифов платили, как за голову волка.

В России большевики старались уничтожить народную память – как англичане в Ирландии. Они почти добились своего. Григорий Померанц писал в 1960-е: «Народа больше нет. Есть масса, сохранившая смутную память о том, что она была народом и несла в себе Бога».

Маяковский, помнится, тоже писал, что «красноармеец застрелил Россию» – толстую такую, очень противную торговку. Почти так – только все-таки «недострелил». Живучая баба оказалась – во многом благодаря этой самой исторической памяти: семейной и родовой. Да и личной.

Хорошо помню, как в Иркутске нас, молодых археологов, водил по дворцу генерал-губернатора пожилой экскурсовод. И произнес, рассказывая о захвате дворца большевиками и о том, как их отбивали юнкера:

– Вот по этой лестнице они лезли, мы палили вот отсюда, из-за балюстрады.

Мы весело заржали; экскурсовод бледно улыбаясь, дальше рассказывал «правильно». Но неужто я один это запомнил?

К 1980-м годам в России вошли в моду народные песни... На память.

Теперь актуальна и память эмиграции – всех ее «волн». Один мой знакомый рассказывал, как его предок вез в 1938 году оружие в Испанию. Не довез – эшелон перехватили на рубеже Швейцарии и Франции.

– Кто – неизвестно... Все очень загадочно...

А мне совсем другие люди рассказывали: швейцарцы открыли дорогу грузовикам русских эмигрантов из Российского общевойскового союза. Те захватили оружие, и попало оно, понятное дело, не к коммунистам и не к анархистам. Через Францию, потом через Пиренеи везли ящики с оружием цыгане – с ними у РОВСа возникли превосходные отношения

Две половинки одной истории сложились, как складываются половинки специально разломленной монеты, ставшей паролем.

А вся история в целом вкладывается в историю России, как часть истории народа. Так же «вкладываются» в историю народа все истории людей, семей, родов, корпораций и кланов. И ничего не упустить, ничего не утратить безнаказанно. Утрата памяти отдельного человека – исчезновение личности, алыгеймер. Также с историей семей и родов. Люди сохраняются, но утрачено место в истории. Кто мы? Откуда мы? Хорошо, если со временем сложится новая история.

Такова и память народа. Утратим ее – народа не станет. Вообще.

Многоголосие памяти... Памяти бояр Новгорода и мастеровых Невьянских заводов. Рюриковичей и народовольцев. Титулованных помещиков и выходцев из «черты оседлости», героев Шолом-Алейхема. Рыбаков Одессы: «Папа турок, мама грек, а я русский человек». И профессуры Санкт-Петербургского университета.

ИНТЕРВЬЮ

«ПУТЬ ВЫБИРАЕТ СЕРДЦЕ, А В СЕРДЦЕ ЖИВЕТ БОГ...»

У нас в гостях народная артистка России Жанна Бичевская

Беседовала
ВИКТОРИЯ ПЕШКОВА

Жанна Бичевская.

Фото из личного архива

Жанна, вы нашли гитару или она – вас?

Мы нашли друг друга. То, что суждено свыше, непременно происходит. Когда я была совсем маленькой, хотела стать балериной, как мама. Она ушла из жизни, когда мне было всего пять лет, воспоминания почти стерлись из памяти, но папа как-то сказал, что она была балериной. Вот я и воображала себя на сцене Большого театра. О том, что на самом деле мама никакого отношения к балету не имела, я узнала спустя много десятилетий. Одно время мечтала быть врачом, причем довольно серьезно.

Перейдя в вечернюю школу, пошла работать лаборантом во врачебно-физкультурный диспансер. Но суждено было иное – песня.

И какая была первой?

«Синенький скромный платочек» в исполнении Клавдии Ивановны Шульженко. Песня, случайно услышанная по радио. Оно тогда в квартирах не умолкало. И я пела вместе с ним и... вместо него. Хороших песен тогда было много. Первыми слушателями, и очень благодарными, были соседи. У меня теплоло на душе от их слов, но сначала становиться певицей

не собиралась – думала о драматической сцене. Медицина и музыка долго шли рука об руку, пока однажды во время операции я не рухнула в обморок от вида крови.

И тогда гитара стала вашей единственной спутницей?

Она всегда была единственной. Верным другом, которому можно было доверить все самое сокровенное. С отцом у меня были очень тяжелые, горькие отношения, но именно он подарил мне на семнадцатилетие гитару. Человек приходит в мир, чтобы исполнить свое назначение. Каждый человек

На гастролях в Польше в 1983 году

Фото из личного архива

уникален и должен пройти свой путь, который кроме него никто одолеть не сможет. В творчестве интересна сама траектория твоего движения – процесс, а не конечный результат в виде какой-то награды или премии.

Согласна, но как не ошибиться в выборе пути? Как понять, что он верен?

Прислушаться к голосу сердца. Оно не всегда говорит громко, но всегда – внятно. Важно услышать. Ибо путь выбирает сердце, а в сердце живет Бог, творец всего сущего. То святое и чистое, что человек может почерпнуть из родника истинного творчества, массовая культура ему дать не в состоянии. Она не для этого сконструирована. Не зря же дьявола называют «изобретателем».

Поиски своего исполнительского стиля были трудными?

Гораздо труднее было убедить окружающих, что он у меня есть. Свой! Ни на кого не похожий. Меня с самого начала влекла русская музыка – народные песни, городской романс. Варя Панина, Лидия Русланова, Надежда Плевицкая – их голоса открывали мне такие выси и дали, что душа трепетала от восторга. Там, внутри, происходило что-то, что очень сложно выразить словами. Ближе всего, наверное, – душевная работа. Я подбирала гитарный аккомпанемент, и знакомые мелодии начинали звучать иначе. «Нет, не любил он», «Не уходи, побудь со мною», «Не говорите мне о нем»...

Романс изначально создавался для гитары. А вот народная песня

под гитарные перебор – настоящий прорыв. Страшно не было?

Я очень давно разучилась бояться. Когда с тобой твоя Вера, для страха не остается места. А что касается народных песен... Конечно, далеко не каждую можно положить на гитарный аккомпанемент. У меня в музыкальной школе имени Ипполитова-Иванова был удивительный педагог – Ирма Петровна Яунзем. Выдающаяся певица, она собирала и изучала народные песни. Поначалу Ирма Петровна ничего особенного во мне не увидела и решила готовить к стезе традиционной фольклорной исполнительницы. Но привычные рамки – это не для меня. Когда я впервые пришла с гитарой к ней домой и начала петь русские народные песни, ее удивление очень быстро сменилось пониманием. Ирма Петровна

всегда говорила, что петь нужно так же свободно, как летают птицы. Вот эта свободы была мне необходима как воздух. Я ее и отстаивала, и Ирма Петровна, педагог исключительной чуткости, поняла это. У нас с ней возник духовный взаимообмен – она открывала мне свободу пения, а я ей раздвигала устоявшиеся границы фольклора.

Не все были готовы признать за вами право петь так, как душа велит. Вы все время шли против течения?

По течению можно двигаться только туда, куда оно тебя вынесет. А я всегда прокладывала свой собственный маршрут. Собирать старинные песни я начала еще в эстрадно-цирковом училище. Начала, как водится, с библиотек и архивов. Но текст на бумаге передает скорее смысл слов, а не живое чувство. И я в каникулы отправилась в Ростов-на-Дону, а оттуда по станциям. Потом в такие поездки я отправлялась каждое лето в течение многих лет. Подлинные песни, передававшиеся из поколения в поколение, только так и можно было обнаружить. Вихри революции безжалостно развеивали то, на чем строилась испокон веков крестьянская жизнь, а с укладом исчезали и песни, которые сопровождали человека с рождения и до гроба. Их хранили в памяти древние старушки, но не каждому готовы были доверить свои сокровища.

Почему? Разве им не хотелось, чтобы песни, которые им самим жить помогали, слышали другие люди?

Сокровенное трудно доверить чужому человеку. А кроме того, многочисленные «фольклорные экспедиции», которые в советское время затевали все, кому не лень, зачастую вместо того, чтобы сохранить первозданность найденного оригинала,

стилизовали его под некий усредненный псевдорусский «стандарт», убивая и мелодию, а с ней и чувство, в песню заложенное, ведь при исполнении важна каждая интонация – в них отражается движение души человеческой.

Для многих имя Жанны Бичевской в первую очередь связано с «Ой, да не вечер...». Как эта песня попала в ваш репертуар?

Мы с ней нашли друг друга. Буквально. Встретились в одной из моих училищных летних экспедиций. Мне бабушка-станичница ее рассказала. Именно рассказала, а не напела, потому что мелодии она не помнила. Вот она и сказала мне – придумай сама! Оказалось, что это песня, которую сложили когда-то уральские казаки о Стеньке Разине. Но мелодия исчезла – ни одной записи не сохранилось. Только не спрашивайте, откуда взялась та, что пришла ко мне. Я ее не сочинила, а... услышала.

Вы называете Булата Окуджаву своим крестным отцом в творчестве. Что вы вкладываете в это понятие?

Я человек верующий, а потому крестный отец для меня тот, кто отвечает за душу моего творчества. С Булатом Шалвовичем мы познакомились в январе 1970 года на концерте в Центральном доме литераторов. Потом была еще одна встреча, когда я впервые услышала, как он поет народные песни. Это было истинным потрясением. Бардовская исповедальность умножала природную глубину фольклора. Так Булат Шалвович заронил в душу ту искру, которая и по сей день не погасла.

В середине 80-х вы записали целый диск с его песнями. Что вы искали в этой работе?

Булат Шалвович часто повторял, что у него не песни, а стихи

Выступление Жанны Бичевской в московском Центральном доме литераторов

под гитару. Между тем, музыка в них прекрасная и мне очень хотелось эту красоту показать. Я долго не решалась попросить его разрешить мне спеть его песни. Работа заняла почти год. На той пластинке были самые известные и любимые – «Грузинская песня», «Молитва Франсуа Вийона», «По Смоленской дороге». Булат Шалвович тогда сказал, что «я с ним спорю», но признал мое право на собственное видение его песен. С тех пор они звучат практически в каждом моем концерте.

Ваша сегодняшняя аудитория отличается от той, что была в 70–80-е годы?

Конечно. Каждый человек меняется с течением жизни. Я стала другой, а вместе со мной и моя публика. Я ведь никогда под ее вкусы не подстраивалась. Наоборот, вела и продолжаю вести за собой тех, кто хотел и готов был идти. Не я выхожу к публике, а публика идет ко мне. Исполнитель должен оставаться самим собой, и тогда вокруг него не будет случайных зрителей и слушателей.

Прежде мне временами становилось очень больно оттого, что мои песни согревают очень немногих. Я терзалась этим, пока не услышала Мать Терезу. Ведь сколько бы ни было людей в зале, если они пришли – им нужны мои песни, а значит это и есть мое служение.

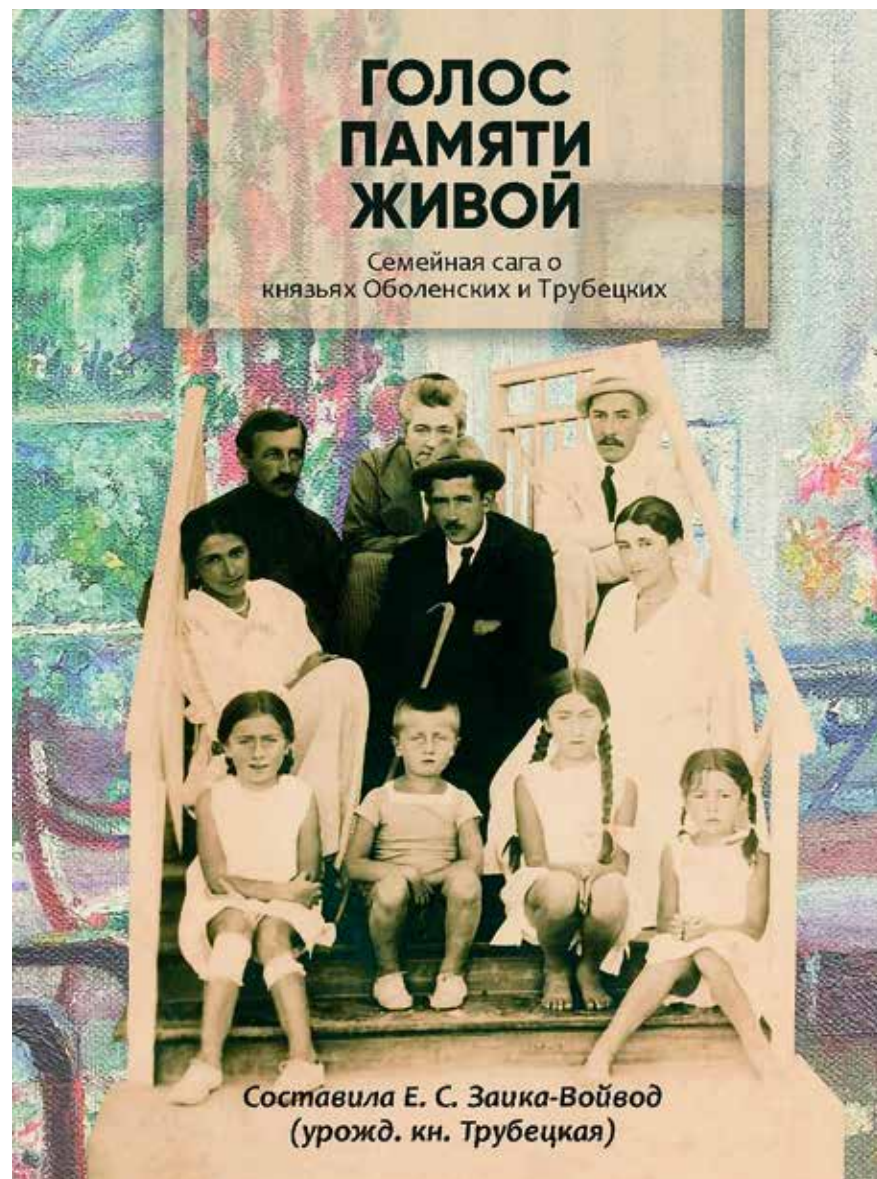
Служение – трудный путь. Значительное место в вашем репертуаре занимают духовные песнопения. Как воспринимают их ваши слушатели?

Те, кто готов, открывают сердца. Есть и такие, кто пока не может этого сделать. Каждый концерт – ступенька на моем духовном пути, те, кто со мной, знают об этом. Но в зале всегда есть некоторое количество случайных людей, пришедших просто отдохнуть, развлечься и вдруг обнаруживших, что никто их развлекать не собирается и те, кто сидит рядом с ними пришли с какой-то другой целью. Через песню, как через молитву, можно очистить и напоить силой душу. Я делаю то, к чему призвана.

САГА О ДВУХ КНЯЖЕСКИХ РОДАХ

В 2025 году в издательстве «Спасское дело» вышла книга
Е. С. Заики-Войвод «Голос памяти живой. Семейная сага о князьях Оболенских и Трубецких»

НЕОНИЛА ПАСИЧНИК

Однажды, рассматривая дагерротип, Владимир Набоков заметил, что человек ненадолго

замирает, чтобы аппарат сумел его запечатлеть. На обложке книги «Голос памяти живой. Семейная

сага о князьях Оболенских и Трубецких» обе семьи, представители знатных русских фамилий, замерли на крыльце чужого дома в Крыму в начале прошлого века под прицелом объектива в обрамлении пастельно проступающего сквозь фотографическое серебро живописного полотна. Автор-составитель книги – Елизавета Сергеевна Заика-Войвод (урожденная княжна Трубецкая).

Дворяне в Российской империи служили государству, как и весь остальной русский народ. После переворота 1917 года в России многие княжеские семьи вынуждены были бежать из Отечества под другими фамилиями, спасая жизни своих близких. В изгнании их фамилии стали восприниматься вне русской среды так, как если бы это были обычные Ивановы и Николаевы...

Оставшиеся в СССР «бывшие», случалось, присоединялись к сословию крестьянскому. Так они могли затеряться на принадлежавших им прежде землях в уповании на тихий молитвенный подвиг. Как игуменья Магдалина, в миру графиня Мария Владимировна Орлова-Давыдова, внучка княгини Марии Федоровны Барятинской (урожденной графини Келлер). Она упокоилась в 1931 году и была похоронена в лесу возле созданной ею обители «Отрада и Утешение» в Подмоскovie, превращенной в трудовую артель, затем в колхоз...

«Большой радостью стала для меня прибывшая ко мне в Канаду из России икона святой новомученицы Киры Оболенской, представительницы нашего рода, – говорит Елизавета Сергеевна. – Княжна Кира Ивановна Оболенская осталась в Петрограде, состояла членом Александрo-Невского братства, была арестована, на пять лет сослана в Беломорский лагерь, расстреляна в 1937 году как “представительница капиталистического сословия”, прославлена Русской Православной Церковью в 2003 году».

Едва ли является совпадением то, что семейная сага о Трубецких вышла из печати в издательстве «Спасское дело» на 40-й день преставления в Москве 30 июля 2025 года рыцаря эпохи князя Александра Александровича Трубецкого, двоюродного брата Елизаветы Сергеевны, известного мецената, парижанина и многолетнего члена редакционного совета журнала «Русская мысль».

Книгу автора из Канады тепло приняли в России. Стараниями Союза потомков дворян презентация книги состоялась на Арбате в Доме Лосева – музее выдающегося философа, тайного монаха с именем Андроник. Елизавета Сергеевна принимала участие в представлении издания, говоря ее словами, «по эфиру».

«Я поняла, что нужно объяснить свою необычную для русских двойную фамилию моего мужа – Заика-Войвод с буквой “й”, – сказала она. – Заика имеет запорожское происхождение. Предок моего мужа иногда заикался, а прозвище осталось навсегда. Отец его матери Петр Войвод был заведующим инженерно-электрической части в Зимнем дворце, участвовал в строительстве первых трамваев в Петербурге. Его корни, вероятно, давние литовские. Мой муж родился в Киеве в 1937 году. В ЗАГСе

по политическим соображениям дали ребенку двойную фамилию».

Не так давно в переводе на английский вышла в США книга известного дипломата Григория Николаевича Трубецкого «Записки полномочного представителя. Русская дипломатия и война на Балканах. 1914–1917» (*Notes of a Plenipotentiary: Russian Diplomacy and War in the Balkans, 1914–1917*). В России она была издана в 2020 году под названием «Записки русского дипломата». Автором перевода книги своего дедушки, младшего брата философа Евгения Николаевича Трубецкого, стала Елизавета Сергеевна.

В книге «Голос памяти живой. Семейная сага о князьях Оболенских и Трубецких» впервые собраны разрозненные документальные свидетельства истории скитаний обеих родственных княжеских семей. Это и уникальный историко-документальный труд «Семейная письменная хроника с 1917 по 1930 год. Собрана кн. С. Г. Трубецким», и ценнейшие рукописи, дневники и воспоминания, отражающие трагические судьбы представителей русской аристократии в период переворота 1917 года, Гражданской войны и первых лет эмиграции.

Елизавета Сергеевна поделилась также важными сведениями о своем выдающемся родственнике скульпторе Паоло Трубецком, который с 1896 по 1906 год жил в России, преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и стал автором знаменитого конного изваяния государя Александра III.

Увлекался Паоло Петрович и музыкой. У его потомков сохранилось несколько сочиненных им партитур. Правда, согласно семейному преданию, когда Паоло показал свои сочинения маэстро Тосканини, тот посоветовал ему оставаться скульптором.

С 27 февраля по 28 июня этого года в Галерее современного искусства Милана проходила большая выставка «Паоло Трубецкой. Скульптор Прекрасной эпохи».

Рассказано в книге Елизаветы Сергеевны и о князе Алексее Александровиче Оболенском, дедушке автора, который пел в опере и на Бродвее, давал благотворительные концерты со своим мужским хором *Russian Imperial Singers* – Русские Императорские певцы. У Елизаветы Сергеевны даже сохранилась запись одного из исполнений, сделанная 100 лет назад на большой металлической матрице для пластинок.

Супруги Заика-Войвод посвятили церковному пению долгие годы, выступали с концертами в разных странах, прожили счастливую семейную жизнь в Канаде, вырастили четверых сыновей.

Елизавета Сергеевна, которая недавно отметила свой 80-летний юбилей, поет на клиросе с 10-летнего возраста. Быть может, поэтому память об истории семьи Трубецких и Оболенских обрела свой уникальный живой голос.

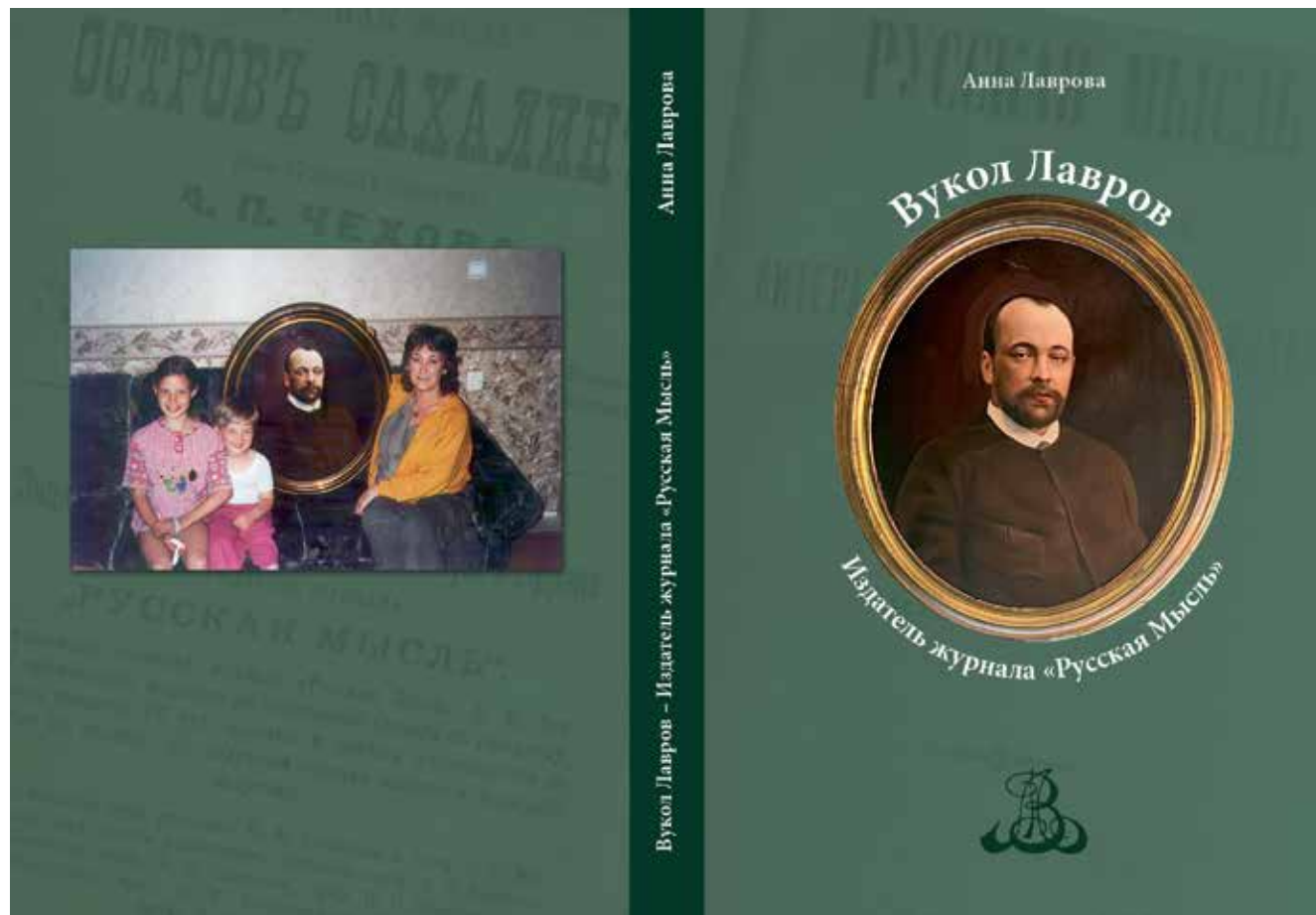
Родственные узы связывают Оболенских и Барятинских благодаря бракам с княжной Екатериной Юрьевской, дочерью государя Александра II от второго (морганатического) брака с княжной Екатериной Долгорукой.

В начале XX века Екатерина Юрьевская стала в изгнании княгиней Барятинской, а после внезапной кончины супруга во Флоренции в 1910 году вернулась в Россию перед самым началом Первой мировой войны. Княгиней Оболенской дочь государя стала уже в эмиграции, покинув Россию после переворота 1917 года.

Сага о двух знатных княжеских родах послужит еще не одному открытию.

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» ВУКОЛА ЛАВРОВА

Представляем нашим читателям фрагменты из книги Анны Михайловны Лавровой
«Вукол Лавров. Издатель журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ»»

Вукол Михайлович Лавров (1852–1912)
Архив Анны Лавровой

Варвара Николаевна Лаврова (Хренникова, 1853–1908)
Архив Анны Лавровой

РОДОСЛОВНАЯ

Ревизские сказки. Лавров-Кречет

С детства я слушала рассказы моего папы о журнале «РУССКАЯ МЫСЛЬ», который издавал мой прадед Вукол Михайлович. Когда я вышла замуж и уехала на постоянное местожительство к мужу в Москву, я начала изучать старинные документы в Центральном государственном архиве, записные книжки своего деда и папы, старые письма,

справки, фотографии – все, что сохранилось еще с XIX в. Мне удалось (с помощью более ранних исследований ревизских сказок, которыми занимался мой папа и его двоюродный брат Борис Всеволодович Дорошевский) проследить нашу родословную до 12 колена.

Легенда гласит, что предок нашей фамилии Лавров, по прозвищу Кречет, был одним из зачинщиков стрелецкого бунта. После подавления восстания в 1698 году

он был казнен (четвертован) по приказу Петра I. Члены семьи Кречета были сосланы на Север России, откуда перебрались в уездный город Елец, Орловской губернии (станция железной дороги при реке Сосне). Город известен с 1146 года, основан как пограничный укрепленный пункт Рязанского княжества для защиты от половцев. Из Ельца (чаще всего в Москву) вывозили зерно, муку, хлеб. Хорошо было поставлено

кожевенное и чугунно-литейное производство. Елец славился, да и сейчас славится, своими кружевами ручной выделки. Елец известен как город, в котором родились и жили писатель И. А. Бунин, философ-писатель В. В. Розанов, художник В. Н. Машков, писатель М. М. Пришвин, композитор Т. Н. Хренников.

По ревизским сказкам (именные списки населения России с XVIII века по первую половину XIX века, Санкт-Петербург) выясняется, что в 1720 году в Ельце появляется Силуян (Силуан) Лавров-Кречет – внук колесованного стрельца. Силуяну Лаврову, поселившемуся в Ельце практически с пустыми руками, пришлось нелегко. Но постепенно он

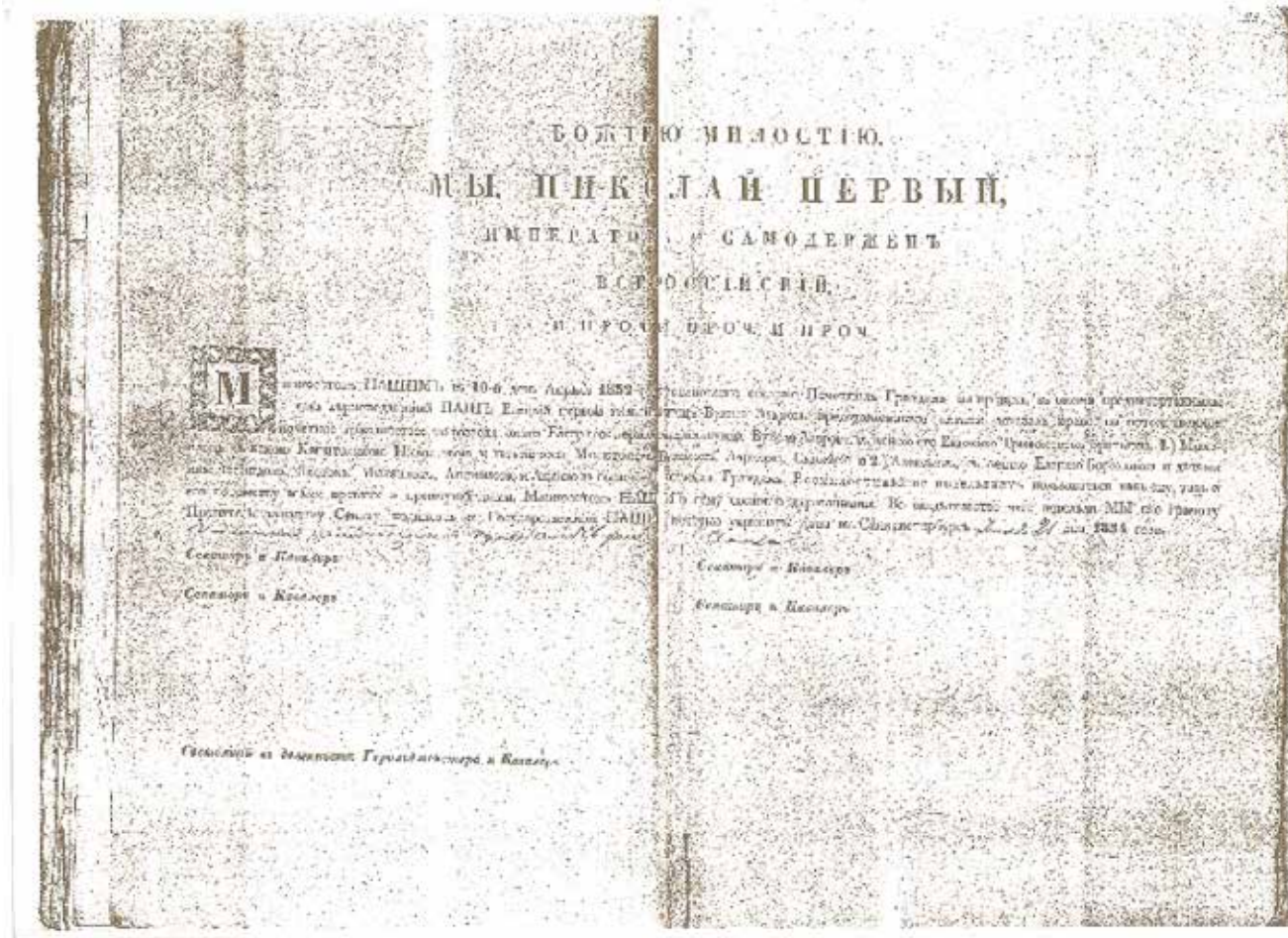
налаживает торговлю хлебом, же- нится, и в 1732 году у него рожда- ется сын Матвей. У Матвея в браке с Анисей Михайловной (в девиче- стве Сергеева), дочерью священ- ника Успенской церкви Ельца, в 1758 году появляется сын Иван. У Ивана, в свою очередь, с женой Екатериной Александровной рож- дается сын Михаил (1780–1852). Михаил Иванович еще носит про- звище Кречет, а его дети Вукол, Михаил (мой прапрадед) и Алек- сей Михайловичи уже утрачивают эту приставку к фамилии, хотя ино- гда пользуются ею.

У меня сохранились счета моего прапрапрадеда Михаила Ивановича Лаврова. Очень красивые, доброт- ные, основание укреплено медными уголками (42x26 см).

СЕМЬЯ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЛАВРОВА

Сыновья Мелитон и Вукол.
Ссылный поляк Болеслав Иванович
Зеленский и его влияние на юного
Вукола. Интерес к Польше и ее
национальным героям

Вукол Михайлович Лавров (мой прадед) родился 11 сентября (ст. ст.) 1852 года, в год смерти своего деда Михаила Ивановича, в городе Елец Орловской губернии, в богатой старозаветной купеческой се- мье, был крещен в тот же день. Имя свое он получил в честь дяди, родно- го брата его отца, Вукола Михайло- вича. Восприемниками при креще- нии были «купец Василий Петров и купеческая дочь девица Настасья Никифоровна Ростовцева, крестил

Настольного реэстра No 2632
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
ДЕПАРТАМЕНТА
ГЕРОЛЬДИИ.
Д Е Л О

О возведении Елецкихъ 1 гильдии купеческихъ
братьевъ Вукола, Михаила и Алексея Лавровыхъ съ
семействомъ въ потомственное почетное гражданство.
Вступило 2 марта 1854 г.
Решение 10 марта 1854

Архив Анны Лавровой

«У Елецкаго купеческаго сына Михаила Михайлова
сына Лаврова и законной жены его Капитолины
Николаевой, кои оба православнаго исповеданія
рождень... сынъ Вукол, того тысяча осемьсотъ
пятьдесятъ втораго года Сентября двенадцатаго,
который крещень тогожъ числа, Восприемники
были: Елецкий купецъ (?) сынъ Адриановъ Холинъ
и купеческая жена Александра Леонова Волуйская.
Крестиль Протоиерей Петръ Молишевский
съ притчемъ своимъ...»

Архив Анны Лавровой

священник Григорій Родионов
с причтом своимъ».

Отец Вукола, Михаил Михайло-
вич, со своими братьями Вуколом
и Алексеем, все купцы 1-й гильдии,
занимался оптовой торговлей, снаб-
жал мукой не только близлежащие
губернии, но и Санкт-Петербург.
По легенде все три брата первое
время жили в родовом отцовском
доме Михаила Ивановича, потом
разъехались. Михаил Михайлович

купил очень красивый белый дом
у сыновей Кирилла Петровича Же-
лудкова, продавших этот дом после
смерти своего отца.

Михаил Михайлович Лавров
(1808–1877) был чрезвычайно об-
разованным человеком, выписывал
газеты и журналы, имел обширную
библиотеку, заставляя своих детей
обязательно прочитывать всю ли-
тературу, которая имелась в его
библиотеке.

Михаил Михайлович создал
превосходную домашнюю худо-
жественную галерею. В декабре
1852 года он был избран городским
головой, а также имел должность
церковнаго старосты Елецкаго тю-
ремнаго замка. Занимался благотво-
рительной деятельностью, в част-
ности, внес 3000 рублей серебром,
а в то время это были немалые день-
ги, на ремонт Елецкаго тюремно-
го замка. Существует документ,

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссийский,
и проч. и проч. и проч.

Манифестомъ НАШИМЪ въ 10-й день Апреля 1832 года установлено сословіе Почетныхъ гражданъ, на правахъ,
въ ономъ предначертанныхъ; а какъ верноподданный НАШЪ Елецкий первой гильдии купецъ Вуколъ Лавровъ
представленными актами доказал право на потомственное почетное гражданство; то возводя онаго Елецкаго
первой гильдии купца Вукола Лаврова, съ женою его Евдокиею Трифоновою; братьями: 1.)Михаиломъ, съ женою
Капитолиною Николаевою и детьми ихъ: Милитономъ, Вуколомъ, Ларисою, Евдокиею и 2.) Алексеемъ, с женою
Еленою Борисовою и детьми ихъ: Леонидомъ, Яковомъ, Михаиломъ, Анемаисою и Лидиею въ сословіе почетныхъ
Гражданъ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ повелеваемъ пользоваться какъ ему, такъ и его потомству всеми правами
и преимуществами, Манифестомъ НАШИМЪ сему сословию Дарованными. Во свидетельство чего повелели
МЫ сию грамоту Правительствующему Сенату подписать и Государственной НАШЕЙ печатью укрѣпить: Дана
въ Санктпетербургѣ 7 июля 21 дня 1854 года.

Подлинная за подписаніемъ Правительствующаго Сената

Архив Анны Лавровой

в котором «Елецкое уездное от-
деление общества попечительнаго
о тюрьмахъ» просит Михаила Ми-
хайловича принять званіе директо-
ра местного тюремнаго отдѣленія.

Иван Бунин в «Жизни Арсеньева»
описывает именно эту тюрьму.
Жена Михаила Михайловича Ка-
питолина Николаевна (в дѣвчествѣ
Ракова, 1808–1897) была очень

набожна, совершала бесконечныя
паломничества къ святымъ мѣстам, при-
учаа къ этому своихъ дочерей Ларису
(1837 г.р.), Александру (?) и Евдокию
(1845 г.р.). Заставляла ихъ подолгу

Личная печать Вукола Лаврова. В центре вензель: В. Л. по-старославянски. По кругу надпись (девиз Лаврова) на латинском языке: **НОМО СУМ ЕТ НИЛ ХУМАNUM АД МЕ АЛИЕNUM РУТО** (Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо)

молиться, как утром, так и вечером. В семье было два сына – Мелитон (1843 г.р.) и Вукол (1852 г.р.).

Капитолина Николаевна отличалась чрезвычайной бережливостью, была строга и требовательна к детям. Семья была глубоко патриархальная, все дети подчинялись отцу беспрекословно, а дочери – и матери, которая имела большое влияние на них.

Старший сын Мелитон помогал отцу в его торговых операциях. Младший Вукол был на девять лет моложе, поэтому им занимались сестры, которые обожали своего младшего брата, баловали его нещадно, но и занимались с ним географией, историей, литературой, музыкой и иностранными языками. От природы мальчик был даровит и быстро усваивал и запоминал все, что слышал. Вукол окончил только три класса городского училища в Ельце, так как отец решил, что его уже нужно готовить к изучению торговой деятельности. К счастью, мальчик получил основательное домашнее образование.

Михаил Михайлович Лавров, человек прогрессивных взглядов, сочувственно относился к ссыльным полякам, принимал их в своем

доме, помогал в трудоустройстве и обретении жилья. В 1863 году после польского восстания в Елец был выслан студент Московского университета математического факультета поляк Болеслав Иванович Зеленский. Отец Вукола принял в нем горячее участие, поселил его в своем доме, а Болеслав стал заниматься с Вуколом математикой и польским языком. По рассказу сына Вукола, Михаила Вуколовича (моего деда), на каком-то математическом конкурсе, проходившем в Англии, Вукол получил золотую медаль за оригинальное решение задачи. Кроме того, он прекрасно выучил польский язык и владел им в совершенстве. Впоследствии он быстро и так же хорошо выучил итальянский и французский языки. С Болеславом Зеленским сохранил душевно-дружеские отношения на всю жизнь. У Зеленского был сын Вацлав, о котором известно только то, что он застрелился в молодости.

Под влиянием Болеслава Зеленского мальчик живо заинтересовался историей Польши. Особенно его потрясла жизнь Валериана Лукасинского (Лукасиньски), который в 1830 году после польского восстания был посажен в Шлиссельбургскую крепость на Ореховом острове в истоке Невы. Он был помещен в одиночную камеру, где провел 38 лет, там же и скончался. Над своей кроватью Вукол повесил портреты Валериана Лукасинского и Тадеуша Костюшки, тоже борца за свободу и независимость Польши. Впоследствии эти портреты висели в кабинете Вукола Михайловича в его имении Малеевка.

ГРАМОТА НИКОЛАЯ ПЕРВОГО

Потомственное почетное гражданство

Еще в 1785 году Екатерина II выделила среди городских обывателей

престижную категорию почетных граждан. В 1807 году звание давали только людям творческих профессий, но в дальнейшем его возобновили для всех вольных людей. Почетное звание давали не раньше десятилетия полезной деятельности, а после второго десятилетия уже можно было претендовать на потомственное почетное звание. Например, такое звание мог получить тот купец, который сумел пробыть в первой гильдии подряд 20 лет. Получателю звания почетного потомственного гражданина вручали особую грамоту.

В июне 1854 года Михаил Михайлович Лавров и его родные братья Вукол и Алексей Михайловичи (с женами и детьми) получают грамоты на звание потомственного почетного гражданства. Необходимо было сдать в Сенатское казначейство пошлину за грамоту по 330 рублей серебром, что они и осуществили. Так Михаил Михайлович Лавров, мой прапрадед, стал потомственным почетным гражданином, каковое звание переходило и на его потомков, но в советское время об этом пришлось забыть.

ВУКОЛ МИХАЙЛОВИЧ ЛАВРОВ

Участие в деле отца. Женитьба

Когда сыну Михаила Михайловича Вуколу исполнилось 13 лет, отец его решил, что сын достаточно вырос и теперь должен помогать ему и старшему брату в делах. Пришлось юному Вуколу вникать в тонкости дела своего отца, а уже в 16 лет – разъезжать сначала по близлежащим городам; потом круг его поездок расширился, нужно было находить новых покупателей и договариваться с ними. В Москве, где он часто бывал, Вукол при любой возможности посещал различные литературные кружки. Он просто бредил литературой,

читал запоем не только то, что выписывал отец, но и то, что сам покупал в поездках. Несмотря на то, что торговые дела никоим образом не привлекали его, он понимал, что посещение различных городов России позволяет ему познать жизнь, завести интересные знакомства.

Бывая в Москве, он всегда старался приобщиться к культурной жизни города, слушал лекции по литературе и математике в Московском университете, посещал театры, особенно Малый театр, засиживался в Румянцевской библиотеке.

Когда Вуколу не было еще 19 лет, ему пришлось жениться. Так решил его отец, осмелиться противоречить отцу не было никакой возможности.

Слово отца – приказ. Отец сам выбрал сыну невесту из богатой купеческой семьи Хренниковых, девицу Варвару Николаевну. Вукол не успел не только познакомиться с невестой, но и даже увидеть ее, как была уже назначена свадьба. Молодые увидели друг друга только при венчании.

Женитьба не входила в планы Вукола, но избежать этого было невозможно, такова была воля отца и таковы были нравы в купеческих семьях того времени. <...>

КОНЧИНА ОТЦА

Миллионное наследство.
Отъезд Вукола в Москву

В 1877 году скончался Михаил Михайлович Лавров, отец Вукола, оставив после себя денежное наследство своим детям в количестве нескольких миллионов, из которых Вуколу досталось более миллиона царских денег. Вукол приехал из Москвы на похороны отца, где получил свою долю наследства, и тут же решил заняться только литературой, только искусством и ни в коем случае не продолжать дело своего отца. Этим будет заниматься старший брат Мелитон.

Варвара Николаевна никогда не понимала стремлений своего супруга к литературе и искусству. На этой почве возникали бесконечные разногласия и ссоры. Молодая жена хотела, чтобы ее муж, отец ее детей, жил в Ельце, продолжал дело, которым были заняты его отец, дед, прадед. К этому времени у Вукола и Варвары уже было пятеро детей.

Но Вукол стремился в Москву, он хотел заниматься литературой, издавать газету или журнал. Несмотря на сетование своей супруги, он быстро ликвидировал все дела, связанные с прежними занятиями, которыми он тяготился в течение долгого времени, и отбыл в Москву, оставив молодую жену с пятью детьми, но и с прекрасным содержанием. На обучение детей музыке и языкам не жалел никаких денег. Но в Ельце больше никогда не бывал. Варвара Николаевна иногда приезжала в Москву то с одним, то с другим ребенком. В конце концов, и сама Варвара Николаевна, и все дети стали жить в Москве и Санкт-Петербурге.

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ В МОСКВЕ

Обустройство. Ответ
на письмо жены

Приехав в Москву, Вукол поселился в гостинице, но подыскивал просторный дом. Первым делом он посетил Малый театр, где встретился с актерами, с которыми был уже знаком по предыдущим поездкам в Москву, со многими из них сдружился, и эту дружбу пронес через всю жизнь. Именно в компании актеров Вукол познакомился с Сергеем Андреевичем Юрьевым (переводчиком, критиком, редактором), с которым поделился своей заветной мечтой о покупке и создании литературного журнала. На это Вукол не пожалеет ни средств, ни сил. Юрьев обещал свою поддержку и помощь, слово свое сдержал.

Из Ельца Варвара Николаевна пишет мужу Вуколу Михайловичу в Москву письма, умоляет вернуться в родной город, но ее просьбы остаются не исполненными. Вукол Михайлович в ответ предлагает ей приехать в Москву с Анютой или с Петром, присмотреться к жизни в Москве – может быть, ей понравится и семья восстановится. Но Варвара Николаевна не желает ехать в Москву, она не может оставить без присмотра остальных младших детей, она желает, чтобы отец пятерых детей вернулся в свой родной дом, в родной город. Она жалуется на мужа родным и знакомым, просит их повлиять на него, но никто не осмеливается на такой шаг. Варвара пишет Вуколу обвинительные письма.

Из писем же Вукола Михайловича ясно, что он вообще никогда не вернется в Елец, но не бросит свою семью, будет всегда поддерживать материально своих детей, которых он любит, а также свою жену. Но он недоволен тем, что жена его привлекает родственников и знакомых к их семейному разногласию, это раздражает его, и в ответ на обвинения он пишет гневные письма в Елец.

Варвара Николаевна в Москву не поехала. Старший сын Петр сразу принял сторону матери и никогда с отцом не виделся, приехал только на его похороны. Правда, написал ему письмо, объясняя, за что был отчислен из Университета после студенческих волнений.

Когда дети подросли, Варвара Николаевна переехала в Москву, где Вукол Михайлович снял им дом. Ни Варвара Николаевна, ни дети ни в чем не нуждались – абсолютно все оплачивал Вукол

Михайлович. Дочери их, Лидия и Анастасия, когда подросли, очень часто навещали отца, а потом по долгу жили в его имении Малеевка, особенно летом.

Продолжение следует

«ШЕКСПИР ИЛИ МАРЛО?»

В книге Вячеслава Катамидзе, вышедшей в 2023 году в издательстве «Омега-Л», выдвигается смелая гипотеза о том, что Уильям Шекспир не мог быть создателем приписываемых ему гениальных пьес и сонетов, хотя бы потому, что, в отличие от драматургов своего времени, не получил должного образования (начало читайте в №173/05–06)

Ярмарка в Стратфорде-на-Эйвоне. Под ярмарочным крестом нередко выступали заезжие артисты или шуты

О характере и обычных занятиях Шекспира

Признаюсь читателю: название этой главы позаимствовано – за исключением имени, разумеется, – у Франсуа Рабле. В главе «О характере и обычных занятиях Панурга» он дал довольно развернутую характеристику весельчака и довольно беспутного малого, который стал другом короля Пантагрюэля.

Но параллель с Уильямом Шекспиром тут, пожалуй, только в том, что он, как и Панург, в юности самостоятельно не занимался, в сущности, ничем. Я имею в виду – он не желал прикладывать усилия ни к чему серьезному.

Конечно, это тоже догадка, потому что никто не имеет ни малейшего понятия, чем Уилл занимался четыре года – с 1578 по 1582 год и еще целых семь лет с 1585 по 1592 год. Их историки называют «потерянными годами», а иногда – «годами, сокрытыми временем». При этом как-то упускается из виду, что мы не знаем, чем Шекспир занимался на протяжении всего его лондонского периода, так как единственные документальные свидетельства его деятельности – это периодически появлявшиеся в те годы пьесы, которые он якобы написал. По большому счету, вся жизнь барда – «годы, сокрытые временем». Просто два периода, означенных выше, дают

шекспироведам-догматикам больше свободы для того, чтобы приписать ему все что угодно.

Фрэнсис Нильсен, к примеру, писал, что бард проводил «нескончаемые часы тяжелого труда, собирая факты для своих сюжетов», что потратил невероятно много времени «на изучение тюдоровских династий». Предположения такого рода ничуть не хуже предположений, что бард все это время играл на дудочке или вышивал крестиком.

Честные историки так и говорят: он мог заниматься чем угодно. Мог писать стихи и пьесы, если его кто-то этому научил, или продолжал работать в мясной лавке, потому что отец преподавал ему необходимые уроки такой работы. Мог скитаться по окрестным городам, время от времени устраиваясь на работу, или сидел на шее у жены, которой, вполне возможно, родственники время от времени подкидывали деньжонок на пропитание детей. Мы ничего не знаем о его имущественном положении, но, скорее всего, он не блистал в стратфордском обществе. Наоборот, единственная информация о нем в тот период характеризует Уилла далеко не с лучшей стороны. Очередь до нее еще дойдет.

А вот историки, которые не стесняются время от времени вводить читателя в заблуждение, те, наоборот, придумывают Уиллу такие занятия, которые могли бы объяснить, откуда у него обширные познания об Италии, Дании, Франции и других странах Европы, а также о военном деле, дипломатии, политике и юриспруденции.

Они предполагают, что в период с 1582 по 1592 год Уилл был моряком или солдатом, которого судьба занесла на поля европейских сражений, включая Нидерланды, или служил секретарем у дипломата в европейской столице, или, как у нас принято было говорить, «выполнял ответственные задания руководства», будучи сотрудником госучреждения. Впрочем, наиболее осторожные из них довольствуются тем, что приписывают Уиллу значительно менее важные посты: ссылаются на легенды, в соответствии с которыми он где-то учился.

В 1949 году в Англии вышла книга «Краткие биографии Обри», составленная по рукописным заметкам Джона Обри (1626–1697), антиквара и писателя. Автор этот, более известный своими историями-пугалками о сверхъестественных явлениях и мистике, сделал в биографиях десятков великих людей, которые написал в разные годы, множество исторических ошибок. Он был одним из первых, кто заявил, не подкрепляя это никакими свидетельствами, что Шекспир был в молодости директором школы. Поскольку Обри, как правило, ссылался на информацию, полученную от родственников и друзей, шекспироведы ухватились за его слова, как за спасательный круг. Их не смутило даже то обстоятельство, что в том же самом эссе о Шекспире Обри привел слова Бена Джонсона, выдающегося театрального деятеля той эпохи, который утверждал, что Шекспир «мало смыслил в латыни и еще меньше в греческом языке».

В свете этого еще более забавной представляется легенда, что лет в шестнадцать или семнадцать Шекспир был приглашен учить детей графа Беркли, причем он преподавал детям латынь: что еще мог Уилл преподавать после нескольких лет учебы в классической средней

Портрет Джона Обри

школе? Создатели и распространители этой легенды, конечно, шекспировскую биографию Обри не читали и о высказывании Бена Джонсона не знали ничего.

Современные авторы с высказыванием Бена Джонсона знакомы. Поэтому писатель Энтони Берджесс использовал легенду о работе Шекспира в Беркли с учетом слов Джонсона, но построил на этой

легенде целую теорию. Она заключается в том, что юный Шекспир, натура увлекающаяся и творческая, вполне мог проводить с мальчиками своего рода преподавательский эксперимент: он изучал с ними пьесы Платона – но не на латыни, а на английском языке. И, добавляет Берджесс, граф, конечно же, благосклонно отнесся бы к такому эксперименту, ибо сам был патроном

Роберт Дадли, граф Лестерский

театрального искусства и финансировал труппу, которая носила его имя. Словом, если верить Берджессу, молодой Уилл развлекался в замке Беркли любопытными творческими экзерсисами, но ведь проверить эту забавную теорию тоже не представляется возможным...

Есть и такая теория: что знания в области юриспруденции он получил, поступив лет в пятнадцать в помощники к делопроизводителю

стратфордской ратуши Генри Роджерсу, который прослужил на этом посту 16 лет – с 1570 по 1586 год. Было время, когда Роджерс подчинялся отцу Шекспира и, возможно, находился с ним в приятельских отношениях, но нет ровным счетом никаких свидетельств, что у Роджерса был молодой помощник. Равным образом ничем не подкреплена теория, что юный Шекспир был в учениках у некоего Уолтера

Роша, адвоката, который до этого был директором стратфордской классической школы. Но фантазия шекспироведов безгранична.

Слабость всех этих теорий, как это очевидно, в том, что ни одна из них не подкреплена ни единой строчкой в каком-либо документе, в то время как существует множество записей другого рода и о других людях. Поэтому здесь догматики особо не педалируют. Но все они без исключения пытаются внушить нам мысль, что, чем бы Уилл к этому времени ни занимался, он уже увлекался театром и даже готовил себя к театральной карьере. Чтобы оправдать эту теорию, они отсылают нас к документальным свидетельствам, что в Стратфорд нередко наезжали театральные труппы из столицы.

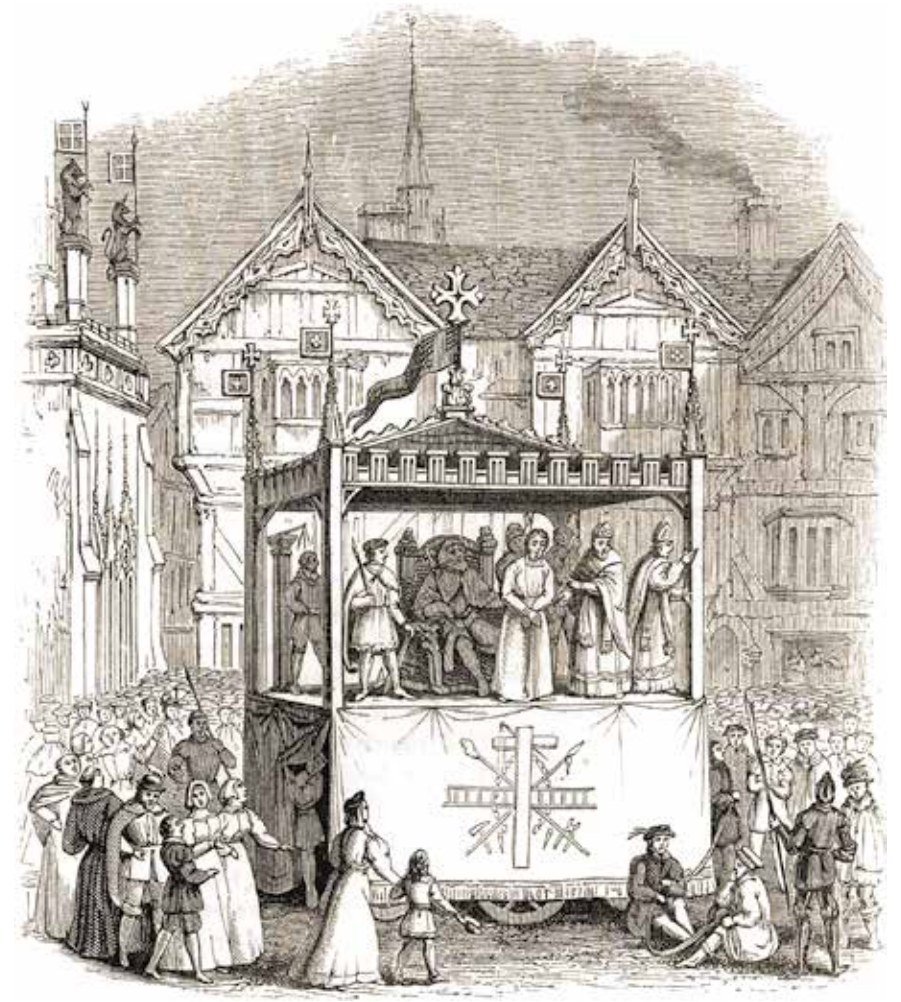
Действительно, в финансовых отчетах мэрии есть записи о том, что были сделаны выплаты актерам различных трупп, которые содержали аристократы, за проведенные в Стратфорде выступления.

В 1569 году, когда, кстати, отец Шекспира был главой городского магистрата, то есть исполнительного совета, актерам Королевской труппы было выплачено 9 шиллингов, а актерам Труппы графа Вустерского – 12 пенсов. В 1573 году Труппа лорда Лестерского получила 5 шиллингов и 8 пенсов. В 1576 году – Труппа лорда Уоррика получила 17 шиллингов, а Труппа лорда Вустерского – 5 шиллингов и 8 пенсов. Наконец, в 1577 году Труппа лорда Лестерского получила 15 шиллингов, а Труппа лорда Вустерского – 3 шиллинга и 4 пенса. Позже расходы такого рода в реестры не включались. Всего же дотошные биографы Шекспира насчитали около двух десятков выступлений различных актерских групп с 1569 по 1583 год. То есть иногда было два выступления в год.

Для шекспироведов-догматиков эти записи – небесные дары. Они

убеждены, что гастроли заезжих актеров произвели на юного Уилла такое впечатление, что он с детства решил посвятить себя театру. Тем более что спектакли проходили в здании ратуши, в большом зале по соседству с классической средней школой, в которой, как мы верим, учился Шекспир. Но при этом шекспироведы забывают упомянуть, что спектакли на Пасху и Рождество были традицией во многих городках Англии, и вовсе не стоит считать Стратфорд городом особой культуры и каких-то особенных театральных традиций. Чаще всего спектакли эти носили морально-назидательный характер, так что действующими лицами в них были не только реально существовавшие исторические личности или библейские персонажи, но и такие персонажи, как Честь, Добро или Смерть. А скромные суммы, которые актеры получали, говорят о том, что спектакли были непродолжительными, одноразовыми и рассчитанными на небольшую аудиторию.

Шекспир и его сверстники наверняка ходили на спектакли, которые устраивали местные власти с участием заезжих актеров, и шекспироведы-догматики не упускают случая напомнить, что организатором этих спектаклей был глава городского магистрата, а отец Шекспира одно время исполнял эту должность. Отсюда делается вывод, что уже юношей Шекспир был в курсе театральной жизни городка и сидел в первом ряду, когда эти спектакли устраивались в Стратфорде. Единственное, что тут упускают из виду: его отец был главой городского магистрата в 1569 году, когда Уильяму было всего пять лет, и хотя в этом возрасте зрелища тоже привлекают, вряд ли он понимал, о чем говорится в пьесе. А к тому времени, когда Шекспир достиг возраста, когда можно почувствовать настоящий вкус к театру, его отец потерял и свой авторитет,

Выступление заезжих артистов на площади в Ковентри

и должность, и Шекспиру пришлось помогать ему в мясной лавке.

Заметим: и здесь у нас нет абсолютной уверенности в том, что Уильям был у отца помощником в лавке. Информацией об этом мы обязаны Джону Обри, которому далеко не всегда можно доверять в таких случаях. Вот что он писал в XVII веке в биографии Шекспира: «Отец его был мясником, и некоторые его соседи рассказывали мне прежде, что, когда [Уильям] был мальчиком, он занимался тем же ремеслом, что и отец, но когда ему нужно было забить теленка, он делал это очень торжественно и при этом произносил целую речь». В глазах современного человека

действия такого рода граничат с шизофренией, но историки полагают, что, хотя со стороны молодого барда такое поведение было страшным ребячеством, оно, вообще-то, могло иметь место...

Конечно, работа в мясной лавке была очень тяжелой, и юноше нужна была отдушина. Зрелищ в Стратфорде-на-Эйвоне было на удивление мало, и, даже устав после многочасовой работы, подмастерья и помощники лавочников не упускали возможности побывать на любом представлении. Поэтому не будем спорить: на Уилла и его сверстников спектакли должны были производить неизгладимое впечатление. И вполне можно

Спектакль, организованный главой городского исполнительного совета в Стратфорде-на-Эйвоне

допустить также, что, если Уилл действительно писал стихи и проявлял иные способности, полезные в театральном деле, между 1585 и 1593 годами его вполне могли взять учеником в Труппу лорда Лестерского или даже в Королевскую труппу, и тогда он немало путешествовал с актерами. Но, допуская это, мы вновь оказываемся в области одних предположений, а не фактов.

Шекспироведы часто ссылаются на то, что у юного Шекспира были и другие возможности побывать на красочных спектаклях. Если Стратфорд, говорят они, был маленьким городишком, в котором было менее полутора тысяч жителей, то совсем недалеко, всего в нескольких милях от него, располагался такой крупный город, как Ковентри. Там действительно довольно часто, особенно в рыночные дни, проходили спектакли заезжих

актеров. То были главным образом мистерии на религиозные темы.

Но в обедневшей семье Джона Шекспира вряд ли была верховая лошадь, а добраться в Ковентри, чтобы побывать на спектакле странствующего театра, было не так легко. Никто не пустил бы молодого Шекспира и в поместье аристократов, когда там выступала заезжая труппа: на таких спектаклях присутствовали только дворяне и крупные купцы, ими приглашенные.

<...> Но в любом случае не исключено, что первые личные контакты Уилла с профессиональными актерами имели место в середине или в конце 1580-х годов. Не будем преуменьшать важность этого общения Уилла с актерами: всего через несколько лет он станет их коллегой. Последний раз Королевская труппа выступала в Стратфорде в 1587 году, а два года спустя Шекспир не только получал жалованье

как член этой труппы, но уже был одним из акционеров компании, которая содержала труппу. Однако к увлечению драматургией и актерской профессией, как мы вскоре узнаем, это никакого отношения не имело.

Шекспироведы пытаются также уверить нас, что актеры, которые выступали тогда в Стратфорде, были ведущими актерами страны. Этот вывод делается на том основании, что в спектаклях, проводившихся на Рождество и Пасху, принимало участие около десятка ведущих театральных трупп страны. Но мы не должны забывать, что то был театр, который мы называем «дошекспировским»! По меркам начала XVII века, когда театр Английского Возрождения достиг высочайших вершин в драматургии и даже в сценографии, выступления в Стратфорде были рыночным балаганом, пародией на спектакли. То, что они собирали людей, то, что горожанам нравился этот балаган, еще ни о чем не говорит: это были вкусы людей, в своей массе неграмотных и знающих крайне мало о всемирной истории, включая английскую, и о культуре в целом. Не удивительно ли, что, приобщившись к этому театру и не зная другого, Шекспир взлетел на вершину драматургии Английского Возрождения?

Среди крупных актеров той эпохи, которых он имел возможность увидеть в молодые годы, были Дик Тарльтон (сейчас его называют Ричардом Тарлтоном) и Уилл Кемп, комики или, точнее, клоуны, – которые работали в Королевской труппе. Кемп, для которого клоунада и умение плясать джигу стали со временем дорожкой к театральной славе, был в те годы начинающим актером. Звезда Тарлтона уже закатилась. Он имел глупость высмеять на сцене своего патрона – лорда Лестерского, фаворита королевы, и потерял многие роли.

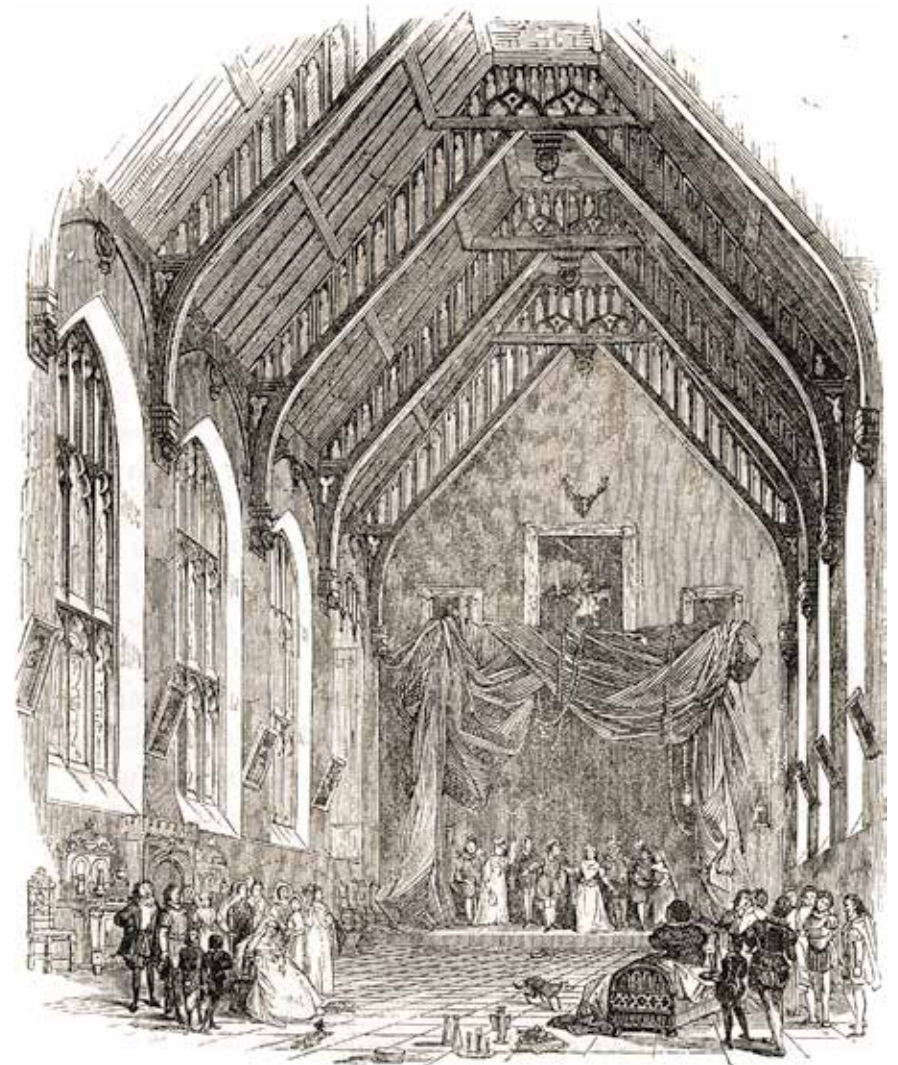
Вскоре после визита в Стратфорд он умер от цирроза печени. По сути дела, если Уиллу и нравилась актерская профессия, он должен был, пообщавшись с этим двумя актерами, немного поостыть: вряд ли они поощрили его стремление. Один был полон разочарования, другой занимался шутловством...

Но есть во всех рассуждениях шекспироведов-догматиков одна деталь, которая меня подкупает. Они утверждают, что в числе актеров Труппы графа Вустерского, которые выступали в Стратфордской ратуше, был человек по имени Эвард Аллейн. Если это так, то встреча с ним, если она и вправду имела место, была действительно ценной для Шекспира. Аллейн был на два года моложе Шекспира, и общение с юным актером могло придать столь же юному Уиллу больше желания окунуться в мир театра. Со временем Аллейн – мы еще встретимся с этим именем в книге – стал одним из самых крупных театральных деятелей страны. Пройдет несколько лет, и Труппа Аллейна начнет ставить пьесы Шекспира. Не слишком ли много совпадений?

Что ж, возможно, такая встреча действительно произошла и сыграла свою роль в дальнейшей жизни обоих. Но, естественно, свидетельств тому нет – мы по-прежнему должны делать выводы, основываясь на домыслах. Иными словами, о юношеских увлечениях Уилла мы тоже ничего не знаем.

Впрочем, это не совсем так. У молодого Шекспира, как можно предполагать, были те же увлечения, что и у других молодых людей в его возрасте: любовные. И закончились они, как это часто бывает, браком, только довольно странным.

В 1582 году, когда Уильяму было всего 18 лет, он получил церковное разрешение на вступление в брак с девушкой по имени Анна Уэйтли. 27 или 28 ноября 1582 года они должны были сочетаться браком.

Выступление странствующих актеров во дворце аристократа

Однако 28 ноября Уильям женился не на ней, а на женщине по имени Анна Хатауэй, которая была старше его на восемь лет. Добавим: эта женитьба была обставлена рядом необычных условий. Два уважаемых горожанина Стратфорда, Сэнделз и Ричардсон, стали поручителями в церковном суде Вустера, что епископу ни в коем случае не будет предъявлен иск, если возникнут юридические препятствия к браку между Уильямом Шекспиром и Анной Хатауэй, вызванные либо уже существующим брачным контрактом, либо наличием родственных отношений. Поручительство было

серьезным: ответственность поручителей была оценена в 40 фунтов стерлингов. В результате этого поручительства брак был разрешен «с одним формальным оглашением имен людей, вступающих в брак».

26 мая 1583 года Анна Шекспир родила девочку, которую назвали Сюзанна. Теперь стала ясна причина поспешности, с которой был заключен брак: когда Анна выходила замуж за Уильяма, она была на третьем месяце беременности. В известном смысле стала ясна и причина поручительства: девушка, на которой Уильям обещал жениться и которой предпочел Анну

Актер Уилл Кемп, танцующий джигу под аккомпанемент барабана (со старинной гравюры)

Хатауэй, могла обратиться в церковный суд Вустера с требованием наказать обманщика, но она, видимо, предпочла не выставлять себя на посмешище.

Хитроумные шекспироведы пытаются представить дело так, что бард никого не обманывал. Анна Хатауэй и Анна Уэйтли, говорят они, это одно и то же лицо, здесь просто имеет место ошибка какого-нибудь писаря, который, скорее всего, был глуховат и не смог правильно записать имя невесты.

Но ведь мы знаем, что лицензия на брак уже была получена; зачем же тогда все эти сложности с поручительством? Кроме того, поражает размер суммы, на которую подписались поручители, – 40 фунтов стерлингов стоил в те времена дом, пусть и не в центре Стратфорда. Джон Шекспир был в то время в тенетах страшных долгов и найти такую сумму не смог бы. Но, видимо, родителям Анны надо было во что бы то ни стало выдать дочку

замуж, чтобы избежать позора и для нее, и для всей семьи.

Наконец, шекспироведы сами ставят себя в сложное положение теориями о том, что уже с 1580 года молодой Шекспир странствовал с Королевской труппой и подолгу отсутствовал, бывая в Стратфорде только наездами. Как же тогда умудрилась забеременеть от него Анна? Время для этого нашлось, говорят шекспироведы. У Уильяма с Анной был роман. Правда, он вряд ли рассчитывал жениться так рано, но Анна ему нравилась: ведь спустя 20 месяцев после крещения Сюзанны в семье Уильяма Шекспира появились близнецы – Хэммет и Джудит. Пусть Анна была простой, неграмотной женщиной, но она все эти годы была «надежным тылом» великого поэта, и он это ценил.

Не знаю – факты говорят совсем обратное. Спустя несколько месяцев после рождения близнецов он бросил семью и надолго обосновался в Лондоне. Когда он вернулся

в Стратфорд, он не жил с Анной, а в своем завещании единственное, что он ей оставил, это «вторую, лучшую, кровать». Поэтому я склоняюсь к мнению скептиков, у которых совсем иная, более прозаическая точка зрения.

История тут такая, говорят они. Финансовые проблемы семьи и тяжелый труд надоели Шекспиру, и он задумал решить их для себя браком. Сначала он нашел девушку из фермерской семьи, которая жила в относительном достатке, но тут подвернулась дочь довольно зажиточного йомена из Шоттери, которая

была к тому же от кого-то беременна и родители которой готовы были озолотить любого, кто на ней женится.

Уильям это сделал, тем более что его собственные родители, которых замучили долги, его к этому браку поощряли. Как только у него появилась возможность оставить ее в Стратфорде и уехать подальше, он так и поступил. Кстати, даже самые догматичные из шекспироведов признают, что Уильям не был «особо добродетельным». Иными словами, Уильям Шекспир не был образцом добропорядочного семьянина и, похоже, был довольно эгоистичным малым.

<...> Что же касается особых черт характера, то он, видимо, всегда был довольно меркантильным – и к тому же очень предприимчивым. Оба эти качества совершенно необходимы, чтобы молодой человек быстро нашел себя в столице и стал бы, в отличие от большинства своих сверстников, человеком богатым.

Все это никак не умаляет его таланта, если таковой у него был. Среди гениальных поэтов и композиторов, художников и скульпторов были феноменальные скряги с душой безжалостного ростовщика; то, что об этом не принято говорить, вовсе этот факт не исключает. Но человек, который вскоре станет великим бардом, должен хоть как-то свой талант проявить.

Уже упомянутый нами Обри, не то биограф-недоучка, не то просто собиратель слухов и сплетен, которого, однако, многие шекспироведы цитируют как «честного биографа», писал о Шекспире в 1680 году так: «Этот Уильям, поскольку у него были природные склонности к поэзии и актерству, приехал в Лондон, я думаю, примерно в возрасте 18 лет и стал актером в одном из театров, причем актером он был исключительно хорошим. Вообще, Бен Джонсон никогда не был хорошим актером, но был отличным учителем. Он [Шекспир] рано начал делать попытки создания драматургической поэзии, которая в те времена была на очень низком уровне, и его пьесы имели успех».

<...> Обри пишет, что Бен Джонсон был плохим актером, а Шекспир – хорошим, хотя никогда не видел в роли ни одного, ни другого; он считает, что Джонсон был хорошим наставником барда, хотя нет никакой информации о том, что он чему-то и когда-то учил Шекспира.

Но, пожалуй, самое главное в его опусе – это заявление, что у Шекспира были природные склонности к поэзии и актерству. Интересно было бы узнать, на каком основании он сделал такой вывод. Потому что у нас нет ни малейшего повода полагать, что Шекспир в юности читал или сочинял стихи, увлекался пьесами великих драматургов классической школы, просиживал вечера над учебниками, чтобы подняться

Актер Ричард Тарльтон (со старинной гравюры на дереве)

на одну ступеньку выше в своем образовании.

Мы не можем судить, обнаружилась ли в нем в юности склонность к поэзии и актерству – не важно

какая, природная или благоприобретенная. И, значит, верить Обри во всем остальном мы тоже не склонны.

Продолжение следует

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

ЛИЦА И СУДЬБЫ

Мир держится на добрых людях

ЕКАТЕРИНА СОФРОНОВА

Профессия фотографа довольно зависимая – часто она зависит от людей. В православии есть очень интересное слово – «словущий», то есть прославленный. Хочет или нет, фотограф пробует отобразить лик словущего. Делая портреты современников, он в какой-то мере участвует в создании летописи нашего времени. Мир держится на добрых людях – их намного больше дурных и злых. Мне повезло встретить на своем жизненном пути замечательных людей. Они и стали героями данного очерка.

Наталья Георгиевна Костаки

Имя ее отца, великого коллекционера Георгия Дионисовича Костаки редко проскальзывает в наших разговорах. Мы больше вспоминаем Анатолия Зверева, может быть, потому что он часто приходил в гости к Наталье, когда Георгий Дионисович уехал из СССР. Зверев расписал у Натальи в квартире комнатные двери, мебельные дверцы, стол и скамейки для кухни, сундук, нарисовал много портретов.

Вспоминаю, как Костаки рассказывала: «Каждое лето наша семья отдыхала в Баковке. Большой сад. Дом на крутом склоне, участок, спускающийся вниз, к оврагу, где течет небольшой ручеек, называемый “тухлянкой”, наверное, из-за сероводородного запаха. В нем водились пиявки и лягушки. Старые яблони в саду усыпаны яблоками. Каких только здесь нет: белый налив, коричные, антоновские... Мама варит варенье, дольки прозрачные,

как янтарь, с изумительным ароматом. Этим яблоком сумасшедшее количество, их собирают мешками и раздают многочисленной родне. Таких вкусных яблок я не ела больше нигде».

Владимир Гербович Симонов

Как писал художник-реставратор, историк искусств и писатель Савелий Ямщиков о реставраторах: «Наша отечественная школа реставрации – одна из лучших в мире. Итальянские коллеги, которым я читал лекции, сказали: “На долю вашей страны выпало столько испытаний, что привело к становлению суперсовременной реставрационной науки. Мы восхищаемся работами ваших друзей”».

Реставратор и художник Владимир Симонов, автор замечательных серий картин «Дагерротипы» и «Реставрация», пишет: «Для меня в живописи главное – сама живопись. И вместе с этим есть темы, которые меня волнуют, которые я пытаюсь раскрыть с ее помощью. А багровый закат уходящей России, которую мы потеряли, оставляет пылающий отсвет на одеждах, лицах, на будущем многих из них. В картинах красный цвет, как в иконописи, – цвет мученичества, но одновременно цвет жизни, воскресения».

Однажды он попросил меня сделать несколько своих фотопортретов. Мы встретились у метро Таганская, пошли к Котельнической набережной; по дороге, проходя интересные места и виды,

я фотографировала Симонова. Он позировал, рисовал, как будто на этюдах. Прохожие крутили головами. Художник на улице сегодня редкое явление.

Кирилл Серафимович Мамонов

Он сидел на табуретке и подкрашивал картинки на сарае в деревне Матюшино Тульской области. А на сарае футболисты «Спартак» праздновали чемпионство. Картинки были немного примитивными, но очень интересными (потом я узнала, что их автор работал на «Союзмультфильме»).

Кирилл Мамонов – один из самых известных и оригинальных современных художников. Его графические листы о несчастном художнике-нонконформисте Владимире Яковлеве я знала и любила, но никогда не задумывалась об авторе. Случай сам привел меня в Матюшино к избе Кирилла Серафимовича. И это тот случай, когда одной встречи хватит на всю оставшуюся жизнь. Так и запомнится: скошенный лужок у дома, высокие ели, флоксы и желтые шары августовских цветов, старый дом, художник Мамонов у сарая, Матюшино, Россия. Свобода и счастье.

Олег Павлович Отрошко

Ярославль и Волга. Усадьба поэта Николая Некрасова «Карабиha». Городок Данилов и затерянная в лесах деревня Раи, где в небе

летают непуганые глухари.

Олег Павлович Отрошко звал и зовет в Раи собирать грибы и ягоды, ловить рыбу, увидеть рай на земле.

Огромное удовольствие фотографировать этого «апостола» – одного из живых классиков русского анималистического искусства.

Я по праздникам звоню ему, бывает он врывается в светлую московскую жизнь: «Здравствуй, мое золото»!

В самом центре его мастерской выставлено чучело поющего глухаря. Отрошко тоже чем-то напоминает древнюю и таинственную птицу на току, также вдохновенно часами длится монолог Олега Павловича: о поэте Рубцове, братьях Твардовских, актере Николае Бурляеве... Слушаешь, даже не стараясь вставить словечко. Отрошко говорит, говорит. В этот момент можно его фотографировать, он ничего не замечает: у него появился слушатель и есть

Олег Отрошко

Анатолий Брусиловский

ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫГОВОРИТЬСЯ.

Анатолий Рафаилович Брусиловский

Один из последних китов советского андеграунда – Анатолий Рафаилович Брусиловский.

Немного режет слух, когда он обращается: Николая, Серж, Алексис, а себя просит называть Анатоля. Но это, скорее, инерция божественного образа жизни. Правда, относясь к богеме, Брусиловский является самым неистовым трудоголиком. Множество книг и журналов было оформлено его гравюрами. Даже в минуты отдыха он продолжает что-то делать, что не требует запределного внимания. Скажем, режет детали для своих коллажей.

Анатолий Рафаилович утверждает, что он родитель боди-арта. Некоторые искусствоведы с ним соглашаются.

В мастерской Брусиловского на Новокузнецкой улице перебывало много людей. Участие в самиздатовском журнале «Метрополь» причисляет его к культовым фигурам своего времени, чему способствовала и работа над книгой поэта Генриха Сапгира «Путы».

Людмила Берлинская. Квартира-музей Святослава Рихтера в Москве. 2025

Великолепен альбом «Пантеон советского авангарда», где собраны фотопортреты художников-нонконформистов, некоторых писателей и поэтов, сделанные Анатолием Брусиловским.

Когда я фотографировала Анатолия Рафаиловича, он все просил укрупнить план. Постоянно давал советы. Всегда есть чему поучиться у него.

Людмила Валентиновна Берлинская

«...Наши совместные репетиции, особое волнение и ответственность за дочь, радость разделенных успехов. Думаю, что именно эти

совместно прожитые часы жизни и породили ни с чем не сравнимую мою близость с дочерью, наше тонкое взаимопонимание», – записал Валентин Александрович Берлинский.

«Папа окружает меня любовью, я погружаюсь в привычный мир, я в безопасности. И в этом опасность: я перестану двигаться вперед, живу как «дочка Берлинского», любой каприз... Но как же хорошо с ним на сцене!» – пишет Людмила Берлинская.

Каждую встречу с Людмилой Валентиновной запоминаешь навсегда: Зарядье, консерватория на Никитской, галерея Никогосьяна, музей Чайковского в Клину, зал у Башмета... Мне почему-то

особенно дорога встреча на концерте в квартире-музее Святослава Рихтера на Бронной. И портрет этот сделан у Рихтера, где репетировал квартет Бородина, бывал Валентин Александрович, занималась Людмила Валентиновна, Мила, написавшая чудесную книгу «Солнце в карманах», рассказавшая с запределной искренностью о своей судьбе и близких людях.

Александр Александрович Волков

Имя великого русского художника Александра Николаевича Волкова, жившего в Узбекистане, создавшего мир гранатовой чайханы,

Наталья Нестерова

известно всем, кто любит авангард начала XX века.

Александр Александрович, замечательный человек и художник, хранит традиции отца и всего большого и дружного «клана» Волковых.

*Когда солнце горит все ярче, все красней,
Когда путь караванный крови алей,
За пустыней железных предгорий
Трехликий сияет
на камнях тюльпан...*

Сан Саныч зимами живет в квартире Рыбниковых, где когда-то жил художник и основатель реставрационных мастерских Третьяковской галереи Алексей Рыбников.

Запись от 12 декабря 1943 года из дневника писателя М. М. Пришвина: «Наконец явился Рыбников, переживший неведомую нам нравственную катастрофу. Он говорил, что пережитая нами за время

коммунизма «грязь» в Тегеранской конференции превратилась в доblesть, и переживания наши стали понятны, если иметь в виду нашу победу. И сам Сталин был сосудом Божьим и т.п., что-то вроде «ныне отпускаешь» (дожить, понять и простить)».

А летом на берегу Москва-реки, в деревне под Звенигородом, напротив Саввино-Сторожевского монастыря, хорошо было нам встречаться и часами беседовать об искусстве, разглядывая пастели Александра Волкова, жонглировать именами Шагала, Довлатова, Герасимова, Инфанте, Костаки, пока сумерки не погонят к автобусу.

Наталья Игоревна Нестерова

В квартире на Арбате все дышало стариной. В разговор вмешивался

попугай. Глядя на картины Натальи Нестеровой, вспоминаешь Рене Франсуа Магрита и Савелия Ямщикова. С первым всегда сравнивали Нестерову, даже если сравнение было неуместным.

А второй оставил воспоминания: «Наташа большой и, я бы сказал, духовно-нравственный художник. Она никого не поучает своим творчеством. Просто талантливо рассказывает об окружающем мире, а рассказать ей есть о чем, ибо она умеет заглянуть в самые сокровенные тайники этого мира.

Мы путешествовали вместе по старым русским городам, и о лучшем спутнике можно было и не мечтать. С Наташей общаться легко и комфортно».

Это правда, с Натальей Игоревной всегда было легко общаться.

А под окнами ее квартиры растянулись крыши старой Москвы...

Виктор Васильевич Королев

С селом Никольским у Реутова у меня особые отношения, там живут наши друзья, о которых хочется рассказать.

В советское время альманах «Охотничьи просторы» был очень популярным, издавался с 1950 по 1991 год. С распадом СССР издательство «Физкультура и спорт» закрыло проект, но в 1993 году энтузиаст из Реутова Василий Королев возродил издание. После смерти отца Виктор Васильевич Королев продолжил издавать «Охотничьи просторы».

Вышедший в 2024 году сотый номер стал последним, но издательство охотничьей литературы ЭРА живо, выходят книги классиков Пермитина, Штильмарка, Смирнова...

Я иногда поражаюсь, как тащит этот «воз» Виктор Королев. Но сразу спохватываюсь: человек любит свою работу.

Ольга Игоревна Лапшина

А на другой стороне железной дороги живет Ольга Игоревна Лапшина. Ее отец Игорь Павлович Волков – знаменитый педагог-новатор, а дедушка – Александр Иванович Иглин, один из основоположников советского эстампа. Великая А. П. Остроумова-Лебедева писала ему: «В Ваших работах есть именно то, что я люблю...»

Сама Ольга Игоревна всю жизнь проработала учителем рисования, при этом занимаясь живописью и гравюрой. И у нее, как мне кажется, самый правильный педагогический подход: «Художник и педагог неотделимы друг от друга. Всякий квалифицированный учитель должен работать творчески и при этом быть профессионалом

высокого уровня как художник. Но и художник должен быть окружен учениками, иначе как творческая личность он засохнет. Проговаривая на уроке общеизвестные истины, ты снова и снова открываешь для себя что-то неожиданное, то, что раньше не приходило тебе в голову.

Кроме того, каждый заданный учеником вопрос – это повод покопаться в литературе. Так рождается новая творческая идея».

Марина Григорьевна Островская и Дмитрий Яковлевич Успенский

Марина Григорьевна и Дмитрий Яковлевич скульпторы-анималисты, заводчики борзых собак.

В электронной переписке Островская поясняла: «Мне кажется, что анималистом я родилась. Сколько я помню, все время лепила маленьких зверей, лошадей, собак. И это, конечно, судьба, я одновременно скульптор-анималист и, кроме того, международный судья по всем породам собак. Так что считаю, что мне очень повезло в жизни, я занимаюсь тем, что люблю. И если скульптор – это моя профессия, то судья-кинолог – хобби. Но в обоих случаях нужно, бесспорно, знание анатомии и любовь к тому, чем занимаешься.

Что касается старшего поколения анималистов, то первый, с кем мне пришлось встретиться, был Ватагин. Моя мама, тоже скульптор, собрала мои детские работы, маленьких зверушек, и мы с ней пришли к Ватагину в мастерскую на Масловке».

Меня всегда поражает возможность общаться с людьми, которые в свою очередь были близки к великим мастерам, воспринимающим сегодня как гордость России. Ватагин!..

В мастерской у метро Сокол я сделала серию портретов скульпторов. Не знаю, что потрясло меня больше – лица людей или морды борзых. Они все были необыкновенно красивы и выразительны. Потом я пришла к выводу: анималисты – особый сорт художников.

Клара Николаевна Голицына

Говорят: 100 лет в обед. В это трудно поверить, но в декабре 2025 года 100 лет исполнилось Кларе Николаевне Голицыной.

Она всегда может обратить внимание, как ты одета, какая брошь или бусы на тебе, как гармонирует одежда с цветом глаз. Ей ничего не стоит сделать комплимент.

Клара Голицына женственна. При этом трудно представить более рационального человека: все работы, когда-либо сделанные ею, записаны в тетради и пронумерованы. Все подарки, сделанные хозяйкой, записываются в другую тетрадь. Однокомнатная квартира превращена в мастерскую. Для жизни оборудована кухонька, где Клара Николаевна спит, есть и принимает гостей.

Удивительно, как в таком возрасте она остается открытой и заинтересованной, как тянется к новому, как ценит жизнь и время.

Клара Николаевна давала мне тетради своих дневников... И конечно, что-то запомнилось из наших разговоров.

Парадоксальное рассуждение: «У меня нет какой-то конкретной галереи, галериста, которые бы мной занимались. Участие в выставках предлагают разные институты. В арт-рынок вписаться не стремлюсь – для этого мышление другое надо иметь. В общем, я сама себе менеджер. Изредка появляется мысль все сжечь, но пока по дождю еще».

НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ТЕАТРА

В Театральном музее в Зарайске проходит выставка «От Бочарова до Кончаловского. Русские театральные художники на рубеже веков». Проект Бахрушинского музея, приуроченный к 250-летию Большого театра, рассказывает о развитии отечественного театрально-декорационного искусства и роли художника в создании сценического образа спектакля.

«Для Бахрушинского музея особенно важно сохранять и показывать наследие русского театра, акцентируя внимание на вкладе мастеров, которые сформировали его визуальный язык. Творчество Михаила Бочарова, Константина Коровина, Сергея Судейкина, Петра Кончаловского и других талантливых художников, работы которых представлены в экспозиции, определило развитие отечественной сценографии и продолжает служить источником вдохновения для театральных

художников сегодня», – отметила генеральный директор Бахрушинского театрального музея Кристина Трубинова.

Экспозиция рассказывает о Михаиле Ильиче Бочарове, мастере, который одним из первых в отечественном театре совершил переход к полноценному живописному оформлению сцены.

Особое внимание уделено роли частных театров: Московской частной русской опере Саввы Мамонтова и Опере Сергея Зимина как творческих лабораторий, где пробовали свои силы такие живописцы, как Валентин Серов, Михаил Врубель, Константин Коровин, Апполинарий и Виктор Васнецовы.

С развитием Художественного театра неразрывно связано имя Виктора Симова, эскизы которого представлены на выставке. Константин Станиславский называл его «создателем новой эры в области художественного

оформления, родоначальником нового типа сценических художников-режиссеров».

Театральные работы Сергея Судейкина и Николая Сапунова показывают другой путь развития сценографии – обращение к активной ритмической организации цвета, декоративной графичности и игровой условности.

Эскизы декораций Петра Кончаловского демонстрируют, широкий диапазон творческих возможностей художника от экспериментов в живописи времен «Бубнового вала» до работ в реалистической манере в советское время. В отличие от иллюзорно-реалистичной сценографии XIX века, Кончаловский предложил театру декоративный лаконизм, яркий цвет и осязаемую фактуру. Он добивался этого не точечной прорисовкой деталей, а энергичным, густым мазком, самим движением кисти, которое лепит форму.

Выставка «От Бочарова до Кончаловского. Русские театральные художники на рубеже веков» продлится в Театральном музее в Зарайске до 13 сентября 2026 года.

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ: АНГЕЛ МЕСТА

По следам IX Музыкального фестиваля «Лето. Музыка. Музей»

Североатлантический циклон «Бернадетт», устроивший в начале июля ураган на Балтике, пожалел преданных поклонников музыки: два дня подряд обрушивался ливнем на Новый Иерусалим и заканчивался едва ли не за полчаса до начала концертов у стен Воскресенского ставропигиального Ново-иерусалимского монастыря. Чем не знак того, что уже сама природа признала значение для культурного ландшафта России Музыкального фестиваля «Лето. Музыка. Музей», проходившего в девятый раз под открытым небом в подмосковном городе Истре!

«Каждый год у нашего музыкального фестиваля меняется тема: то “Русские сезоны” Сергея Дягилева, то творчество Александра Скрябина, а потом и Сергея Рахманинова... В этом году пять дней фестиваля прошли под знаком 120-летия со дня рождения великого русского композитора Дмитрия Шостаковича, – говорит художественный руководитель фестиваля, дирижер Дмитрий Юровский. – Мы постарались объединить в программе произведения Шостаковича с творениями других композиторов, которые играли важнейшую роль в становлении и развитии творчества Дмитрия Дмитриевича. Композиторов удивительно разных и совершенно знаковых для мировой культуры. Музыка Мусоргского, Малера, Вагнера. Римского-Корсакова, Глазунова, Прокофьева, Хиндемита, Стравинского звучала в исполнении лучших

российских оркестров, солистов и дирижеров».

В первый день фестиваля вместе с Государственным академическим симфоническим оркестром России имени Е. Ф. Светланова под руководством Дмитрия Юровского известный виолончелист Александр Рудин исполнил Первый концерт для виолончели с оркестром мибемоль мажор, некогда написанный Шостаковичем специально для Мстислава Ростроповича.

На второй день праздника музыки на пленэре вместе с Российским национальным оркестром Второй концерт для скрипки с оркестром до-диез минор звучал в исполнении лауреата международных конкурсов скрипачки Ольги Волковой.

Список замечательных исполнителей, выступавших в Истре, можно долго продолжать. Это и Государственный академический большой симфонический оркестр имени

П. И. Чайковского, и дирижеры Федор Безносов и Филипп Чижевский, и пианисты Станислав Корчагин и Абисал Гергиев, и бас Константин Федотов...

«Наш фестиваль – это совершенно особое пространство. Каждый фестиваль вечер – часть единого художественного маршрута. Это гармония музыки под открытым небом, где декорациями становятся стены и храмы уникального Ново-иерусалимского монастыря, воссоздающего святыне места Палестины, и прекрасного музея “Новый Иерусалим”, – считает президент фестиваля композитор Максим Дунаевский. – Ангел уникального места витает над импровизированным залом на 1600 мест и шатровой сценой, укрывающей музыкантов от капризов неба. Волшебная атмосфера, наполненная живым звучанием классических шедевров».

Лола Одинова